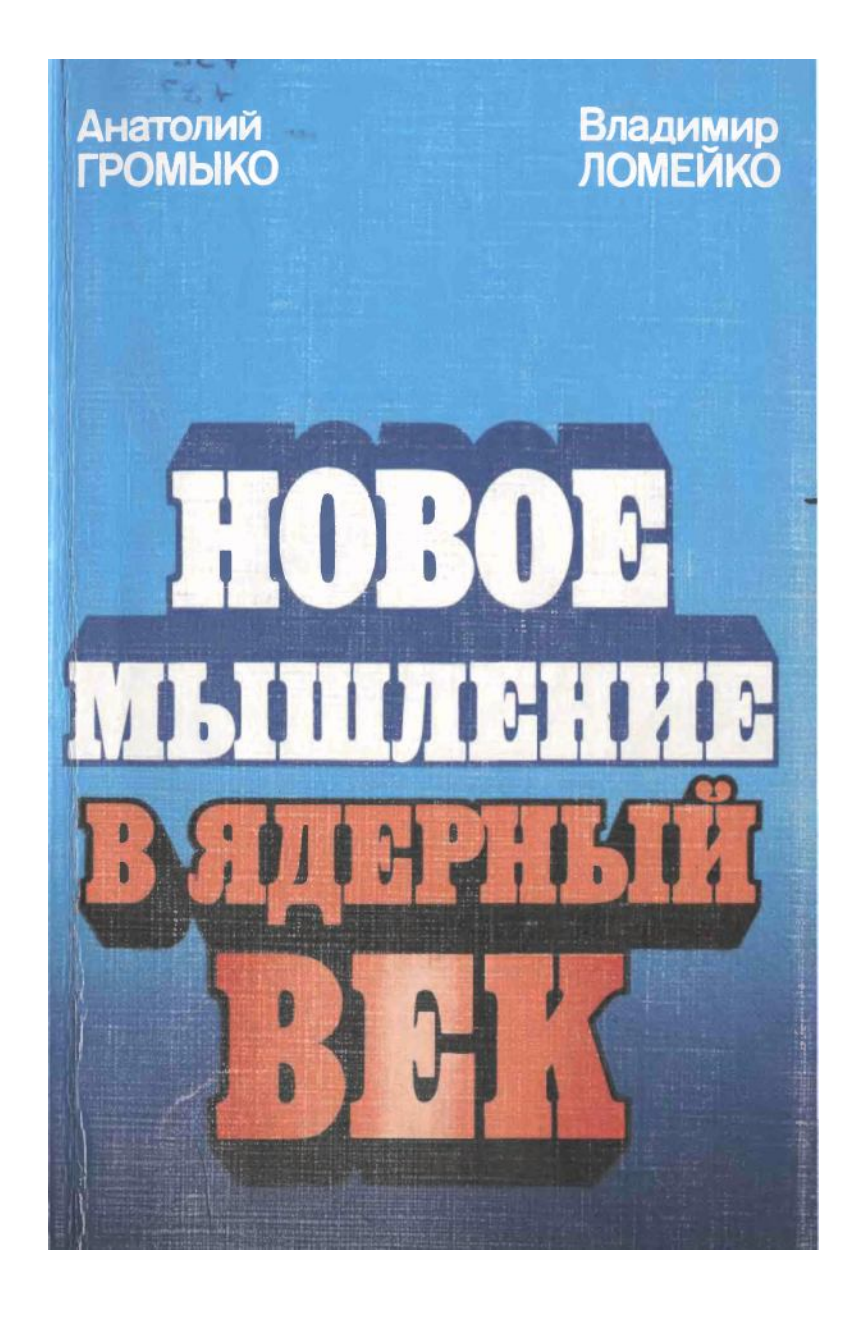

Анатолий ГРОМЫКО, Владимир ЛОМЕЙКО

Новое мышление в ядерный век

МОСКВА «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» 1984

СОДЕРЖАНИЕ

Сон разума рождает чудовищ.

Гойя

Все, что разумно, то неизбежно.

Гегель

Необходим новый способ человеческого мышления, чтобы человечество выжило и развивалось дальше. Сегодня атомная бомба до основания изменила мир; мы знаем это, и люди находятся в новой ситуации, которой должно соответствовать их мышление.

Эйнштейн

ОТ АВТОРОВ

ИДЕЯ ЭТОЙ КНИГИ возникла не сразу: вначале в размышлениях каждого из нас, затем в ходе дискуссий на международных конференциях, в беседах и спорах с нашими единомышленниками и нашими противниками, наконец, в долгих разговорах друг с другом.

До определенного времени тема этой работы осмысливалась каждым из нас независимо друг от друга, и, возможно, были бы написаны две разные книги, если бы нас не подтолкнул к совместному написанию случай.

В первой декаде октября 1983 года в качестве представителей Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество мы должны были принять участие в работе 19-й ежегодной конференции, которую проводил «Хаус Риссен»— Международный институт политики и экономики в Гамбурге. Когда мы собрались заказывать авиабилеты, оказалось, что самолеты «Аэрофлота» временно не совершают полеты во Франкфурт-на-Майне из-за санкций, введенных боннскими властями вслед за американской администрацией. Оставалась железная дорога — непозволительная роскошь для краткосрочных командировок.

Так, оказавшись волею случая в вагоне Москва — Кёльн, мы могли вновь испытать редкое в нынешние стрессовые времена удовольствие размеренной неторопливой беседы, без телефонных звонков, заседаний и неизбежных текущих дел.

Тридцать восемь часов туда и столько же обратно. Хвала народной мудрости: нет худа без добра. Вначале недовольные потерей времени на поездку вместо полета, мы на обратном пути благодарили черепашью основательность железной дороги. Воистину: тише едешь, дальше будешь. Конечно, не всегда. Но на сей раз, переполненные впечатлениями от очередных дискуссий с политиками и военными, Дипломатами и общественными деятелями, учеными и журналистами Запада и Востока, мы имели возможность и время обсудить только что слышанное и пережитое. Тогда-то, пожалуй, у нас окончательно и созрело желание написать эту книгу, книгу о необходимости нового мышления в ядерный век, без которого невозможно найти выход из лабиринта запутанных и сложных проблем современности, самая грозная из которых — нависшая над нашей Землей ядерная опасность.

Конечно, эта проблема не нова. Уже после Хиросимы о ней стали говорить и писать наиболее прозорливые на Востоке и на Западе. Новое мышление лежит в основе подхода КПСС и Советского государства к решению глобальных проблем современности в ядерную эпоху. Необходимость прекращения гонки вооружений, установления нового международного экономического порядка, объединения международных усилий по охране окружающей среды подчеркивалась на XXV и XXVI съездах нашей партии, в выступлениях руководителей партии и государства, в предложениях нашей страны в Организации Объединенных Наций и на международных форумах.

И тот факт, что до сих пор новое мышление не может стать доминирующей тенденцией в международных отношениях, объясняется противодействием старого мира, где все подчинено интересам капитала. Слишком многие политики и ученые на Западе не способны или не желают по-новому осмыслить угрозы ядерного века. За исключением немногих, которые призывают по-новому взглянуть на новые глобальные проблемы в изменившемся мире,— в политической мысли Запада до сих пор довлеет старый подход: с позиции силы и устрашения.

Каждый приходит к своим выводам сам, на основе своего жизненного опыта. Но тот факт, что

мы, два разных человека с разной биографией, общаясь с разными политиками, учеными, общественными деятелями, пришли к одним и тем же выводам, которые мы уже потом не раз проверяли в ходе совместных международных дискуссий, стал для нас важным опытом и стимулом написать эту книгу вместе. Вместе еще и потому, что наши знания и опыт дополняли и расширяли диапазон подхода, помогали нам перепроверить свои личные впечатления, выявлять общее, отбросив частное. В пользу нашей совместной работы говорило и то обстоятельство, что каждый из нас, пусть с разной продолжительностью, но был или остается как бы в трех профессиональных качествах: ученого, журналиста, дипломата, что во многом определило нашу творческую совместимость.

Хотя эта книга — итог совместных наблюдений и совместной работы, читатель найдет в ней отступления каждого из авторов, основанные на опыте его встреч и впечатлений.

Одному из нас, Анатолию Громыко, довелось длительное время жить и работать в США, встречаться со многими американскими общественными и политическими деятелями, продолжающими и сейчас играть видную роль в жизни Америки. К этому добавился также опыт политической работы в Лондоне и Берлине, а затем научной деятельности в качестве директора Института Африки АН СССР, а также впечатления от поездок во многие африканские страны.

Анатолий Громыко:

Я помню не только цветущие магнолии у входа в здание советского посольства, что располагалось на 16-й стрит, но и громадный флаг фашистской Германии со свастикой, зловеще колыхавшийся на здании посольства гитлеровской Германии в американской столице. Это было время, когда фашисты готовились к нападению на Советский Союз. США стояли у порога своего участия во второй мировой войне. Когда ее пламя разгорелось уже в полную силу, Советский Союз и США стали союзниками в борьбе против гитлеровской Германии. Мои детские и юношеские впечатления с фотографической точностью свидетельствуют о том, что, несмотря на участие сотен тысяч американских солдат и офицеров в войне против японского милитаризма на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии, а затем против гитлеровцев в Западной Европе, американцы в целом, как народ, в период этой кровавой войны все-таки чувствовали себя почти в полной безопасности. И действительно, Америка тех дней была надежно защищена громадными просторами Атлантического и Тихого океанов. Не последнюю роль в этом сыграло и то, что американцы тех дней отлично понимали, что основную тяжесть борьбы с фашизмом принял на себя героический советский народ. В то время, когда в Европе, особенно на полях сражений Советской Армии с отборными фашистскими дивизиями, полыхало пламя военного пожара, в Америке текла мирная жизнь. Более того, уровень жизни в США, пожалуй, никогда не был столь высок, как в начале 40-х годов. Почти все хорошо зарабатывали, и цены были низкие.

Я нередко задаю себе вопрос, не отложило ли все это своеобразный отпечаток на отношение американцев к войне? Думаю, что отложило, причем отпечаток очень заметный, похоже, нестершийся и поныне. До сих пор многие американцы в общем осознают, что война — это плохо, это горе для многих, но воспринимают ее как нечто, происходящее далеко, за горизонтом. Однако подавляющее большинство американцев непосредственно не испытало и не ощутило всех страшных последствий второй мировой войны. Конечно, и американские матери в годы борьбы с фашизмом, а затем и в годы вьетнамской авантюры США получали похоронки. Но по своим масштабам горе Америки не могло идти ни в какое сравнение с горем нашей страны, горем миллионов советских матерей, потерявших своих сыновей и дочерей во время Великой Отечественной войны.

Так и в нашей семье в борьбе с нацистами погибли два моих дяди, братья отца: Алексей — защищая советскую Прибалтику и Федор — при освобождении Белоруссии. Третий брат отца — Дмитрий боролся партизаном против фашистов в белорусских лесах и однажды, находясь в разведке, лишь чудом спасся от смерти... Так что отнесемся с уважением к памяти американских солдат, погибших на полях сражений против фашизма, но вместе с тем сделаем справедливый вывод о том, что Америку война не опалила по-настоящему. Не в этом ли, в частности, коренятся истоки той легковесности, с которой и сегодня многие американские политики и генералы подходят к проблеме сохранения мира и предотвращения угрозы новой мировой войны, которая была бы неизмеримо страшнее прежней? Да, в то время, когда американские солдаты гибли на полях сражений второй мировой войны, их соотечественники в Вашингтоне ходили любоваться цветущей сакурой неподалеку от Белого дома и Капитолия. Американцы, таким образом, жили в условиях мира и безопасности. А на секретных полигонах Пентагона уже готовили к испытанию новое, атомное оружие, которое в конце войны было применено против японцев. Уже в это время в

американских политических и военных кругах зародилась идея достижения военного превосходства над Советским Союзом. А после смерти великого американского президента Франклина Делано Рузвельта эта идея стала претворяться в жизнь. Планы достижения военного превосходства и навязывания народам Восточной Европы мира на американских условиях стали той основой, на которой выросло мрачное здание «холодной войны». И это не раз признавали сами американские политики и ученые, способные трезво взглянуть в глаза фактам.

Владимир Ломейко:

Мне пришлось встретить вторую мировую войну в Ленинграде и пройти через блокадный голод.

Детская память на всю жизнь запечатлела эту картину.

...Мы сидим за огромным чистым столом: мама, я и мой двухлетний братишка. За окном ленинградская блокадная зима. На столе, покрытом белой скатертью, три тонких кусочка хлеба. Они кажутся совсем маленькими. Мы молча смотрим на них. Мать подвигает каждому сморщенную хлебную палочку. Но сама не ест. Осторожно, чтобы не уронить ни крошки, она кладет свой кусочек на тонкую прозрачную ладошку двухлетнего сына. Он смотрит на нее большими глазами и молча кладет хлеб перед матерью.

Никто не говорит ни слова. Надо беречь силы. Ведь от обеда до ужина целая вечность. Вечером снова будет хлеб, только еще тоньше, остаток от 125 граммов, что полагались на день. И кружка кипятка. И больше ничего. Потом все рано лягут спать. Сон — наш добрый союзник против голода. И будет ночь, и снова утро. И снова стол, покрытый белоснежной скатертью, на которой никогда не бывает крошек...

Уже позже я узнал, что от блокадного голода в Ленинграде погибло более 642 тыс. мирных жителей. А кто может подсчитать, сколько их умерло потом от последствий дистрофии?

Если бы мне, 1935 года рождения, тогда в блокадном Ленинграде сказали, что пройдет несколько лет — и я стану в школе и в институте изучать немецкий язык, а потом встречаться и дружить с немцами, я бы взорвался от ярости. Не было тогда для меня разницы между немцами и фашистами. Не знал я тогда, что есть великие немцы Шиллер, Гёте и Гейне, я знал до ужаса ясно, кто такие Геббельс, Геринг и Гитлер. Страшно подумать о том, какой след ненависти к другому народу могла оставить война. И как важно, чтобы не чувства страха и враждебности, а идеи взаимопонимания и мира владели людьми. Это было важно всегда, но это тысячекратно важнее в наше время ядерного противостояния и ядерного «оверкила», то есть способности двух военных блоков многократно уничтожить друг друга.

К великому достоинству советских людей наши зарубежные современники относят то подлинное великодушие, отсутствие мстительного шовинизма в отношении немцев в годы войны. Несмотря на огромные беды, которые принесла нам гитлеровская Германия,— 20 миллионов погибших, десятки тысяч разрушенных и сожженных городов и деревень — мы не сводили счеты с немецким населением по принципу «око за око, зуб за зуб». Мы смогли взять себя в руки и смогли провести границу между фашизмом и народом, который дал себя заворожить и подчинить злой воле. Мы установили отношения подлинной дружбы с немцами ГДР. Пройдя через четыре года кровавой «горячей» войны, а затем через долгие годы войны «холодной», мы смогли не только подвести черту под трагическим прошлым, но и развивать с Западной Германией отношения мира и сотрудничества.

Мне довелось работать дипломатом в Берлине в начале 60-х годов и пережить там, на стыке двух миров и блоков, карибский кризис в октябре 1962 года. Затем, уже в начале 70-х годов, работая журналистом в ФРГ, я был свидетелем раскрепощающего дыхания разрядки на западногерманской земле. И уже позже, приезжая туда в конце 70— начале 80-х годов, я наблюдал, как старая философия силы, своя отечественная и экспортируемая из-за океана, подбадривала ее прежних приверженцев на западногерманской земле и расправляла крылья политикам, делающим ставку на устрашение.

Итак, у нас обоих есть право, пусть скромное, но предопределенное судьбой, судьбой страны и личной, судить о войне по ее страшной сути, а не понаслышке, право анализировать и сравнивать подход к вопросам войны и мира со стороны политических деятелей Америки, Западной Европы и многих стран «третьего мира», где нам тоже доводилось неоднократно бывать.

Возможно, читателей удивит форма наших размышлений, когда мы порой пытались осмыслить сухие цифры и научные выводы (которые, однако, не назовешь бесстрастными), прибегая к образам, навеянным произведениями искусства, литературы и окружающей действительностью, а

ведь она, как заметил Габриэль Маркес, фантастичнее любой выдумки. Мы обращались сразу к уму и к сердцу, к опыту мудрости и к непосредственности чувства.

Выжить в ядерный век — означает прежде всего суметь понять друг друга, понять не только умом, но и сердцем. «Причина, по которой искусство может нас обогатить,— заметил великий датчанин Нильс Бор,— заключается в его способности напоминать нам о гармониях, недосягаемых для системного анализа».

Из всех проблем, которые мучают сегодня человечество, нет ныне более важной, чем выживание, и нет идеи более преступной, чем применение ядерного оружия. В этом корень всех вопросов, всех аргументов и дискуссий. Об этом необходимо сказать, ибо нужна ясность, особенно сейчас, когда все говорят о мире, а гонка вооружений продолжается.

Советский Союз не собирается угрожать Америке, он против стремления к превосходству и в одностороннем порядке взял на себя обязательство не применять ядерного оружия первым. Но советские люди помнят слова президента Рейгана: «Пусть наш противник каждую ночь засыпает в страхе, ожидая, что мы применим ядерное оружие!».

Разве может быть более безответственным и аморальным заявление со стороны человека, облеченного властью президента ядерной державы? Безответственное и аморальное по отношению к своему собственному народу: ведь тот, кто первым начнет ядерную войну, погибнет самое позднее вторым. Безответственное и аморальное и перед всем человечеством: ибо никому в мире не дано права вовлечь за собой в ядерную пучину миллионы невинных. Разве есть в нашем мире что-либо такое, чем можно было бы оправдать превращение нашей Земли в «республику травы и насекомых», как сказал в своей книге «Судьба Земли» Дж. Шелл.

По инициативе Советского Союза XXXVI сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию, призывающую рассматривать как тягчайшее преступление против человечества применение первым ядерного оружия. Это решение соответствует духу решений Нюрнбергского трибунала, который судил в 1946 году фашистских главарей за преступления, совершенные ими против человечества. И вспоминаются слова великого американского писателя Эрнеста Хемингуэя, написанные им вскоре после Нюрнбергского трибунала в предисловии к его роману «Прощай, оружие!»: «Я считаю, что все, кто наживается на войне и кто способствует ее разжиганию, должны быть расстреляны в первый же день военных действий доверенными представителями честных граждан своей страны, которых они посылают сражаться».

Эти горькие и жестокие, но справедливые по своей гуманной сути слова сказал не русский, а американский писатель. Но он выразил при этом извечные чаяния людей жить в мире без войн и оружия.

Голос писателей взывал к уму и сердцу людей во все времена, но с особой тревогой в наше время. И об этом сказал в своем обращении к писателям Земли их великий русский собрат Михаил Шолохов в августе 1983 года, за несколько месяцев до своей смерти: «Речь идет о самом существовании рода человеческого и колыбели его — Земли, о том, быть ли завтрашнему дню, видеть ли на небе солнце нашим детям и внукам.

Противники мира отказываются внять голосу разума, подбрасывают все новое и новое топливо в ядерный костер, готовый полыхнуть вселенским пламенем истребительной войны и испепелить все живое на планете. Что может, казалось бы, противопоставить этому писатель, все оружие которого — перо и бумага?

Смею напомнить, что этот же вопрос ставил за несколько лет до первой мировой войны чувствовавший ее грозное приближение Лев Толстой. Восьмидесятилетний писатель, согласившись участвовать в Стокгольмском конгрессе мира 1909 года, отмечал, что в руках тех, кому выгодна война,— миллиарды денег и миллионы войск. В руках же писателя — противника войны — лишь одно, но могущественнейшее в мире средство — истина. И этого достаточно, чтобы сказать: борьба небезнадежна, более того, она принесет успех, если все миролюбивые люди, в том числе владеющие могуществом слова, обратят на это главное дело все силы своего ума, совести и таланта...

Защитим жизнь, пока не поздно!»

Так возникает связь времен. Стокгольм, ставший в 1984 году местом проведения Конференции по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружению в Европе, рождает воспоминания о Стокгольмском воззвании мира 1953 года и, еще дальше, о Стокгольмском конгрессе мира 1909 года.

Но сегодня речь идет не просто о защите мира, а о защите всей цивилизации. Человек, впервые в своей истории овладевший не только способом, но и материальной силой для уничтожения

всего рода людского, в целях самосохранения должен стряхнуть с себя оковы старого мышления, по-новому взглянуть на окружающий мир.

ВВЕДЕНИЕ

СОН РАЗУМА РОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ

НЕ УДИВЛЯЙТЕСЬ, ЧИТАТЕЛЬ, что, прежде чем перейти к анализу теории и практики гонки вооружений, мы начнем разговор о новом мышлении в ядерный век с нашей поездки в ФРГ в октябре 1983 года и дискуссий с западными немцами: политиками, дипломатами, военными, учеными, журналистами и простыми людьми. Нам хотелось бы передать атмосферу тех встреч, весьма важную, на наш взгляд, ибо то был для многих час прозрения. Доктрина устрашения, на которой строится вся стратегия НАТО, в том числе ракетное решение от декабря 1979 года, вдруг обернулась разящим бумерангом страха.

То, что происходило в те дни в ФРГ и что последовало в ближайшие месяцы, в сущности имеет самое непосредственное отношение к теме нашей книги. То была пора напряженного ожидания накануне размещения американских ракет в Европе. И хотя еще шли женевские переговоры о сокращении ядерных вооружений в Европе, из-за позиции американской стороны они напоминали скорее театр абсурда, нежели серьезный диалог. Как иначе можно было назвать эти переговоры, если посланцы Вашингтона вели их не для того, чтобы договориться с Москвой, а чтобы потянуть время до очередного антракта, на этот раз рождественского, перед которым собирались согласно давным-давно разработанному графику начать установку тех самых ракет, о неразмещении которых велись переговоры.

Чтобы наверняка не удалось договориться с Москвой, Белый дом выдвигал такие варианты, «нулевые» и «промежуточные», которые даже по признанию самих американских специалистов были несправедливыми и нечестными по отношению к СССР. Мало того, и Каспар Уайнбергер, и Бернард Роджерс, и Йозеф Луне, и Гельмут Коль, и Ганс-Дитрих Геншер, и другие политические и военные столпы натовского мира уверяли своих соотечественников и зарубежных граждан в том, что только после того, как первые американские ракеты прибудут в Западную Европу, Москва начнет серьезные переговоры и пойдет на уступки в Женеве. Говорили об этом внешне уверенно, хотя советское руководство неоднократно и недвусмысленно заявляло, что размещение американских ракет первого удара подорвет основу переговоров и заставит Советский Союз принять ответные меры.

Уже в те октябрьские дни 1983 года многие западные немцы понимали, что размещение американских ракет не прибавит безопасности их стране. Более того, $^3/_4$ населения ФРГ было против этих ракет. Но вопреки настроениям большинства западногерманские политики, кто — слепо веря в доктрину устрашения, кто — скованный цепью атлантической солидарности, упрямо держались за ракетное решение.

В те дни особенно отчетливо выявилась несостоятельность старого мышления категориями силы и устрашения. Если попытаться в двух словах передать психологическое состояние подавляющего большинства западных немцев осенью 1983 года, то это был «ракетный синдром».

Мы видели его признаки у всех, с кем беседовали и спорили,— будь то политики, представители деловых или военных кругов, ученые или журналисты, те, с кем случайно встречались в кафе и на улицах, кого видели на телевизионных экранах. И хотя этот синдром проявлялся по-разному — показная бравада у одних, растерянность и страх у других, открытый протест у третьих,— общим симптомом была гнетущая напряженность в ожидании несчастья.

Открывая газеты за утренним кофе, бундесбюргер* высматривал статьи о подготовке к размещению «першингов» и крылатых ракет на земле ФРГ. В редакциях газет и журналов всех политических направлений, от самых левых до самых правых, уловив тенденцию, подобные материалы стали выносить на первую полосу.

Вечером, устроившись перед телевизором с традиционным пивом, уставший от работы или ее поисков бундесбюргер

* Бундесбюргер — гражданин ФРГ.

жадно ловил новости уже не только о футболе, но и о переговорах в Женеве. Во время нашего пребывания в ФРГ телевидение практически ежедневно возвращалось (другой вопрос — как?) к этой теме. Мы были свидетелями того, с каким вниманием западные немцы встретили и обсуждали заявление Ю. В. Андропова от 28 сентября 1983 г. И это вполне понятно. Ведь советское руководство давало ясный и четкий ответ на вопрос, который мучил западных немцев: можно ли и каким образом

предотвратить нашествие ядерных чудовищ из-за океана?

Это — не игра воображения и не устрашающая метафора: большинство бундесбюргеров видело в «першингах» и крылатых ракетах подлинных монстров, угрожающих их жизни. Размещенные на территории их страны, но послушные лишь чужой заокеанской воле, это оружие первого удара может быть в любой момент приведено в действие против восточных соседей и вызвать тем самым ядерный смерч возмездия.

Большинство западных немцев были против размещения новых американских ракет. Причем, в отличие от политиканов, без всяких «но» и «если». Об этом свидетельствовали опросы общественного мнения: из каждых четырех западных немцев трое были против размещения ракет. Эти настроения нарастали по мере приближения срока размещения ракет, намеченного на конец 1983 года. Политики правящих партий (ХДС, ХСС, СвДП) постоянно твердили своему населению, что размещение ракет, мол, мера вынужденная и произойдет это лишь в том случае, если переговоры в Женеве не приведут к успеху.

Другое дело двусторонние встречи представителей ФРГ и США. Как бы плотно ни прикрывались двери на таких переговорах, правда все равно просачивалась наружу. А она была такова, что боннские политики, стоявшие у руля государственного корабля, как рядовые матросы, были послушны американскому капитану и были готовы идти его курсом, даже рискуя разбиться на рифах.

А ведь и канцлер Коль, и вице-канцлер Геншер могли бы, опираясь на международный вес ФРГ, трагический опыт второй мировой войны и настроения своего же населения, оказать давление на американцев, требуя от них честного и справедливого подхода к женевским переговорам. Но и тот и другой предпочитали заверять Рейгана в «немецкой верности» решению НАТО. Такая игра в поддавки шла вразрез с жизненно важными национальными интересами ФРГ. В связи с этим нам довелось в Бонне услышать, что федеральное правительство говорит, как кукла чревовещателя, сидящего в Вашингтоне.

Дискуссии в «Хаус Риссен» в 1983 году отразили возросшую тревогу западных немцев опасным наращиванием гонки вооружений. О чем бы ни заходил разговор — о Европе, Северной Америке, Азии, Африке или Латинской Америке, об отношениях великих держав, Востока и Запада или Севера и Юга,— становилось ясно, что везде камнем преткновения на пути устранения напряженности и очагов кризисов является гонка вооружений.

Характерная особенность: немногие из присутствовавших открыто оспаривали советскую оценку международного положения. Слишком очевидно для многих в ФРГ, что именно милитаристский курс США, которые пытаются обеспечить себе доминирующие позиции в мире, порождает напряженность и гонку вооружений. Даже представители американского посольства в Бонне и государственного департамента не рискнули в компетентной аудитории открыто восхвалять курс администрации и весь свой пыл направили на разъяснение «психологических факторов», незнание которых, мол, затрудняет понимание американской политики. Нюанс интересный, свидетельствующий о неуклюжести и непопулярности действий рейгановской администрации.

Явно желая выпустить пар из котла общественного возмущения поведением рейгановцев на международной арене, советник американского посольства в Бонне Ричард Баркли перечислил ряд «жалоб» западноевропейцев по поводу внешней политики США.

Итак, на что же жалуются западноевропейцы?

— Американцы до сих пор так и не смогли разработать единую концепцию своей внешней политики.
Подобно дипломатам-любителям, правительства США резко бросаются от одной политики к другой.

— Слишком частая смена правительств и политических курсов в США подрывает стабильность в развитии между народных отношений.

— Американцы склонны к чрезмерной риторике, которой они только пугают и вводят в заблуждение другие народы.

— Американцы склонны к повышенной реакции на отдельные международные события, не задумываясь при этом о долгосрочных последствиях для собственного государства.

— Американцы мыслят сначала военными и лишь потом политическими категориями.

Что ж, хотя это было выражено достаточно деликатно, но, как говорится, не в бровь, а в глаз. Однако чем дольше слушали мы американского советника, который проникновенно разъяснял присутствующим истоки «американского мифа», тем яснее становилась его цель: убедить присутствующих в том, что американские парни и в Ливане, и в Сальвадоре, и в Европе у

«першингов» — в общем-то неплохие ребята, их просто не все понимают. Отсюда, мол, и национальные предрассудки, против которых никто не застрахован. А вот мы, кто поумнее и поопытнее, понимаем, продолжал оратор. Все дело в том, что Америка — поздний пришелец на международную арену. И президент, и политики должны считаться с устоявшейся верой американцев в то, что они если не единственные в своем роде, то уже во всяком случае избранные.

Эти высказывания в аудитории западных немцев, представлявших политический, деловой и военный мир ФРГ, были показательны с разных точек зрения. Их тон был извинительным и одновременно вводил в заблуждение. В сущности же они были призваны оправдать милитаристский шовинистический курс администрации Рейгана «психологическими особенностями» американцев.

Понимали ли в правительстве ФРГ, к чему их могут привести подобные проповеди заокеанского союзника по НАТО, который, ухватившись за хвост ядерного монстра, мнит себя «орудием божественного провидения»? Справедливости ради отметим, что в те дни немало политиков консервативного и тем более либерального толка открыто протестовали против средневекового мышления вашингтонской команды. Однако необходимо сказать и о другом.

Как показала дискуссия в «Хаус Риссен», далеко не все еще полностью осознали, что мы живем в совершенно иную эпоху, чем та, в которой сформировался мир представлений и оценок Рональда Рейгана. Новая эпоха характеризуется наличием «оверкила», или адекватной способности обоих военных блоков многократно уничтожить не только друг друга, но и все живое на Земле. А посему ядерная война не может решить ни одну политическую или социальную проблему.

В дискуссии, развернувшейся в «Хаус Риссен», столкнулись два принципиально разных подхода в отношениях между Западом и Востоком — философия устрашения и философия взаимной безопасности. Конечно, никто из участников от стран НАТО не был столь примитивен, чтобы ратовать за гонку вооружений. Однако в своих посылках представители госдепартамента США и западногерманского генштаба, хотя и в разных выражениях, выступили за доктрину устрашения. Лишь на словах они выступали за необходимость равновесия в военной области, а на деле поддерживали реализацию натовских программ наращивания военных потенциалов.

Представитель госдепартамента США, развивая тему бесконечной спирали вооружений, выдвинул тезис о том, что врагом № 1 в деле сокращения вооружений является технический прогресс! А поскольку технический прогресс остановить нельзя, значит, его можно направить лишь в приемлемое русло.

Какое «научное обоснование» для «першингов» и крылатых ракет! По существу же здесь передергивались понятия и ставился знак равенства между техническим прогрессом и фатальной неизбежностью развития военной технологии. На наш вопрос, почему США отказываются от предложения СССР запретить разработку и производство новых видов оружия массового уничтожения, представитель госдепартамента ничего путного не ответил.

За время шестидневных дискуссий в «Хаус Риссен» нам не раз приходили на память слова великого испанского художника Франсиско Гойи «Сон разума рождает чудовищ». Трудно было избавиться от ощущения, что вера в божественное провидение плюс ядерное оружие давно заменили у некоторых веру в человеческий разум. Франсиско Гойя из глубины веков словно заглянул в окно Белого дома, где пиршествует сила и дремлет разум. Ведь лишь уснувший разум мог родить столь чудовищные представления, как «ограниченная» или «затяжная» ядерная война, как тотальная ядерная война «до победы».

Сказать по справедливости — мысли о победе в ядерной войне были неприемлемы для большинства участников дискуссий в «Хаус Риссен». Но многие из них прятались в улиточный домик НАТО, прикрывшись голубенькой карточкой со словами «Все хотят мира, и мы обеспечиваем его — НАТО». Эти карточки были разложены на информационном столе и словно бы воочию демонстрировали степень самовнушения и уровень пропаганды в рамках Североатлантического блока.

Настораживало и другое: многие участники дискуссии в «Хаус Риссен» не осознавали, что философия устрашения и гонка вооружений неотвратимо увеличивает вероятность «случайной войны».

Когда в «Хаус Риссен» шла дискуссия о путях обеспечения безопасности, пришло сообщение из Мюнзингена: во время военных учений тяжелая граната взорвалась в нескольких метрах от наблюдателей. Были убиты 2 офицера, 15 человек тяжело ранены, среди них депутат бундестага от ХСС Фриц Виттман, 9 человек получили осколочные ранения.

На место происшествия прибыл министр обороны ФРГ Вернер. Комиссия во главе с генерал-

майором Комоссой установила: при стрелковых учениях соблюдались все меры предосторожности. И все же несчастье случилось. Причина: кто-то из военных спасовал, оказался не на высоте техники. И тут же неотступная мысль: а если то же самое произойдет, когда по тревоге будет объявлена боеготовность номер один ядерного оружия? Кто может гарантировать, что здесь всегда все будет в порядке? Ошибка, малейшая случайность — и ядерный снаряд или ракета своим взрывом может начать цепную реакцию ядерной катастрофы.

Иные докладчики из стран НАТО утверждали: главное обеспечить равновесие, необязательно за счет снижения уровня потенциалов; «довооружение», мол, тоже может содействовать миру, если оно ведет к установлению равновесия.

Для нас в дискуссии — и на это не раз указывали советские участники — самой важной была мысль: следует видеть опасность самой философии гонки вооружений, будь то во имя устрашения другого или во имя собственной безопасности. Пора признать, что в ядерный век можно выжить, только думая об обеспечении безопасности друг друга путем устранения силовой конфронтации, путем замораживания существующих военных потенциалов и запрета на разработку новых видов вооружений. Иначе они грозят выйти из-под контроля человека и уничтожить его самого.

— Это невозможно,— пытались убедить нас иные ученые и военные мужи,— никто не может остановить развитие технического прогресса!

— Позвольте, господа, не надо передергивать понятия.
Технический прогресс, действительно, не остановить. Но этого никто и не требует. Следует, однако, ради себя и друг друга запретить разработку, производство и продажу нового оружия. Запретить, как запрещают производство и продажу наркотиков. Если люди нашли возможным принять пусть несовершенные, но все же законы против наркотиков, чтобы бороться за здоровье и жизнь отдельных людей, разве не должны они быть во сто крат более заинтересованы в принятии законов, запрещающих производство новых, все более совершенных орудий массового убийства?

Не раз в дискуссиях возникал вопрос: хотят ли западные немцы войны?

Сама постановка такого вопроса задевала и задевает многих бундесбюргеров. А собственно, почему? Ведь задавали же в ФРГ подобные вопросы нам, ожидая или даже настаивая, чтобы мы аргументировали свое миролюбие, хотя для сомнений в этом нет никаких оснований. Один из нас как-то спросил своего собеседника, генерала бундесвера:

— Напомните, герр генерал, что-то я запамятовал, когда русские первыми нападали на немцев?

Тот даже поперхнулся кофе и долго смотрел на нас непонимающим взглядом.

— Насколько я помню историю, вы на нас не нападали,— наконец выдавил он из себя,— наоборот...

Надо было видеть, чего стоило ему последнее слово.

— А чем же объяснить, что многие ваши политики все время толкуют об «угрозе с Востока», о том, что «русские идут»?

Западных немцев задевало, когда мы говорили им, что размещение американских ракет первого удара на западногерманской территории вызывает у советских людей чувства тревоги и возмущения. Неужели забыты уроки страшной войны, клятвы немецких военнопленных и заверения западногерманских политиков: «Никогда больше война не будет исходить с немецкой земли»? А ведь последние впутываются в ситуацию, которую в военном плане они сами не смогут контролировать (поскольку решения будут принимать американцы).

Было бы, конечно, неверным подозревать рядового бундесбюргера в воинственности. Такие тоже есть, но не они определяют сейчас погоду. Когда мы ставили вопрос «Хотят ли западные немцы войны?», мы не сомневались, что в своем подавляющем большинстве они ее не хотят. Но вот все ли отдают себе отчет в том, что их толкают в пропасть войны, стремятся превратить в заложников, а то и жертв ядерных монстров на западногерманской земле?

Мы задавали нашим собеседникам — политикам, общественным деятелям, ученым, журналистам вопрос:

— Задумываются ли над этим те европейские политические деятели, которые, пренебрегая интересами своих народов, интересами мира, помогают осуществлению амбициозных милитаристских планов администрации США?

Как бы ни раздражал этот вопрос иных политиков, здесь не должно быть недоговоренности. Ведь появление вопреки воле большинства населения западноевропейских стран американских ядерных ракет на Европейском континенте — это враждебный делу мира шаг принципиального

значения со стороны руководителей США и других стран НАТО. Со стороны НАТО мало распинаться в любви к миру, надо создавать условия для него, делом доказывать готовность к снижению военного противостояния на базе равенства и взаимной безопасности.

Итак, многие политические и общественные деятели в ФРГ понимали пагубность курса на размещение новых ракет, но немногие из них рисковали заявить открыто американцам: «Постойте! Речь идет о наших жизненных интересах. Приоритет переговорам, а не размещению ракет».

Конечно, жизнь учит. Как она, например, научила многих социал-демократов. Еще в 1979—1980 годах большинство партийных функционеров СДПГ поддерживали канцлера Г. Шмидта, за которым закрепилась недобрая слава «отца двойного решения НАТО». Но Гельмут Шмидт стал жертвой собственного просчета в отношении истинных намерений заокеанских союзников. Позднее, очевидно, он это понял, но из принципа продолжал упорно цепляться за «двойное решение». Хотя нет-нет, да и вырывались у него признания, что он имел в виду переговоры ради того, чтобы не допустить «довооружение».

А ведь в Вашингтоне мыслили прямо противоположными категориями. Ирония судьбы: Гельмут Шмидт, некогда бросивший на чашу весов свой авторитет канцлера ради решения в поддержку ракет, в 1983 году остался в одиночестве в партии, без канцлерского кресла, да и без особой признательности со стороны американцев. В середине ноября 1983 года съезд СДПГ высказался против размещения американских ракет. Но упущенные четыре года задним числом наверстать было нельзя.

В партиях ХДС и ХСС были другие настроения. Там были озабочены не тем, как не допустить ядерных монстров на западногерманскую землю, а как объяснить необходимость их размещения бундесбюргеру. Конечно, среди консерваторов тоже были разные настроения. Многие вздыхали, объясняя, что они не в состоянии перечить американцам. Иным же казалось, что жить бок о бок с американскими ракетными монстрами проще, чем в мире с восточными соседями.

Думается, что лидеры ФРГ также явно недооценили психологические последствия размещения американских ракет на западногерманской земле и для советских людей. И не потому, что им был неведом этот фактор. Как раз во время нашего пребывания в ФРГ в октябре 1983 года канцлер Гельмут Коль находился с визитом в Саудовской Аравии. И как ни настаивали саудовцы на том, чтобы он согласился на поставку им западногерманских танков «Леопард-2», он не пошел на это. Несмотря на огромную финансовую выгоду сделки, канцлер Коль посчитал более весомыми опасения ухудшить из-за этого отношения ФРГ с Израилем. Мы слышали от многих, что в этом вопросе у западных немцев сработал комплекс вины перед израильтянами за те испытания, которые выпали на долю евреев в фашистской Германии. Дай-то бог, но вот почему молчал комплекс вины перед советскими людьми, когда речь шла о размещении на западногерманской земле ядерного оружия первого удара, способного поразить советские города?

Только потому, что это не западногерманское оружие, а американское? Но ведь его планируют разместить на территории ФРГ, и эти чудовища оттуда будут скалить свои ядерные клыки в нашу сторону.

Однажды высокопоставленный чиновник МИД ФРГ в беседе с нами с вызовом заметил: «Не думайте, что за размещение ракет выступают только американцы. Мы и сами их не против иметь!».

Спасибо, господа, за откровенность. Но мы тоже об этом догадывались. Кое-кому на Рейне не терпелось иметь на своей территории ядерный кулак покрепче, пусть чужой, но которым можно погрозить Востоку. Это был один из примеров мышления старыми категориями силы и устрашения. Благодаря таким настроениям американцы увереннее вели свою деструктивную линию в Женеве, не желая договариваться на основе снижения ядерных потенциалов, а стремясь к размещению ракет «Першинг-2» и крылатых ракет в Западной Европе.

Будучи в бундестаге в «час вопросов к правительству», один из нас встретил депутата от ХСС, друга Штрауса, который в ответ на анонимность заплатил откровенностью:

— Франц-Йозеф Штраус считает, что мы развели излишне большую дискуссию среди общественности. Надо было молча размещать ракеты и поставить русских перед фактом.

Но легко бравировать в узком кругу, а как все это было объяснять своим избирателям? Ведь рядовые сторонники ХДС/ ХСС, как правило, не желали, чтобы на их земле разместились ядерные чудовища, навлекая на себя справедливый гнев соседей. И вот здесь в ход шла самая неприкрытая демагогия о «советской опасности». Насколько она цинична, нам лишний раз подтвердил такой случай.

В небольшом боннском ресторанчике «Редютхен», что в переводе означает «Маленький

редут», один из нас оказался рядом с компанией из восьми западных немцев, которые шумно разговаривали. Судя по их высказываниям, это была группа ходоков — функционеров ХДС, которая прибыла из другого города к своему депутату за советом, как им объяснять линию американцев в Женеве и позицию партии и канцлера, которые выступают за размещение ракет.

Сидевший во главе стола депутат с лицом-маской (орлиный тонкий нос, чуть оттопыренные уши, глубоко посаженные выцветшие глаза, тонкие губы) невозмутимо выслушал жалобы районных активистов, обеспокоенных брожением умов и возможным отходом некоторых избирателей от партии. После того как расплатились за обед (каждый аккуратно отсчитал свою долю за еду), депутат внушительно изрек:

— Надо признать, положение нелегкое. Кремль держит инициативу в своих руках. Но нам нужно делать упор на новые американские предложения и повторять: теперь слово за Москвой.

— Но что же там нового,— стал горячиться один из молодых,— многие считают, что американцы жмут на размещение ракет, а предложения делают для вида.

— Не будьте наивны, большинство людей понятия не имеет о сути дела,— жестким голосом недовольно сказал депутат.— Упирайте на СС-20, их люди боятся. Не лезьте в детали, главное — убежденно повторять, что, если у нас не будет американских ракет, русские однажды заявятся на Рейн...

— Прошу прощения, господа, но мы уже здесь, и хотелось бы, чтобы вы об этом знали,— не удержался присутствовавший при разговоре автор.

От предложения живого русского обсудить интересующую бундесбюргеров тему депутат бундестага, первым очнувшийся от оцепенения, напоминавшего заключительную сцену из «Ревизора», сухо отказался и, подняв свою опешившую гвардию, вместе с нею гусиным шагом покинул маленький редут...

Конечно, не все в ХДС мыслят такими категориями. Есть среди клерикалов и те, кто понимает важность развития двусторонних связей и поиска путей укрепления взаимопонимания. Так, во время встречи в Фонде Конрада Аденауэра его председатель, бывший федеральный министр д-р Бруно Хек подчеркнул, что ФРГ намерена жить с другими народами в Европе в условиях мира и добрососедства, и высказался за развитие сотрудничества с советскими научными организациями, в том числе по вопросам устранения угрозы ядерной войны.

Об этом же, пожалуй, с еще большей убежденностью и заинтересованностью говорили с нами в Фонде СДПГ имени Фридриха Эберта и в Фонде Александра фон Гумбольдта.

Генеральный секретарь Фонда Александра фон Гумбольдта д-р Гейнрих Пфайфер высказался против гонки вооружений, за создание атмосферы доверия. И хотя пути, которые он видел для достижения этих целей, с нашей точки зрения, не были реальны, но здесь важной была прежде всего сама мысль о приоритете сотрудничества. Его коллега д-р Дитрих Папенфус выразил беспокойство по поводу нарастающей гонки вооружений.

— Вы можете убедиться по опросам общественного мнения,— говорили нам в Гамбурге и Бонне,— что многие люди не хотят новых ракет. К чему может привести дальнейшая гонка вооружений, можно видеть по американскому фильму «Военные игры».

Мы видели этот новый фильм, в котором его авторы как бы прогнозировали, к чему может привести дальнейшее развитие военной технологии. В фильме американский школьник Дэйвид, случайно напав на код, подключает свой домашний компьютер к североамериканской системе слежения за ракетами (НОРАД) и начинает играть в «тотальную ядерную войну». Компьютер НОРАД объявляет тревогу. Цепная реакция оповещения приводит в боевую готовность армаду американских подводных лодок и самолетов-ракетоносителей. Только чудом удается вывести из строя компьютер, который выходит из-под контроля людей, что чуть было не привело к началу третьей мировой войны. Причем по ходу всего фильма американский генерал, от которого зависело, дать ли команду на «ответный удар», упорно отказывался внять заверениям русских, что никакого нападения на США нет и в помине. Не верил, и все. Выручила смекалка ученых, а не милитаристский настрой.

Когда мы молча, под впечатлением увиденного, покидали гамбургский кинотеатр, в котором смотрели фильм «Военные игры», шедший впереди нас юноша заметил своей подруге:

— Представь себе, такая вещь может вполне случиться на самом деле...

Она зябко передернула плечами:

— Только, я боюсь, у нас не будет такого хэппи-энда...

Да, оснований для тревоги вполне достаточно. И не только потому, что размещение американских ракет в Западной Европе фактически означает новую спираль в гонке вооружений.

Оно неизбежно подрывает ростки доверия, тормозит развитие установленных связей. Милитаризация мышления отравляет общественную атмосферу. Самое опасное то, что война и все военное в странах НАТО снова в моде. Книги, фильмы, телепередачи о «будущей войне» переживают бум. Дети играют в компьютерные битвы. «Звездные войны» заполонили экраны, незаметно готовя жителя западного мира к восприятию идеологии космических авантюр Рональда Рейгана.

В дни нашего пребывания в Гамбурге порт посетил с Дружеским визитом отряд французских военных кораблей. Буржуазная пресса, особенно шпрингеровская, захлебывалась от восторга, описывая новейшую военную технику на эскадренных миноносцах, которая привела-де в трепет и умиление гамбуржцев, целыми семьями посещавших военные корабли. Французские моряки, конечно же, покорили девушек Гамбурга и завоевали их сердца.

Как визитеры «покоряли сердца» местных жителей, мы сами случайно наблюдали в большом пивном зале «Циллерталь». Как обычно, в субботу вечером после трудовой недели здесь веселились бюргеры, напевая под звуки небольшого народного оркестра. И вдруг зал буквально захватил вихрь нахлынувших военных моряков во главе с офицерами, вышедших погулять на берег. Подвыпившие французские матросы словно взяли зал на абордаж. Бюргеры были оттеснены от сцены, военные образовали свой собственный круг и выделывали понятные только им кренделя. Некоторым стало жарко от пива и плясок, они сбрасывали с себя бушлаты и теперь уже в тельняшках куражились посреди зала. Дородный боцман, на большом животе тельняшка колоколом, забрался на сцену и требовал от немецкого оркестра исполнить песню по его заказу. Дирижер, плотный, в коротких баварских штанишках и шляпе с пером, не скрывая своего негодования, решительным жестом руки дал понять: «Нет!». Боцман попытался что-то спеть полупьяным голосом. Потом плюнул и спрыгнул вниз. Вскоре зала морякам оказалось мало, и они стали отплясывать на столах.

Местные посетители, забившись по углам, с осуждением смотрели на разгулявшихся вояк. Придя в субботу посидеть за своим столиком, выпить кружку пива и попеть со своими приятелями, бюргеры вдруг ощутили в чужом пиру похмелье. Иноземные гости бесцеремонно оттеснили хозяев в сторону и устроили пьяную вакханалию. Выходя, мы слышали едкие замечания:

— Надели военную форму и уже чувствуют себя завоевателями.

— Слава богу, обошлось хоть без пожаров.

Нам объяснили, что, когда зимой Гамбург навестили английские моряки, воевавшие на Фолклендских (Мальвинских) островах, они так прошлись по Гроссе Фрайхат — улице, славящейся своими притонами, что пришлось потом тушить пожары.

Военные визиты были, конечно, и раньше, но не было такого ухарства с сознанием полной безнаказанности. Военщина снова ходит в героях. Ее пьянит от избытка силы, и она начинает зарываться.

Главнокомандующий французским атлантическим флотом вице-адмирал Алан Кутанэ, командир отряда кораблей, прибывших в Гамбург, заявил представителям прессы:

— Мы здесь в первую очередь для того, чтобы гарантировать ядерное устрашение с помощью наших эсминцев и атомных подводных лодок.

Вот так-то! По-военному четко и ясно изложил свою задачу вице-адмирал. А в Женеве тем временем уже не первый год переговоры топтались на месте также и потому, что американцы отказывались засчитывать французские ядерные силы, поскольку, мол, они существуют «сами по себе» и к натовскому потенциалу устрашения «отношения не имеют»...

Самое жаркое по погоде лето на Рейне сменилось самой жаркой осенью в политике. С 15 по 22 октября 1983 г. по всей ФРГ прошла неделя действий против размещения в Западной Европе новых американских ядерных ракет, в которой приняло участие более миллиона человек. Только на митинге в Бонне собралось более 300 тыс. демонстрантов. Живая цепь из 120 тыс. человек замкнулась вокруг правительственного квартала Бонна. Лозунг акции «человеческая цепь» — «Никаких новых атомных ракет в нашей стране!». Крупнейший в ФРГ профсоюз металлистов опубликовал в это время листовку с картой, на которой были помечены все базы, где решено установить «першинги» и крылатые ракеты.

Сильные мира НАТО чувствовали себя в осаде. Прежде всего потому, что они не могли найти убедительных аргументов в пользу размещения ракет, против чего решительно выступило подавляющее большинство западных немцев. Правящие круги ФРГ вынуждены были лавировать. Они скрывали, что еще задолго до срыва женевских переговоров ими был отдан приказ о подготовке площадок для ракет. Простых людей пытались вводить в заблуждение все тем же демагогическим тезисом: стоит нам разместить американские ракеты, как русские пойдут на уступки. Как будто их в

ходе переговоров в Женеве с советской стороны не было. Было, и немало. Однако глухая стена неприятия рейгановцами принципа равенства и одинаковой безопасности не позволила достичь соглашения на женевских переговорах.

Под шумок об очередной «гибкости» американцев в Женеве в Западную Германию втайне доставляли оборудование для ракет «Першинг-2». Таким образом, было превращено в фарс обсуждение бундестагом вопроса о ракетах, начавшееся 21 ноября 1983 г. Уже через день после принятия бундестагом решения из-за океана стали прибывать транспорты с ракетами.

...Буржуазная демократия уже однажды спасовала в Веймаре перед фашистским чудовищем. Немцам пришлось дорого расплачиваться за это. Потом оправдывались: Веймарская республика, мол, была слаба и неопытна. Встречаясь с бундесбюргерами, мы нередко улавливали их подсознательный страх: как бы вновь республика — но на сей раз уже боннская — не спасовала перед новыми монстрами.

Одним из наших самых тягостных впечатлений от той поездки и дискуссий было ощущение: многие политические деятели на Рейне, зная о том, что новые ракеты не принесут большей безопасности, тем не менее оставались завороженными, как кролик под взглядом удава. Давало себя знать старое мышление категориями устрашения.

Часть первая

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ

ВОЗМОЖНОСТЬ многократного взаимного уничтожения диктует необходимость выработки новых норм международных отношений и нового мышления в ядерный век. Казалось бы, уже сам здравый смысл должен заставить США и их союзников по НАТО переосмыслить внешнеполитические концепции и доктрины, которыми они руководствовались с момента создания атомной бомбы. На деле, однако, при всех модификациях доктрин, как мы увидим позже, основная внешнеполитическая концепция западного мира в послевоенное время оставалась и остается прежней — это философия силы или философия устрашения. Она лежит в основе практики гонки вооружений, осуществляемой международным, в первую очередь американским, империализмом.

Если Крупп в годы первой и второй мировых войн производил свои пушки не только ради прибыли, но и под лозунгом «Дойчланд юбер аллее» («Германия превыше всего») — Ради передела мира в пользу германского империализма, то нынешний военно-промышленный комплекс империализма производит новейшие типы вооружений тоже не только ради прибыли, но и во имя «пакс американа» («мир по-американски»). Гонка вооружений — о чем убедительно свидетельствует история — никогда не велась по инициативе СССР. Более того, после второй мировой войны она ведется в первую очередь против Советского Союза и других социалистических стран. Идеология антикоммунизма рождает политику и практику устрашения — от доктрин до новых видов оружия массового уничтожения.

Глава 1

ИСТОКИ ФИЛОСОФИИ УСТРАШЕНИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ УСТРАШЕНИЯ родилась при ослепительной вспышке от взрыва первой атомной бомбы. В основе ее лежала мысль о возможности держать русских в страхе и править миром с помощью ядерной дубинки. Но впервые эта мысль появилась не в тот момент, когда в пустыне Аламогордо было испытано первое американское атомное оружие. У философов ядерного устрашения были предтечи, и они уже давно страстно желали исчезновения Советской России с лица земли.

Когда в ходе международных дискуссий противники гонки вооружений по разным причинам — одни умышленно, другие по наивности — ставят знак равенства между СССР и США, возлагая на обе стороны равную ответственность за наращивание вооружений, вопрос о виновниках и причинах конфронтации сознательно или невольно оставляют в стороне. А между тем этот вопрос принципиально важен для понимания сути проблемы.

Истина проста: Советский Союз никогда не помышлял ни об устрашении, ни об уничтожении Соединенных Штатов, в то время как нам угрожали и с нами хотели расправиться с момента рождения нашего государства.

Вот только некоторые факты.

С 1918 года Соединенные Штаты в числе 14 других государств участвовали в военной интервенции против Советской России. В 1919 году для Парижской мирной конференции государственный департамент разработал детальный план, в котором высказывалось требование «всю Россию... разделить на большие естественные области, каждую со своей особой экономической жизнью. При этом ни одна область не должна быть достаточно самостоятельной, чтобы образовать сильное государство»[1]. Из прилагаемых к этому документу карт видно, что США намеревались отделить от Советской России Прибалтику, Белоруссию, Украину, Кавказ, Среднюю Азию[2].

То, что эти планы не удалось осуществить,— результат не пересмотра американской политики, а отпора, который получили интервенты, вынужденные убраться из Архангельска и Владивостока.

Известно, что США до 1933 года не признавали Советский Союз — значительно дольше, чем многие западноевропейские державы. В основе этого была не просто неприязнь, а агрессивно враждебное отношение к СССР. Не случайно американский президент Гувер в 1931 года открыто заявил, что его «цель — уничтожение СССР».

Но, пожалуй, апофеозом цинизма было заявление Гарри Трумэна, который через несколько дней после нападения фашистской Германии на Советский Союз открыто изложил поистине каннибальские взгляды: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, мы будем помогать России, если выигрывать будет Россия, мы будем помогать Германии. И пускай они как можно больше убивают друг друга»[4].

Кстати, вся злополучная история затяжки с открытием второго фронта явилась как бы иллюстрацией к словам Гарри Трумэна, и эта затяжка стоила советскому народу многих дополнительных жертв, страдания и горя. Были и другие доказательства неискренности, недружественной политики и вероломства со стороны руководящих деятелей США по отношению к СССР как к союзной державе по антигитлеровской коалиции. В подтверждение можно было бы привести закулисные переговоры, которые вел Аллен Даллес с нацистскими резидентами в Берне. Можно было бы указать и на разработку атомного оружия не только в полной тайне от нас, но и с мыслью его стратегического использования против Советского Союза.

Конечно, эти явления отражали взгляды не всех американцев, а наиболее агрессивно настроенных кругов военно-промышленного истэблишмента. Но представители именно этих настроений долгие периоды определяли и ныне вновь определяют политику Соединенных Штатов Америки. Не стоит поэтому удивляться, насколько глубоки корни неприязненного отношения к социализму в политической и духовной жизни США, те корни, что позволяют питать и прививать психологию ненависти, рецидивы которой, подобно опасной болезни, время от времени поражают массы американских обывателей[5].

Устрашение: бегство от собственного страха или навязывание собственной воли другим!

ДИСКУССИЯ НА ЭТУ ТЕМУ длится с первых послевоенных лет. С момента взрыва первой атомной бомбы она стала не только символом, но и орудием устрашения. Философы и адвокаты

ядерного устрашения готовы чуть ли не боготворить атомную бомбу как спасительницу западной цивилизации от нашествия «восточных варваров». Они пытаются убедить мир в том, что только благодаря атомному оружию Запад смог уберечься от «экспансии социализма» и предотвратить войну. Ядерное оружие, таким образом, выставляется чуть ли не в виде гаранта всеобщего мира и наилучшего средства против собственных страхов. И хотя к этим аргументам сейчас прибегают реже в связи с ростом массового движения против безумия ядерной гонки, их по-прежнему приводят в свою защиту руководители НАТО, не желающие заключать договор о неприменении силы и присоединиться к отказу СССР не применять ядерного оружия первым.

Ясно, что уже само обладание ядерным оружием, оружием массового уничтожения не может не устрашать. Однако решающее значение имеет подход к ядерному оружию, то, чем он мотивируется: сдержанностью, акцентом на собственную оборону или безответственной склонностью к угрозам и шантажу в адрес других.

Факты свидетельствуют о том, что атомное оружие для его первых обладателей было не лекарством от навязчивых страхов. Оно было сразу же встречено с ликованием как чудо-оружие для утверждения своей воли в мире. И как показала вся история ядерной эпохи, атомная дубинка идеально вписалась в снаряжение США как мирового жандарма.

Здесь следует сказать, что атомное оружие появилось у Вашингтона в момент наивысшего расцвета экономической мощи и уверенности Америки в своей силе, возможностях и предназначении. Эти настроения весьма ясно выразил в 1941 году советник президента США Генри Р.Люс, возвестивший, что XX век должен стать «веком Америки». Он утверждал, что текущее столетие — первое, в котором «Америка займет доминирующее положение в мире»[6].

Изображение Генри Люсом Соединенных Штатов в образе «доброго самаритянина» не было случайным, оно выражало и, в свою очередь, подогревало настроения национальной исключительности, веры в особое предназначение Америки.

Этот психологический фактор порой недооценивается, а он играет весьма существенную роль в объяснении философии американского мессианства. В связи с этим известный советский ученый академик Г.А.Арбатов отмечает: «В ранний период американской истории пилигримам было необходимо, хотя бы выживания ради, верить, что они создают новую "богоизбранную" страну, свободную от грехов Старого Света. Позднее эти "оборонительные" чувства переросли во вполне наступательную идеологию "явного предначертания", затем — в идею "американского века" и так далее. Хотя к нашему времени американское мессианство в значительной мере утратило стоявшую за ним искреннюю убежденность, у американцев все еще остается почти инстинктивное стремление поучать другие народы, если возможно проповедью, если понадобится силой»[7].

Вся послевоенная история, от первых планов использования атомного оружия до объявления самых отдаленных районов «сферой жизненных интересов США»,— тому доказательство. Мы сами не раз встречались с подобным подходом американских политиков, дипломатов и ученых к оценке международных событий с верой в мессианскую роль Америки. Один из последних примеров — выступление советника посольства США в Бонне Ричарда Баркли на конференции в «Хаус Риссен» в октябре 1983 года. «Начиная с первых поселенцев,— заявил он,— американцы вели себя так, как если бы они были орудием божественного провидения, и это поведение можно встретить и сегодня. И как иначе, если не во исполнение божественного намерения, мог быть предоставлен американцам практически незаселенный и сверхбогатый природными ресурсами континент? Это чувство "избранности", как бы оно ни раздражало других, было той основной установкой, которая объединила вокруг себя самые различные народы и воззрения. Мне кажется, что вполне ясны вытекающие отсюда внешнеполитические последствия этого фактора, поскольку чувство предназначенности и сознание богоизбранности в мировой политике дает простор великим силам»[8].

Чтобы не было сомнений, что американский советник излагал не просто собственную точку зрения, а взгляды, глубоко укоренившиеся в верхних эшелонах власти, приведем слова президента Рейгана, сказанные им в 1980 году: «Я всегда верил, что эта страна была помещена между двумя великими океанами по воле божьей и заселена избранным народом... Мы создали новое племя рода человеческого, и имя ему американцы»[9].

Этот пресловутый психологический феномен — широко распространенная и всемерно поддерживаемая среди американской общественности вера в избранность американцев и уготованную им историческую миссию — один из самых главных факторов, объясняющих их уверенность в оправданности претензий на превосходство, на роль мирового жандарма. На основании не только изучения истории США, но и многолетнего общения с американскими поли-

тиками и учеными приходишь к выводу: эти глубоко укоренившиеся традиции американского мессианства составляют морально-психологическую основу философии собственного превосходства и устрашения других.

В качестве второго фактора, лежащего в основе американской философии устрашения, следует назвать почти безграничную веру американцев в силу. Корни этой веры тоже уходят в историю заселения и завоевания Америки белыми поселенцами, ядро которых составляли сильные, предприимчивые люди, нередко авантюристы, уважавшие только право силы. Быстрый экономический подъем Америки и миф о ее неограниченных возможностях лишь укреплял культ силы, в том числе в международных отношениях.

И третий фактор — отсутствие у американцев как у нации трагического опыта участия в мировых войнах. Не все они смогут согласиться с этим, но те жертвы, которые понесли США во время второй мировой войны, не идут ни в какое сравнение с потерями Советского Союза и других европейских народов. Не многие задумываются над тем, что на каждого павшего в годы второй мировой войны [a]мериканца приходится пятьдесят погибших наших соотечественников. И это тоже одна из важных причин разного отношений к войне в двух странах.

Можно было бы лишь порадоваться за американцев, которых судьба уберегла от многомиллионных жертв. И пусть они никогда не узнают, что такое тотальная война на их собственной территории! Но не может не настораживать преступно легкомысленное отношение к войне, которое ощущается и в правительственных кругах США, и в некоторых слоях общества. Это отмечают не только советские люди, хорошо знакомые с общественно-политической жизнью США, но и многие зарубежные исследователи. Так, известный шведский экономист и социолог Гуннар Мюрдаль считает, что отсутствие у большинства американцев личных воспоминаний об ужасах войны представляет собой «угрозу как для США, так и для всего мира»[10].

В то время как для советских людей война — это великое несчастье для страны, а для многих из них — до сих пор!— и личная трагедия, многие американцы, в том числе облеченные властью, слишком уж часто и слишком легко заявляют, что есть «вещи поважнее, чем мир», и хладнокровно рассуждают о войне как об одном из способов разрешения международных споров.

Без учета этих факторов, на наш взгляд, трудно правильно оценить, почему философия устрашения имеет такие глубокие корни в США и почему именно американские политики являются самыми ревностными защитниками атомного оружия и его применения.

С лета 1945 года США стали единственным в мире государством, которое имело атомную бомбу. Обладание новым чудо-оружием ударило в голову иным американским государственным деятелям, военным, ученым. В Вашингтоне стали думать не об обороне (все серьезные политики и ученые исключали военную опасность со стороны СССР*), а о том, как с помощью бомбы диктовать и навязывать свою волю.

* Так, Майкл С. Шерри в своей книге «Готовясь к следующей войне» констатирует: «Советский Союз не представляет непосредственной опасности,— считали в американской армии.— Его экономический и морской потенциал истощен войной... Следовательно, СССР в ближайшие годы сконцентрирует свои усилия на восстановлении хозяйства и ограничит дипломатические контакты». (См. Sherry Michael. Preparing for the Next War. American Plans for Post-War Defence. 1941 — 1945. New Haven — London, 1977, p. 161.)

Это откровенно признал впоследствии государственный секретарь США Дж. Бирнс: «Бомба могла дать нам возможность диктовать наши условия»[11].

«Холодная война» ядерных крестоносцев

ФИЛОСОФИЯ УСТРАШЕНИЯ требовала образа врага. Это предрекало рождение «холодной войны».

Консервативная Америка, выросшая на мессианстве и самонадеянности силы, не могла примириться с «противоестественностью» временного, продиктованного чрезвычайными военными обстоятельствами антигитлеровского союза с коммунистической Россией.

Реакционные силы, несколько ослабленные в первые годы войны, наращивали свое противодействие выполнению союзнических обязательств по мере успехов Советской Армии и роста авторитета Советского Союза в ходе разгрома фашизма. Именно существование реального социализма и его успехи рассматривались как главная опасность, как главный вызов Соединенным Штатам, всему Западу.

Официальным объявлением «холодной войны» послужила фултонская речь Уинстона

Черчилля, произнесенная в марте 1946 года в присутствии президента Гарри Трумэна. А в феврале 1947 года президент США сам призвал к всемирному «крестовому походу» против коммунизма.

На Западе существует немало расхожих версий о причинах «холодной войны», многие из которых сводятся к попыткам возложить вину за это на Советский Союз. Но секретные военные и политические документы того времени неопровержимо доказывают: «холодная война» была логическим следствием выплеснувшегося наружу неприятия коммунизма как идеологии и как общественно-политического строя.

Широкой публике неизвестна или по крайней мере малоизвестна так называемая «телеграмма из восьми тысяч слов», которую послал в феврале 1946 года в Вашингтон поверенный в делах США в Москве Джордж Кеннан. Она интересна с двух точек зрения. И как один из ранних Документов «холодной войны», в котором обосновывается неприятие коммунизма, и как точка зрения одного из крупнейших западных специалистов по Советскому Союзу, который стоял у истоков «холодной войны», а затем, заново проанализировав всю историю советско-американских отношений, пришел все же к признанию необходимости мирного сосуществования двух стран, к признанию, по существу, необходимости нового мышления в ядерный век.

В своей телеграмме Дж. Кеннан, давая подробный исторический и психологический анализ образа мышления русского народа, делал вывод, в котором явно подменялись принципиально важные понятия: он переносил тезис о невозможности мирного сосуществования двух противоположных идеологий на область межгосударственных отношений и приписывал Советскому Союзу отказ от политики мирного сосуществования государств двух разных систем[12]. Для доказательства своего тезиса Дж. Кеннан утверждал, что со времен Маркса социализм стремится только к одной цели — «порабощению мира» и «коммунисты успокоятся» только тогда, когда эта цель будет достигнута и «диктатура партии распространится на весь мир». По словам Кеннана, «мировой коммунизм является злокачественным паразитирующим образованием, которое питается только за счет пораженной ткани». Пораженной тканью он считал не только те страны в Европе и других частях мира, которые стали освобождаться от капитализма и склоняться к социалистическому переустройству своего общества.

Он подводил к выводу о необходимости бороться с «больными настроениями» внутри самого западного общества: «стряхнуть фатализм и безразличие по отношению к несовершенствам нашего собственного общества», выгоду от которых якобы получает лишь Москва. А своими выводами о том, что «русский народ еще никогда не был так чужд, как сегодня, доктринам коммунистической партии» и что «не следует считать окончательно обеспеченными внутреннюю стабильность и долговременность социализма», Джордж Кеннан по существу подводил базу под доктрину идеологического — а для желающих идти дальше и военно-политического — вмешательства во внутренние дела СССР и других социалистических стран.

В своей телеграмме Дж. Кеннан дал рекомендации стратегического характера: США должны взять на себя миссию оздоровления западного мира и политического руководства им, а социализм и мировое коммунистическое движение должны быть «сдержаны». Эти взгляды нашли свое дальнейшее развитие в его статье, опубликованной в конце 1947 года в журнале «Форин афферс»[13]. Он утверждал, что США «должны рассматривать Советский Союз как соперника, а не как партнера на политической арене». В соответствии с этим он давал совет — стратегическую установку, которая по сути своей составляет сердцевину американской политики по настоящее время.

«...Соединенные Штаты могут в огромной степени увеличить бремя, затрудняющее проведение советской политики, — рассуждал Дж. Кеннан.— Таким образом, может быть оказана поддержка тенденциям, ведущим в конечном счете либо к уничтожению, либо к постепенной эрозии Советской власти»[14].

Разве вся последующая история нагнетания Вашингтоном международной напряженности и развертывания гонки вооружений не были тем самым бременем, которое возлагалось на наши плечи и затрудняло нам осуществление политики подъема благосостояния советского народа и развития международного сотрудничества? А подрывная психологическая война, которая широко ведется против социалистических стран мощным пропагандистским аппаратом империализма,— разве это не прямые действия, направленные на эрозию социализма?

Установки Дж. Кеннана, бывшего руководителя штаба политического планирования госдепартамента и посла в СССР, тем более показательны, что, как он сам признал несколько позже, в конце 50-х годов он не верил в возможность нападения Советского Союза на Европу (о чем, начиная с первых лет «холодной войны» и до нынешнего времени, твердят адвокаты устрашения).

Уже выйдя в отставку, Дж. Кеннан писал: «Я никогда не считал, что Советское правительство после 1945 года по какой-либо причине политического характера было склонно развязать мировую войну, даже если бы и не была изобретена атомная бомба. Другими словами, я не верю, что наша атомная бомба удержала русских от того, чтобы захватить Европу в 1948 году или в какой-либо другой момент»[15]. Здесь Кеннан вновь повторяет, что он понимает под «коммунистической угрозой» исторический вызов западной или христианской цивилизации, то есть само существование социализма и мирового коммунистического движения в целом представляло в его понимании политическую опасность для капиталистического общества.

Он утверждал, что социализм ставит перед собой цель «уничтожения всего, что нам дорого, уничтожения не менее опустошающего и окончательного, чем то, которое принесла бы сама война. Но это не является военным наступлением. Это сплав политической и военной опасности, тесно связанный со слабостями нашей западной цивилизации...»[16].

«Холодная война», объявленная социализму в речах Черчилля (март 1946 г.) и Трумэна (февраль 1947 г.), означала кардинальную переориентировку общественного мнения Запада против СССР, недавнего союзника по антигитлеровской коалиции. Это было нелегко, если учесть тот высокий международный авторитет, который снискал себе Советский Союз, вынеся главную тяжесть в борьбе против фашизма и принеся на алтарь победы 20 миллионов человеческих жизней. Для этого и объявлялся «всемирный крестовый поход» в «защиту свободы», против угрозы «тоталитаризма», для этого и поднимали гигантскую волну антикоммунистических настроений. По мере того как «холодная война» отравляла общественную атмосферу и брала в плен все новые слои общественности, в верхних эшелонах власти США и других стран НАТО укоренялись все более агрессивные концепции. Стратегия «сдерживания», духовным отцом которой стал Джордж Кеннан, была развита и дополнена концепцией «освобождения» восточноевропейских стран, которую выдвинул в 1952 году Джон Ф. Даллес. «Освобождение» мыслилось как вооруженное вмешательство стран Запада для поддержки внутренних мятежей. «Если понадобится, США готовы поддержать с помощью вооруженной силы любую контрреволюцию в Восточной Европе»[17],— писал в своей книге «Сильная оттепель», вышедшей в 1955 году, известный американский публицист С. Сульцбергер. А бывший президент Гарри Трумэн задним числом уточнял в своих мемуарах: «Нашу внешнюю политику ошибочно назвали политикой сдерживания. Это неверно. Цель наша была несравненно шире»[18]. Фактически стратегия «сдерживания» была трансформирована в стратегию «отбрасывания» и «освобождения». В соответствии с ней разрабатывались и доктрины устрашения.

Устрашение превосходством

ФИЛОСОФИЮ УСТРАШЕНИЯ разделяют в США представители разных школ в области международных отношений: «идеалистов», «реалистов», «гражданских стратегов»*. Суть их спора в том, к достижению каких целей должна направляться и какими средствами осуществляться внешняя политика США. У каждого из представителей этих школ свои подходы и рекомендации. В общих чертах их можно было бы охарактеризовать так. «Идеалисты» полагают, что США как лидер «свободного мира» должны переносить свое понимание «подлинной свободы» и «демократии» в область международных отношений. Во имя борьбы «за правое дело» они предлагали развернуть «глобальный идеологический крестовый поход против социализма» вплоть до тотальной войны[19].

«Реалисты» упор делают не на мораль в политике, а на борьбу за власть, то есть за утверждение превосходства своей силы и влияния в мире.

В 50-е годы набирает влияние школа «стратегического анализа», как попытка осмыслить новую роль атомного оружия в политике, в частности критически оценить доктрину «массированного возмездия», провозглашенную Джоном Ф. Даллесом в январе 1954 года. Представители этой школы, придавая большое значение разработке стратегии в ядерный век и критикуя чисто военный подход к решению международных проблем, тем не менее исходят из решающей роли могущества США в мире[21].

При всех различиях между представителями разных школ все они исходят из необходимости обеспечивать решающее влияние США в мире путем устрашения на базе превосходства. Эти идеи прослеживаются во всех концепциях и доктринах, вырабатывавшихся под влиянием, а часто

* Видные представители «идеалистов» — Т. Кук, М. Мус, Ф. Таннен-баум, Д. Перкинс, У. Эллиот и др. Среди «реалистов» наиболее известны Г. Моргентау, Дж. Кеннан, Р. Страус-Хюпе, Ч. Йост, Дж. Болл, У. Кинтнер, З. Бжезинский, С. Хантингтон, У. Ростоу и др. «Гражданские стратеги» (или «стратегические аналитики»)— Г. Киссинджер, М. Тэйлор, У. Кауфман, Б. Броди, П. Нитце, П. Уорнке и др.

и при прямом участии философов устрашения. В период атомной монополии США устрашение выражалось в доктрине превентивного первого удара. В 1954 году она дополняется доктриной «массированного возмездия». В 1967 году на смену ей в НАТО приходит доктрина «гибкого реагирования», еще ранее разработанная в США (Дж. Шлесинджером) как ответ на достигнутую Советским Союзом способность нанести ответный уничтожающий удар[22].

В чем принципиальная ущербность всей философии устрашения? В том, что она, пытаясь приспособиться к меняющимся реальностям мира, к изменениям в соотношении сил в мире, в том числе между военно-политическими группировками и их ведущими державами, не может отказаться от самой идеи достижения превосходства в век ядерного паритета и «оверкила», не может подняться над мышлением категориями конфронтации. И хотя Генри Киссинджер как представитель школы «политического реализма», которая отвергает идею тотальной войны, в своей книге «Ядерное оружие и внешняя политика» критикует даллесовскую доктрину «массированного возмездия», он не исключает возможность «ограниченных» ядерных войн. Он делал упор на то, чтобы «придать большее значение конвенциональной стратегии»[23], однако это не мешало и не мешает ему ратовать за наращивание ядерного могущества США и их союзников, что с его стороны выразилось, в частности, в активном проталкивании решения НАТО от 12 декабря 1979 г. о производстве и размещении в Западной Европе новых американских систем средней дальности.

Для философии устрашения стержневым принципом была и остается ставка на силу, на совершенствование оружия, то есть на гонку вооружений. Значит, остается действительным тезис У. Кинтнера: «США не могут обеспечить устрашение одним желанием этого, они должны стремиться к совершенствованию оружия»[24].

Философия устрашения порочна в своей основе, и об этом лучше всего свидетельствует послевоенная история. Утверждение, будто атомное устрашение гарантировало столь длительный мир в Европе после 1945 года, неверно. Мир был гарантирован благодаря устранению ядерной монополии США и достижению ядерного паритета (между СССР и США). Что же касается концепции устрашения, то она своим следствием имела погоню за неуловимым превосходством и как прямой результат — нарастающую гонку вооружений, которая подтачивает основы мира и безопасности.

Порочность мышления категориями устрашения в том, что оно не оставляет разумной альтернативы для другой стороны и, в конечном счете, для самих его приверженцев. Порочность и полная бесперспективность устрашения особенно зримы в век ядерного паритета. Ностальгия по временам ядерного превосходства, которое имели США, питается несбыточными иллюзиями о возвращении к временам Хиросимы и Нагасаки, то есть к временам атомной монополии США. Отсюда фетишизация таких военно-технических факторов атомного оружия, как его мощность, число установок для запуска, их надежность, степень точности и поражающие возможности этого оружия. «Пока имеется превосходство по всем этим параметрам, риск для того, кто использует это оружие, мал и фактор устрашения надежен, как это было продемонстрировано в Хиросиме и Нагасаки»[25], — утверждает Н. Наннинг.

Всякие рациональные расчеты, связанные с атомной войной, с возможностями определить эффект устрашения, невозможны уже в силу зыбкости самой основы — «равновесия страха» или «баланса ужаса». Эта основа обладает весьма сомнительной надежностью даже в условиях ядерного паритета во времена относительного спада международной напряженности. Всякое же действие, связанное со стремлением одной стороны достичь превосходства с угрозой применения силы, не говоря уже о самом применении силы, дестабилизирует ситуацию, ведет к непредсказуемости действий противника и сводит на нет все теоретические расчеты.

Философия устрашения иррациональна в своей основе. Она претендует на осмысление процессов и закономерностей ядерной войны и даже на разработку правил ее ведения. Но абсурдно само намерение, ибо абсурдны идея и предмет исследования.

При внимательном рассмотрении концепций устрашения, если с них снять шелуху ученой многозначительности, противоречивость и неубедительность их бросаются в глаза.

Нередко западные политологи вынуждены прямо или косвенно признать субъективный и предположительный характер многих своих посылок. Так, Ричард Розекранц в своей работе «Вычисление устрашения»[26] признает, что первые доктрины устрашения разрабатывались исходя из неясности многих предположений, лежавших в их основе. Но как свидетельствует он сам, дальнейшая разработка теории устрашения не стала более обоснованной и достоверной, ибо усложняется сама действительность в результате гонки ядерных вооружений.

Чтобы рельефнее представить себе всю схоластичность теоретических изысканий в области

устрашения, стоит показать более подробно ход рассуждений самого Розекранца, который ссылается на таких теоретиков стратегии устрашения, как Уильям Кауфман и Джеймс Шлесинджер[27].

Пытаясь выработать формулу устрашения, Розекранц выводит ее из соотношения способности и действенности (или вероятности) устрашения. И далее следует цепь «логических доказательств»: «Для поддержания устрашения необходима по крайней мере одна из трех следующих ситуаций. 1. Оба элемента должны достичь определенного минимального уровня. 2. В том случае, если действенность уменьшается, должна увеличиваться способность наказать противника. 3. Если же снижается способность к применению наказания, то должна повышаться действенность (вероятность) применения силы»[28].

Если перевести это на общедоступный язык применительно к тем историческим периодам ядерной гонки, которые имели место после появления атомного оружия, то, следуя логике Розекранца, это выглядит следующим образом:

1. Период атомной монополии США. И способность, и действенность устрашения были налицо. США были единственными обладателями атомной бомбы и могли ее применить, не опасаясь ответного возмездия, причем обе стороны знали последствия (перед глазами был образ Хиросимы).

2. Период от появления атомного оружия у СССР до достижения примерного равенства. По Розекранцу, в этот период действенность устрашения в основе своей не ставилась под сомнение (США обладали возможностью нанести неприемлемый ущерб), но они испытывали потребность дальнейшего расширения способности отреагировать на «хорошо подготовленное и тщательно осуществленное ядерное нападение». Другими словами, раз Советский Союз имеет ядерное оружие и способен нанести ядерный удар по Америке, США должны усилить свой «потенциал возмездия», то есть наращивать гонку ядерных вооружений.

3. Период установления ядерного паритета. Обе державы достигают способности уничтожить население другой страны и после того, как сами подверглись первому ядерному удару. Эта способность к нанесению второго уничтожающего удара уменьшила, по Розекранцу, полезноприменимые стратегические и обычные вооруженные силы

Каков же дальше ход его размышлений? «Тот факт, что теперь обе стороны обладают такими способностями (для нанесения второго удара. — *Авт.),* затрудняет американское устрашение в отношении определенных советских акций». Отсюда допускается вероятность того, что Советский Союз может использовать свои обычные вооруженные силы. Если же Запад прибегнет в ответ на это к применению тактического ядерного оружия (что, кстати, предусматривает доктрина «гибкого реагирования»), то это, по мнению Розекранца, привело бы к ответному ядерному удару со стороны Советского Союза. Рано или поздно, рассуждает Розекранц, встал бы вопрос о применении западными державами стратегических ядерных сил как последнего средства. Пойдут ли они на это, зависит в большой мере от последствий подобной стратегии для собственного населения, глубокомысленно замечает автор.

Можно подумать, что последствия подобной стратегии для собственного населения неясны! Но в том-то и дело, что теоретики устрашения предпочитают оставаться в своем удобном мирке абстракции, чтобы им не мешали вырабатывать псевдонаучные обоснования для практиков военно-промышленного комплекса.

Ради этого господа розекранцы готовы идти в своих выкладках на совершенно невероятные допущения. «Можно себе представить ситуации,— рассуждает Розекранц,— в которых лицо, облеченное властью принимать решение, в одной из западноевропейских стран перед угрозой вражеской оккупации было бы готово дать согласие на подобную акцию (применение стратегического ядерного оружия.— Авт.). Однако американский президент, который распоряжается 85% стратегических пусковых установок и более чем 95% ядерных зарядов, имеющихся на стороне Запада, мог бы проявить колебания в этом вопросе. Ведь американское население в таком случае не подвергалось бы непосредственной опасности ни путем оккупации, ни в результате стратегического ядерного нападения. Оно лишь тогда бы оказалось в опасности, если бы президент дал приказ об ударах возмездия против советских городов. Тем самым была бы и сравнительно невелика действенность подобного возмездия».

И Розекранц подкрепляет свое мнение ссылкой на американского министра обороны и теоретика устрашения Джеймса Шлесинджера, который считал в 1974 году маловероятной возможность нанесения со стороны США ответного массированного удара по городам противника, в случае если кто-либо из его союзников в Западной Европе подвергся бы нападению.

И вот главный вывод Розекранца: в связи с уменьшением действенности устрашения стратегических сил «необходимо установить новое соотношение между способностью и действенностью устрашения, чтобы восстановить стратегическое равновесие».

Оставим в стороне надуманные предположения о советском ударе и тем самым беспочвенность всех рассуждений о действенности возмездия. Но заметим, что, вкрапленные в ткань теоретических изысканий, эти вроде бы сугубо умозрительные заключения несут в себе реальную опасность, ибо они тем самым как бы обретают права гражданства в мышлении.

Подобные взгляды психологически вредны, ибо приучают общественность к мысли о возможности сохранения разумной жизни после ядерной войны.

Подобные теории опасны для человечества и в практическом плане. Несмотря на свой иррационализм, они становятся псевдонаучной базой для реальных военно-политических доктрин и разработки новых видов вооружений.

Вышеупомянутые работы Р. Розекранца и Дж. Шлесинджера появились в 1973—1975 годах, то есть в период, когда в США активно разрабатывалось оружие повышенной точности, способное поражать отдельные важные объекты противника, не вызывая при этом массовых жертв среди мирного населения. Именно тогда началась разработка новых американских ракет средней дальности «Першинг-2» и крылатых ракет. И как известно, они были навязаны западноевропейцам в 1979 году под тем самым предлогом, который обосновывали Розекранц и его коллеги-единомышленники.

Важно подчеркнуть странный и чрезвычайно опасный симбиоз зловредности и субъективности концепций устрашения. Ведь одна из главных посылок в рассуждениях «гражданских стратегов»— это ставка на адекватное мышление противника. Отсюда вывод о необходимости предвидеть его возможную реакцию. «Надо знать, с чем считается враг и что вызывает у него страх, надо заставить противника понять, какие формы его поведения могут привести к использованию силы, а какие нет, тогда устрашение будет действенным»[29].

Но вот тут-то и зарыта собака. Каким образом господа розекранцы, шлесинджеры и иже с ними намерены вычислять реакцию другой стороны?

Даже в условиях конфликта с применением обычного оружия в случае эскалации военных действий начинает действовать в значительной мере непредсказуемый автоматизм войны. Таково единодушное мнение видных советских и западных военачальников, с которыми нам довелось беседовать. В случае же применения ядерного оружия непредсказуемость реакции противника возросла бы многократно, ибо ставка слишком высока.

Генри Киссинджер, который обладает настолько гибким умом, что он позволяет ему отрицать рациональный характер ядерной войны и в то же время работать на гонку вооружений, пожалуй, нагляднее других демонстрирует противоречивость и несостоятельность всей философии устрашения. С одной стороны, он заявляет, что ядерная война немыслима как рациональное средство для достижения политических целей и она может быть лишь «результатом акта отчаяния», когда под угрозу поставлена судьба страны. С другой — он обосновывает необходимость размещения ракетно-ядерного оружия первого удара вблизи границ Советского Союза, сводя тем самым к минимуму до шести минут (продолжительность полета ракеты «Першинг-2») время на реакцию другой стороны. В то же время НАТО принимает на вооружение доктрину «битвы на земле и в воздухе», предусматривающую применение и обычного, и ядерного оружия против СССР. Позволительно задать вопрос теоретикам и практикам устрашения, которые к тому же сохраняют за собой право применения ядерного оружия первыми, на чем основывается их Уверенность, что они сами не станут жертвами ответного Уничтожающего удара?

^ Теоретики устрашения, абстрагируясь от конкретной Действительности ядерного паритета и неоднократно подтверждавшейся решимости Советского Союза не допустить его нарушения, подбадривают сами себя, политическую и военную элиту США и их союзников, разрабатывая опасные схемы победоносных ядерных войн. Некоторые из них, как, например, теоретик «немыслимого» Герман Кан, вопреки многим «стратегическим аналитикам», отрицающим рациональный характер атомной войны, рассматривают возможные варианты и «ограниченной», и тотальной ядерной войны. Книги Германа Кана «О термоядерной войне» (1960 г.) и «Мысли о немыслимом» (1962 г.) — это по существу философия апокалипсиса, зловредная направленность которой прежде всего в том, чтобы приучить человечество мыслить о немыслимом, как о реальности. Это — игра извращенного ума, который растрачивает себя в безысходных поисках псевдорациональных правил поведения в ракетно-ядерном конфликте[30].

Глава 2

ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ В БЕЗДНУ

НЕУЖЕЛИ УТРАТИЛА СВОЮ ВЕРНОСТЬ народная русская поговорка «Двум смертям не бывать, а одной не миновать»? Она, кажется, осталась в той доатомной эре и уже не подходит нам: ведь на каждого ныне живущего на Земле уготовано по несколько ядерных смертей. В этом суть самого понятия «оверкила», или «сверхубийства», которого прежде не знали люди. Война во все времена была связана с риском быть раненным или убитым. И не только на фронте. Вторая мировая война пожала кровавую жатву, более обильную среди гражданского населения, нежели среди военных. Но тогда, даже в худшие времена, рядом с риском всегда жила надежда, надежда выбраться из пекла войны живым. Но так было раньше.

Новая атомная эра в случае войны не оставляет кому-либо надежд на жизнь после чужой смерти. Она гарантирует лишь смерть после смерти. Сколь многократную? Подсчеты расходятся, но разве это утешает? Ведь главное — доподлинно известно, что в мире накоплено столько запасов оружия, и прежде всего ядерного и химического, что его хватит, чтобы убить каждого не один и даже не десять, а куда больше раз.

Первая атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, тянула «всего» на 13,5 килотонн тринитротолуола. Но она убила 100 тыс. человек и обрекла на долгие страдания Десятки тысяч других. Если подсчитать тротиловую мощность всех ядерных зарядов, то сейчас в мире насчитывается более 2 млн. «бомб-Хиросим».

Но, накопив запасы для многократного самоуничтожения, человечество продолжает упрямо подниматься вверх по лестнице вооружений, ведущей в бездну. Неужели оно неспособно остановиться, признав безумием ядерные гонки? К этому призывают социалистические страны. Об этом говорят все новые и новые развивающиеся страны. Этого требует нарастающее движение за мир. И хотя обо всем человечестве говорить еще рано, процесс прозрения начался.

Гнетущая действительность «оверкила» заставляет многих политиков, ученых и даже военных Запада признать бессмысленность и опасность гонки вооружений. Тот же Дж. Кеннан, признанный в свое время «духовным отцом устрашения», говорит теперь такие слова: «Ни одна разумная цель не может быть достигнута, если производить новое оружие, размещать его в новых районах и неустанно изобретать и создавать все новые его виды. А что касается стратегических сравнений, кто, чем и в каком количестве располагает, и выводов, которые могут быть сделаны исходя из этих сравнений в отношении превосходства или слабости держав, то я не вижу смысла в подобных оценках. Ведь если речь идет, как сегодня, о гигантских запасах «оверкила», которые никогда не могут быть применены без опасений вызвать мировую катастрофу, любые расчеты о превосходстве и слабости перестают иметь значение. Даже утверждение, что это необходимо для устрашения, становится сомнительным». «Я вижу причины опасности,— заключает Джордж Кеннан,— не в приписываемой одной стороне агрессивности, а в гонке вооружений»[1].

Казалось бы, все верно. Главная опасность для человечества таится в гонке вооружений. И достойно времени самоопровержение Кеннана: перед лицом «оверкила» он уже не считает, как раньше, устрашение оправданным. И действительно, может быть, не столь уж важно, у кого чуть больше атомных зарядов, а у кого несколько меньше?

И правы были бы и Джордж Кеннан, и те, кто, указывая на существующий потенциал «сверхубийства», вопрошает: а стоит ли подсчитывать, у кого чуть больше или меньше? Правы, если бы, признав паритет, обе стороны согласились взять его за отправную точку и договорились уменьшать количество вооружений на равной и честной основе. Но как быть, если одна из сторон заявляет о своем намерении добиться превосходства и разрабатывает все новые виды оружия массового уничтожения, притом не скрывая надежды изобрести «окончательное» оружие, оружие, которое поставит точку? Где? В конце истории существования противника.

Кто, как не президент США Рональд Рейган, пообещал отправить наш строй на «пепелище истории», открыто продемонстрировав всему миру образ своего мышления? «Мы сможем продолжать гонку вооружений,— заявил он 17 октября 1981 г. на встрече с редакторами провинциальных газет,— а они не смогут за нами угнаться».

В погоне за призраком превосходства

ПРАКТИЧЕСКИ на каждом международном форуме по разоружению, начиная с обычных и специальных сессий Генеральной Ассамблеи ООН и кончая различными коллоквиумами, заходит

речь о нарастающей гонке вооружений. Нередко встает вопрос и о виновниках ее. В ходе дискуссий их участники распадаются, как правило, на четыре группы: одни видят первопричину в политике США и их союзников, другие обвиняют Советский Союз, третьи возлагают вину на обе стороны, ставя СССР и США на одну доску, четвертые предпочитают не называть виновников*. Но есть факты, которые позволяют сделать два принципиально важных вывода: во-первых, вся история гонки вооружений свидетельствует о том, что СССР никогда не был инициатором в создании новых систем оружия, а лишь вынужден был догонять США; и во-вторых, СССР никогда не разрабатывал планы применения оружия, в том числе ядерного, первым, в то время как США разрабатывали и доктрины, и планы практического применения ядерного оружия первыми, причем против СССР.

В этом отношении весьма красноречивы следующие данные.

* Характерно, что этот вопрос также обойден и в докладе Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности под председательством Улофа Пальме.

Инициативы в создании новых систем оружия[2]:

	США	*СССР*
Ядерное оружие	Середина 40-х годов (примерно в августе 1945 г.)	Конец 40-х годов
Межконтинентальные стратегические бомбардировщики	Середина 50-х годов	Конец 50-х годов
Атомные подводные лодки	Середина 50-х годов	Конец 50-х годов
Атомные авианосцы	Начало 60-х годов	Нет
Разделяющиеся головные части индивидуального наведения	Конец 60-х годов	Середина 70-х годов
Нейтронные боеприпасы	Конец 70 — начало 80-х годов	Нет

К началу 70-х годов США были инициаторами в создании 23 крупных систем оружия из 25, созданных в мире[3]. Не потому ли Вашингтон упорно отказывается от предложения Москвы заключить договор о запрещении разработки и производства, новых видов оружия, и в первую очередь оружия массового уничтожения, что это противоречит всему образу мышления и поведения сторонников гонки вооружений?

Военно-промышленный комплекс США видел в производстве новой военной техники источник своего экономического могущества и политического влияния внутри страны и в мире, а политическая элита США уверовала во всемогущество Америки, способной создать мир по американскому образцу. Обладая вначале монополией на атомную бомбу, США проводили политику, основанную на «самонадеянности силы» (определение, данное сенатором Уильямом Фулбрайтом).

«Монополия на атомную бомбу до тех пор, пока она имеет место, дает США огромное преимущество с точки зрения военной мощи»,— писал в 1948 году американский историк Г. Моргентау. По его мнению, атомную бомбу США должны были «использовать в полной мере»[4].

И США, действительно, в полной мере поспешили использовать преимущества ядерной монополии. Уже само применение атомных бомб против Хиросимы и Нагасаки, практически по единодушному признанию всех крупнейших специалистов, не вызывалось чисто военной необходимостью. Япония находилась накануне капитуляции. Тем не менее атомные бомбы были сброшены. С какой целью?

По этому вопросу тоже царит единодушие. Взрывы атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки должны были продемонстрировать миру новое ядерное могущество США и запугать не столько противников — японцев, сколько союзников — русских.

Уже ближайшие месяцы показали, что США намерены от ядерного шантажа перейти к ядерному блицкригу. В ноябре 1945 года в объединенном разведывательном комитете США был разработан строго секретный план № 329, первый параграф которого предусматривал наметить в СССР около 20 наиболее важных объектов для стратегической атомной бомбардировки. 14 декабря 1945 г. объединенный комитет военного планирования принял план № 432/ D, намечавший использование всех имевшихся у США 196 атомных бомб для удара по основным промышленным центрам Советского Союза. В 1949 году по указанию президента Трумэна был разработан план

«Дропшот»[5]— план глобальной атомной войны против СССР. Была назначена даже дата начала войны —1 января 1957 г.

Фактически это был план третьей мировой войны. «Дропшот» намечал не только атомное опустошение («атомизацию»— на служебном жаргоне вашингтонских стратегов) нашей страны тремястами бомбовыми ударами. Он предусматривал также оккупацию нашей территории американскими войсками и последующее «искоренение советской системы»[6]. Судя по провозглашенным намерениям президента Рейгана «отправить марксизм-ленинизм на пепелище истории», в Вашингтоне и сейчас продолжают цепляться за прежние несбыточные имперские амбиции.

И если эти изуверские планы не были претворены в жизнь, то не потому, что в верхних этажах вашингтонской власти возобладало более реалистическое или гуманное мышление (Рональд Рейган доказал, что это не так), а лишь потому, что у ядерных маньяков руки оказались коротки. Как стало известно позже, в 1949 году план превентивного атомного удара силами стратегической авиации под названием «Троян» был отложен как недостаточно реалистичный. В директиве № 68 совета национальной безопасности США (1950 г.) превентивная война против СССР оценивалась как война, в которой победить невозможно: «По Советскому Союзу может быть нанесен удар, но, по существующим оценкам, эти действия сами по себе не смогут вынудить Кремль к капитуляции...»[7].

После взрыва первых атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки начался отсчет нового времени: человечество вступило в ядерный век. Далеко не многие сразу поняли, что появление оружия массового уничтожения такой силы, которая грозит стать неуправляемой, меняет не только роль этого оружия в новый век и отношение к войне с его применением, но и определение приоритетов в сфере главных забот человечества.

Как показывает опыт, человеческое мышление зачастую отстает от развития техники. Творцы и обладатели ядерной бомбы вначале не могли нарадоваться на новое чудо-оружие, с помощью которого они рассчитывали теперь расправиться с любым неугодным им противником. Стоит вспомнить хвастливые заявления американского президента Гарри Трумэна, которому доложили о рождении «малыша», как любовно назвали первую атомную бомбу в проекте «Манхэттен»*. Тогда многим американским военным и политикам казалось, что они схватили самого бога за бороду и стали чуть ли не повелителями мира.

Только после рассекречивания американских планов ядерной войны — «Дропшот» и других — пораженному такими новостями человечеству стало ясно, от чего оно уберeглось благодаря тому, что Советский Союз не дал стратегам ядерного превентивного удара «тайм-аут» на его подготовку.

Так что трезвомыслящие люди на всех континентах, в том числе и в первую очередь в самих США, должны воздать должное ядерному паритету между СССР и США, который уберег их от дьявольского искушения применить ядерное оружие, той злополучной идеи фикс, которая владеет легионерами «паке американа».

Соединенные Штаты Америки лишились ядерной монополии уже в 1949 году. Гораздо быстрее, чем предполагал

* Проект создания в США первой атомной бомбы.

Пентагон, Советский Союз ликвидировал отставание и в области противовоздушной обороны, и в производстве стратегических бомбардировщиков. И когда задним числом хотят доказать миролюбие Вашингтона ссылками на то, что он не использовал свое превосходство, когда его имел, можно привести лишь свидетельства самих американских специалистов. Американский ученый Энтони Браун писал: «США не смогли бы выиграть такую войну в 1949—1950 годах. Американские военно-воздушные силы были не в состоянии нанести России удар, после которого она не могла бы больше оправиться».

А Отто Хан, открывший процесс деления атомного ядра, когда узнал об испытании первой советской атомной бомбы, так прокомментировал конец американской монополии на ядерное оружие: «Это хорошее известие, ибо теперь опасность войны значительно уменьшилась»[9].

В марафоне вооружений СССР никогда не стремился стать лидером, он лишь стремился не отставать, ибо паритет для него в полном смысле слова жизненно важный принцип, гарантия мира и безопасности для себя, своих союзников и друзей. В то же время США были инициатором гонки на каждом новом отрезке времени либо под предлогом ликвидации отставания, либо под откровенным лозунгом восстановления военно-стратегического превосходства.

В 50-х годах, подняв шум об «отставании в бомбардировщиках», Пентагон потребовал и

получил в конгрессе крупные ассигнования, на которые была создана целая армада стратегических бомбардировщиков. После этого оказалось, что число советских самолетов было умышленно завышено американской пропагандой в 3—4 раза.

В начале 60-х годов под предлогом «ракетного отставания» США приступили к развертыванию межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования. Когда же было развернуто более тысячи таких ракет, «выяснилось», что советскую «ракетную угрозу» преувеличили в 15—20 раз.

То же самое с атомными подводными лодками. Первыми приступили к их строительству США в середине 50-х годов, когда их еще не было ни у кого в мире. С середины 60-х годов Пентагон приступил первым к оснащению подводных лодок ракетами с разделяющимися головными частями.

Приведенные ниже данные, показывают, кто действительно был инициатором ядерной гонки под водой[10].

США			СССР	
Год	ПЛАРБ (пусковые установки)	ядерные заряды	ПЛАРБ	ядерные заряды
1960	3/48	48	нет	нет
1967	41/656	1552	2/32	32
1970	41/656	2048	20/316	316
1975	41/656	4536	55/724	724
1981	40/648	5280	62/950	2000

На рубеже 70-х годов Соединенные Штаты стали первыми оснащать баллистические ракеты стратегического назначения многозарядными разделяющимися головными частями индивидуального наведения. Тем самым было положено начало новому туру гонки ядерных вооружений.

Вскоре они приступили к созданию нового типа стратегического вооружения — ядерных крылатых ракет большой дальности полета с воздушным, наземным и морским базированием.

Реагируя на эти угрозы, Советский Союз вынужден был принимать ответные меры для обеспечения надежной безопасности. При этом советское руководство неоднократно заявляло о том, что оно не стремится к достижению превосходства над Западом, что оно заинтересовано лишь в поддержании равенства.

К началу 70-х годов в мире было зафиксировано наличие примерного равновесия в количестве и качестве стратегических ядерных вооружений двух держав. Оно было многократно выверено в процессе переговоров о заключении Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2). Квалифицированные эксперты обеих сторон зафиксировали примерное равенство по носителям — 2500 у СССР, около 2300 у США, по числу ядерных зарядов преимущество на стороне США.

При подписании Договора ОСВ-2 в июне 1979 года обе стороны договорились ограничить стратегические вооружения с 1 января 1981 г. суммарным количеством 2250 единиц. Это был, действительно, великий шанс для мира — остановиться, чтобы, заморозив ядерные потенциалы, начать их сокращение.

Однако вскоре после подписания Договора ОСВ-2 сначала Дж. Картер, а потом сменивший его Р. Рейган стали заявлять, что равенства нет и СССР, далеко обогнал США по стратегическим вооружениям.

Нелепость подобных утверждений очевидна. Разве возможно добиться превосходства за год или два, если на создание стратегических программ необходим гораздо больший период времени? И разве можно заподозрить многочисленных американских экспертов, ведших переговоры по ОСВ-2, в близорукости, некомпетентности или пренебрежении к национальным интересам? Но тогда, спросите вы, как же Картер? Что ж, в условиях жестокой борьбы за президентское кресло, под огнем критики со стороны своего соперника, на которого делал ставку мощный военно-промышленный комплекс Калифорнии, Картер, пытаясь увернуться от наседавших на него «ястребов», действительно готов был отречься от собственной подписи под венским документом. Горькой иронией звучат его признания в мемуарах, когда он заявляет, что всякий раз, когда возникал вопрос о новых военных ассигнованиях, руководители Пентагона поднимали шум о «советской военной угрозе», об отставании от Советского Союза. Эти утверждения, заявляет Картер, были ложными и представляли серьезное искажение фактов[11].

Да и государственный секретарь А. Хейг, по существу, опроверг домыслы о превосходстве СССР. На встрече с редакторами американских газет в Вашингтоне 5 июня 1981 г. он заявил: «В стратегических ядерных силах по-прежнему сохраняется приблизительный паритет между нашими двумя странами».

А вскоре и президент Рейган, и его окружение открыто заявили: они пришли в Вашингтон, чтобы «восстановить стратегическое превосходство США над СССР в течение Ю лет»[13].

В октябре 1981 года в США была объявлена новая всеобъемлющая программа наращивания стратегических вооружений. Президент Рейган одобрил выделение в шестилетний срок 222 млрд. долл. на программу обеспечения американского превосходства в ядерной области.

Этот план предусматривает одновременную модернизацию главных составляющих ядерной «триады»— межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования (ракеты «MX»), баллистических ракет, запускаемых с подводных лодок («Трайдент»), и стратегических бомбардировщиков («В-1»), а также производство нескольких тысяч крылатых ракет классов «воздух-земля», «море-земля», «земля-земля».

Всего же за пять лет, начиная с 1984 года, США намерены израсходовать на вооружения около двух триллионов долларов, согласно секретным «директивам в области обороны на 1984—1988 финансовые годы», сведения о которых попали в печать[14]. В этих директивах министр обороны К. Уайнбергер давал установку на то, чтобы США были в состоянии одержать победу в условиях «затяжной ядерной войны» и заставить Советский Союз к возможно более скорому прекращению военных действий на условиях, благоприятных для США.

Таким образом, мир поставлен перед фактом нового колоссального тура гонки вооружений по инициативе США, тщетно пытающихся добиться военного превосходства.

Новое оружие подхлестывает гонку

В СОВРЕМЕННОЙ ГОНКЕ ВООРУЖЕНИЙ

у каждого западного участника своя стратегия и тактика. США, изначально возглавившие атлантическую команду в этом изматывающем весь мир марафоне, отказываются сбавить темп. Более того, они прибегают к допингам новых бюджетных инъекций, нарушают согласованные правила (ОСВ-2) и, судя по всему, делают ставку на лучшую техническую оснащенность.

«Со времени второй мировой войны развитие новой технологии вооружений играет определяющую роль в военном деле,— пишет западногерманский специалист в области вооружений Ганс Гюнтер Браух.— С момента проекта «Манхэттен», с которым связано создание первой американской атомной бомбы, возникли одновременно прототип секретных исследований и новое переплетение отношений между естественными и военными науками, а также политикой.

Гонка вооружений между США и СССР и примыкающими к ним военными союзами с тех пор в значительной мере определяется качественным преимуществом США и Запада при создании новой технологии вооружений»[15].

И далее Браух говорит о внутренней динамике разработки новых видов вооружений, которые уже в силу своего появления начинают оказывать дестабилизирующее воздействие на соотношение военных сил и тем самым на всю систему международных отношений. По его мнению, политика контроля над вооружениями фактически спасовала перед процессом разработки новых вооружений, «который не удалось ни замедлить, ни затормозить, не говоря уже о том, чтобы остановить». Часто в США новые соглашения о контроле над вооружениями получали поддержку только при согласии на разработку новых проектов оружия. И нередко было так, что во время переговоров эти новые виды оружия использовались на стол в качестве козырных карт.

Ганс Гюнтер Браух в своем исследовании ссылается и на аналогичные выводы известных американских ученых Франклина А. Лонга и Юдит Реппи. По их мнению, новые виды оружия играют двоякую негативную роль. Первое: некоторые виды, как, например, ядерные ракеты с разделяющимися головными частями, как оружие первого удара непосредственно дестабилизируют ситуацию. Другие же, например, крылатые ракеты дальнего действия, поскольку они вносят элемент неопределенности, нарушают прежнее равновесие и тем самым способствуют дестабилизации[16].

Эти выводы весьма важны с той точки зрения, что они как бы изнутри, признаниями самих специалистов Запада, объясняют причины отказа США заключить предлагаемый СССР договор о запрещении разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения. Этому сопротивляется «железный треугольник» военно-промышленного комплекса. Это во-первых. А во-вторых, ставка милитаристов на использование более совершенной военной технологии дает ответ на

волнующий мировую общественность вопрос, кто повинен в дестабилизации международной обстановки.

Если признать, что международный мир основан на стабильности, а стабильность на равновесии, то ясен искомый фактор. Новая военная технология, которая развивается не сама по себе, а в рамках военно-промышленного комплекса США, дестабилизирует ситуацию в мире, нарушая равновесие и подхлестывая гонку вооружений.

Какие системы оружия следует относить к дестабилизирующим, то есть негативно влияющим на относительное равновесие сил и повышающим напряженность в мире? По мнению известного американского физика и специалиста в области разоружения Косты Циписа, к дестабилизирующим относятся те системы оружия, которые увеличивают преимущества неожиданного нападения или же затрудняют контроль над вооружениями[17].

Возьмем для примера историю с новыми головными частями для баллистических ракет, так называемую систему MIRV — разделяющиеся головные части (РГЧ) индивидуального наведения. В 1970 году США приняли решение оснастить свои ракеты этой системой. Некоторые ученые на Западе, в частности американский физик Герберт Йорк, указывали, что принятие на вооружение этой новой системы дестабилизирует ситуацию, послужит мощным толчком для новой гонки ядерных вооружений. Стоит упомянуть, что в то время одним из активных сторонников ввода системы РГЧ был Генри Киссинджер. Кстати говоря, выступая в сентябре 1979 года на конференции в Брюсселе по случаю 30-летия НАТО, Г. Киссинджер обвинил СССР в массированном наращивании советских стратегических сил и в подтверждение привел такие цифры: в 1965 году, мол, СССР имел 220 межконтинентальных баллистических ракет (МБР), а в 1972— 1973 годах их число увеличилось до 1600, в то время как количество баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) возросло почти с нуля до 900 в 70-е годы.

Однако Г. Киссинджер умолчал, что уже в 1965 году США имели 850, то есть в 4 раза больше, МБР наземного базирования и 464 БРПЛ. И Советский Союз вынужден был догонять США.

Во время переговоров ОСВ-1 имелась возможность договориться о прекращении гонки вооружений. Однако США начиная с 1970 года стали оснащать свои ракеты РГЧ индивидуального наведения, что привело к следующему: в момент подписания ОСВ-1 у Соединенных Штатов было в четыре раза больше боеголовок, чем у Советского Союза.

Советский Союз вынужден был догонять и через пять лет ввел систему РГЧ у себя. В итоге в мире стало намного больше ядерных зарядов, однако международная безопасность от этого не только не возросла, а напротив — резко выросла взаимная уязвимость, в том числе и уязвимость самих США. Это, кстати, вынужден был признать впоследствии Г. Киссинджер[18]. Но что толку от его якобы искренних и самокритичных признаний. Спираль ядерной гонки уже развивалась на новых витках и на новых скоростях, расшатывая наше мироздание.

В этой связи стоит сказать и о предсказуемости как важном факторе стабильности. На Западе принято восхвалять, конечно в пику СССР, «открытость» своего общества, в котором любое нововведение, в том числе военной техники, заранее широко обсуждается среди общественности и, таким образом, не является неприятным сюрпризом для другой стороны.

На деле общественность узнает о новых видах вооружений постфактум, когда они уже созданы, и то лишь потому, что начинается борьба в конгрессе США (или парламентах других стран) между различными лоббистскими группами вокруг того или иного проекта. Так было с бомбардировщиком «В-1», нейтронным оружием, ракетами «MX» (обсуждение, борьба, даже отклонение, но в конечном итоге все же внедрение в производство).

Что же касается систем РГЧ индивидуального наведения, то уже в 1958 году началась их разработка, в том числе по заданию отдела баллистических систем ВВС США. В 1964 году уже было принято решение о производстве компонентов РГЧ для ракет типа «Титан» и «Минитмен». А через несколько месяцев — и для ракет «Посейдон» и «Минитмен-3». Причем командование ВВС поставило перед научно-техническим мозговым трестом в качестве главной задачу: создать стратегическое оружие, которое позволило бы практически одновременно уничтожить системы командования и контроля противника, не оставив для него никакой возможности для обороны.

Но только в 1967 году общественность узнала о системе РГЧ индивидуального наведения. При этом, конечно, всячески замалчивался дестабилизирующий характер этой системы и те последствия, к которым она приведет, начав, по существу, новый неуправляемый виток спирали вооружений.

Важно отметить, что ни в конгрессе США, ни в парламентах западноевропейских стран ни

разу не обсуждался вопрос о причинах гонки вооружений во всей взаимосвязи различных факторов, в том числе на основе объективного анализа таких обстоятельств, как: кто, когда и почему начинал разработку новой военной технологии, вводил новые системы и каковы были последствия. Как правило, на Западе обосновывали все нововведения ссылками на «наращивание советских военных приготовлений» и на необходимость «козырей для торга с русскими». Хотя очевидно, что только всеобъемлющий анализ позволяет создать объективную и полную картину дестабилизирующего влияния новой военной технологии.

Уже отмечалось, что в США и в Западной Европе в ходу тезис о том, что в течение долгого периода (конец 60-х—70-е годы) США не увеличивали число своих ракетных установок и ракетоносителей. А Советский Союз, дескать, злоупотребил этим «миролюбием», не оценил «сдержанность» США и наращивал свои ядерные вооружения. На этом основывается и обвинение в том, что СССР использовал разрядку 70-х годов в своих корыстных целях и своим чрезмерным наращиванием военных мускулов сам подорвал разрядку, вызвав ответные меры Запада (сюда же вписывается и вся история с натовским решением, принятым в декабре 1979 г. якобы в ответ на развертывание ракет СС-20).

Этот вопрос настолько важен, что заслуживает детального рассмотрения, причем во всей его взаимосвязи.

Все дело в том, что именно к концу 60-х годов (точнее, к 1967 г.) в США было завершено создание стратегической триады. Она насчитывала в своем составе пусковые установки МБР наземного базирования «Минитмен-1», «Минитмен-2» и «Титан-2»— всего 1054 единицы; 656 пусковых установок БРПЛ «Поларис-А2» и «Поларис-АЗ»; 615 стратегических бомбардировщиков «В-52» и «В-58»[19]. В 70-е годы США, действительно, не наращивали число носителей ядерных зарядов. Но они наращивали свою стратегическую мощь двумя другими путями: увеличивая число ядерных боеприпасов (с помощью РГЧ) и повышая их точность. Так были развернуты новые системы ракет «Минитмен-3» с тремя боеголовками каждая. На 31 атомной ракетной подводной лодке были размещены 496 БРПЛ «Посейдон-3», каждая из которых была оснащена 10—14 боеголовками. Бомбардировщики были оборудованы для 6-20 ракет каждый. Это привело к тому, что при подписании Договора ОСВ-2 у США был 2141 стратегический носитель с 11 тыс. ядерных боеприпасов.

Второй, не менее важный фактор — точность новых стратегических систем, которая в 70-е годы возросла более чем вдвое. Только в результате этого их поражающие возможности увеличились не менее чем в пять раз, хотя число стратегических носителей у США даже несколько снизилось.

Знал ли об этом государственный секретарь США Джордж Шульц, когда он выступал перед американцами после показа по телевидению фильма «На следующий день»? Конечно, знал. Не мог не знать. И тем не менее он счел нужным умолчать об этом, а упор сделал на совершенно другое. «Если обратиться к 60-м годам и сравнить наш нынешний разрушительный ядерный потенциал с тогдашним, оказывается, что он примерно на 70 процентов меньше»[20],— успокаивал он своих соотечественников.

Когда же в печати стали появляться вопросы: что имеет в виду администрация — общие запасы ядерного оружия или боеприпасы, министр обороны Каспар Уайнбергер двумя днями позже заявил журналистам, что число имеющихся в американском арсенале вооружений сократилось с 60-х годов на 25%. Это опять же, по существу, вводящая в заблуждение информация по принципу: говори правду, только правду, но не всю правду.

Оба высокопоставленных представителя администрации, как отметил обозреватель «Вашингтон пост» Уолтер Пинкус, не упомянули очень важное обстоятельство: то, что сокращения вооружений в 60-х годах были произведены за счет секретных запасов тысяч атомных бомб, которые были сочтены малоэффективными и даже опасными для самих США. Кроме того, был обойден стороной и другой важный факт: хотя сегодняшние запасы ядерного оружия уступают прежним как по числу единиц, так и по их тротиловому эквиваленту, они состоят главным образом из ракетных боеголовок, которые могли бы нанести гораздо больший Ущерб Советскому Союзу. Два десятилетия назад у США было больше бомб, но не все из них достигли бы целей.

И еще одно обстоятельство: одна атомная бомба, такая как «В-41», состоявшая на вооружении армии США в 60-е годы (с тротиловым эквивалентом более 20 мегатонн, что почти в 1500 раз превосходит мощность бомбы, сброшенной на Хиросиму), могла быть использована для уничтожения одного города. А ракета «МХ», например, в 6 раз уступая бомбе «В-41» по мощности, способна при помощи своих десяти головок индивидуального наведения поразить в несколько раз больше целей.

Замена таких бомб была не только результатом американской расчетливости. В одной из недавно рассекреченных докладных записок ВМС США тех лет указывалось: в случае, если бы американские ВВС сбросили свои бомбы «В-41» на советские цели, то радиация поразила бы такие районы, как Западный Берлин, север Японии, Сеул, а значит, и расположенные там американские войска[21].

Возвращаясь к внедрению новой военной технологии РГЧ индивидуального наведения, стоит отметить, что это оказало самое серьезное влияние и на выработку новых военных доктрин. Как отмечают многие западные исследователи, благодаря резкому повышению количества и точности боезарядов США смогли увеличить число целей в Советском Союзе для возможного удара с 10 тыс. в 1967 году до 24 тыс. в 1974 и 40 тыс. в 1980 году.

Другим примером дестабилизирующего влияния новой военной технологии является разработка крылатых ракет, начатая в США еще в середине 60-х годов. В апреле 1972 года, за месяц до подписания Договора ОСВ-1, тогдашний министр обороны США М. Лэйрд выступил с требованием ускорить разработку технологии крылатых ракет (заметьте, задолго до появления СС-20). Все тот же Генри Киссинджер выступил в поддержку министра обороны, выдвинув вновь аргумент «козыря для торга с русскими».

В результате появление крылатых ракет, для обнаружения которых требуется введение новых радарных систем, явно дестабилизировало ситуацию. А намерение США взять на вооружение тысячи крылатых ракет наземного, морского и воздушного базирования, по мнению западных исследователей, «программирует новый тур гонки вооружений на 80-е и 90-е годы»[22].

В прямой связи с этим рассматривается и тот факт, что в начале 70-х годов доктрина «взаимного гарантированного уничтожения» в США уступила место новой поглотившей ее доктрине «ограниченной» ядерной войны.

О ней было заявлено уже Дж. Картером в директиве NO 59 и ее, по существу, в рабочем порядке ввел в ядерную стратегию США Р. Рейган.

«Политический опыт, связанный с введением системы РГЧ, а также предстоящее развитие технологии крылатых ракет предполагают дальнейшее ухудшение отношений между Востоком и Западом, возникновение растущей уязвимости и связанные с этим новые опасности,— приходит к заключению Г. Г. Браух.— Это в свою очередь может быть использовано для оправдания наращивания новых вооружений». И далее он вновь подчеркивает, что за развитием новой военной технологии стоит военно-промышленный комплекс (Браух называет его «союз военно-промышленных и политических интересов»).

Как на деле выглядит этот союз во время президентства Рональда Рейгана и каково его влияние на положение в мире, достаточно убедительно проанализировал в своей книге «О Рейгане — человеке и президенте»[23] известный американский журналист, издатель газеты «Техас обсервер» Ронни Даггер. Автор отмечает, что за два с половиной года своего пребывания у власти президент значительно приблизил мир к ядерной войне. Он издавна находится в сговоре с самыми воинственными элементами американского военного истэблишмента.

Ронни Даггер отмечает, что Рейган связан с «большим бизнесом» США и его политическую карьеру нельзя правильно оценить, если опустить решающую роль миллионеров в финансировании его избирательных кампаний. Даггер указывает на тесные узы членов команды Рейгана с крупнейшими концернами, связанными с военным производством. Джордж Шульц до назначения государственным секретарем занимал пост президента крупнейшего калифорнийского концерна «Бектел пауэр корпорейшн», вице-президентом которого был министр обороны Каспар Уайнбергер. Не случайно Пентагон «наградил» эту корпорацию контрактом на разработку ядерных ракет «MX» на сумму 19 млрд. долл.

Автор отмечает, что Рейган втянул США в беспрецедентную гонку ядерных вооружений. По каждому важному вопросу, вызывающему споры,— от нейтронной бомбы до бинарных химических боеприпасов — он и его администрация выступают в поддержку производства этих систем вооружений. Аргументы, которыми он пользуется, повторяются с незначительными вариациями: Советы, мол, опережают нас, и мы нуждаемся в этих системах как в средствах сдерживания. Рейган продолжил предпринятые при Картере инициативы — создание ракет «MX» и крылатых ракет и внес свой вклад — стратегический бомбардировщик «В-1» и космическое оружие.

Особое внимание обращает автор на гонку вооружений в космосе. Администрация Рейгана ежегодно ассигнует миллиарды долларов на разработку новых видов оружия — лазерного и пучкового. По сообщениям американской печати, министерство обороны США выделило крупные

суммы на проведение научных исследований в области создания оружия будущего, в том числе противоспутникового, лазерного, нового химического оружия, оружия для противолодочной борьбы и других видов[24].

Начиная с 1981 года администрация Рейгана выделяет через министерство энергетики дополнительные средства для исследовательских работ по созданию «третьего поколения» ядерных вооружений. Первым поколением являлась атомная бомба, вторым — водородная бомба. Сейчас речь идет о системах оружия с использованием электромагнитного импульса[25]. Как писал в апреле 1983 года обозреватель «Вашингтон пост» Уолтер Пинкус, ссылаясь на хорошо осведомленных ученых, в двух правительственных лабораториях изучается возможность разработки новой ядерной бомбы усиленного электромагнитного импульса. Там мечтают, что взрыв такой бомбы над территорией Советского Союза позволил бы полностью разрушить систему связи[26].

Стоит ли после этого удивляться, что среди тех, кто активно ратует за возможность вести ядерную войну и выиграть в ней, есть и ученые-ядерщики, такие как Эдвард Теллер. Неудивительно и другое — что на основе этой стратегической концепции именно в период конца 70 — начала 80-х годов появляются и новые доктрины «ограниченной» и «затяжной» ядерной войны.

Но вот еще один принципиально важный вывод: при всех сложных взаимозависимых процессах военно-технического развития и политического мышления технический уровень ядерных и обычных вооружений диктует, как правило, выработку стратегии и военных доктрин, а не наоборот. Хотя, естественно, есть и обратная связь.

На конкретном примере это выглядит таким образом. По свидетельству очевидцев, Рональд Рейган был настолько воодушевлен идеями Эдварда Теллера и других ядерщиков о возможности создания новых систем космического оружия, способного обеспечить победу над Советским Союзом (американцам было, конечно, объявлено об оружии, которое гарантирует мир от угрозы русских ракет), что стал рьяным поборником «звездных войн». Он был им и раньше, но технические возможности создания нового лазерного оружия подвели материальную базу под эти намерения.

Другим примером дестабилизирующего влияния новой технологии является «доктрина обезглавливания», известная также как «план Роджерса». Суть ее в том, чтобы использовать баллистические ракеты «Першинг-2», «Поларис» и «Трайдент-С4» с неядерными боеголовками для уничтожения командных и политических центров противника, не прибегая к ядерной войне. Технически это стало возможно лишь после повышения точности баллистических ракет, благодаря чему резко возросла эффективность боевых зарядов. В то же время новые системы приобретают многоплановое предназначение: они могут быть снабжены и ядерным, и обычным взрывчатым веществом, а также отравляющими средствами. Например, крылатые ракеты. Их уже запланировано произвести более 12 тысяч. Часть из них будет иметь ядерные, а часть — обычные заряды. Естественно, это затрудняет их распознавание и контроль за оружием массового уничтожения.

Разве это не дестабилизирует ситуацию в мире?

И еще один пример. Пресловутое решение НАТО от 12 декабря 1979 г. объясняется на Западе необходимостью «довооружения» в ответ на размещение советских ракет СС-20. Оставляя в стороне ложность мотивировки, поскольку СС-20 были модернизацией прежних систем СС-4 и СС-5 и не меняли стратегического баланса, приведем здесь принципиально важное мнение западных специалистов о причинах появления СС-20. Так, по мнению Г. Г. Брауха, если бы США не разработали новую систему РГЧ индивидуального наведения или отказались бы от нее в рамках Договора ОСВ-1, тогда бы Советскому Союзу не было необходимости вводить новую систему ракет СС-20[27].

В многолетней дискуссии по поводу новых американских ракет «Першинг-2» сторонники их размещения пытаются разными способами преуменьшить их опасность, в частности отрицают их характеристику как оружия первого удара. Нам не раз доводилось слышать это от наших оппонентов во время ежегодных октябрьских конференций по проблемам международной политики в гамбургском Международном институте политики и экономики «Хаус Риссен», на других международных конференциях, а также в штаб-квартире НАТО во время встречи одного из нас (март 1983 г.) с тогдашним генеральным секретарем Йозефом Лунсом. Эту же точку зрения отстаивает и французский политолог Мишель Татю в своей книге «Битва вокруг ракет»[28].

В то же время ее опровергают многие ученые и военные Запада, рассматривающие ракеты «Першинг-2» как оружие первого удара и, следовательно, как особо опасное, дестабилизирующее стратегическую обстановку, опасно провоцирующее его обладателей и вызывающее дополнительные подозрения у противной стороны.

Вот доказательства. Как известно, принцип «равновесия страха» между двумя главными ядерными державами — США и СССР покоится на том, что в случае возможного ядерного нападения у другой стороны останется достаточно неповрежденных ракет для ответного удара. Поведение в таком случае определяется формулой: кто первым нанесет удар, неизбежно погибнет вторым.

Концепция «равновесия страха» возникла в том числе и потому, что у ракет была недостаточная точность. Однако ситуация принципиально меняется, как только одной или обеим сторонам удается создать и разместить особо точное ракетное оружие, обеспечивающее гарантированный вывод из строя ракет противника, его командных центров и коммуникационных систем. Согласно оценкам многих западных специалистов, ракеты «Першинг-2» являются особо точными и потому способными нанести противнику неприемлемый ущерб, следовательно — пригодными для первого удара. По мнению профессора математики в Майнцском университете Матиаса Крека, ракеты «Першинг-2» вследствие их точности являются оружием первого удара[29]. Того же мнения придерживается известный гамбургский исследователь проблем мира и войны Дитер Лутц.

По данным стокгольмского института СИПРИ, точность ракет «Першинг-2» составляет примерно 40м, это значит, что эта ракета, пролетев расстояние до 1800 км, способна поразить цель в среднем в радиусе до 40 м. Кстати, по тем же расчетам СИПРИ, ракеты СС-20 не являются оружием первого удара[31].

Не случайно, а вполне закономерно, что именно с появлением ракет «Першинг-2» в НАТО берется на вооружение и новая доктрина «обезглавливания», предусматривающая нанесение особо точных ударов по командным центрам противника. С этим же тесно связана и доктрина «ограниченной» ядерной войны, построенная на иллюзорных расчетах ее авторов точными ударами вывести из строя основные системы управления, командования и связи противника.

Новая военная технология рождает и иные планы: ракеты «Першинг-2» могут быть снабжены не только ядерными, но и обычными мощными зарядами, которые при существующей точности способны выполнить ту же задачу. Как бы там ни было, налицо явная эскалация опасности войны.

На это нам приходилось слышать возражение: не преувеличивайте роль «Першингов-2», все равно они не способны уничтожить все советские ракеты: во-первых, потому что их радиус полета ограничен, во-вторых, существуют еще пока неуязвимые ракеты на подводных лодках. Но подобный довод — слабое утешение. Ведь кроме «Першингов-2» и крылатых ракет есть еще межконтинентальные. А что до подводных лодок, то, по расчетам ученых, к 1990 году будут разработаны системы обнаружения подводных лодок и слежения за их маршрутами[32]. Если дело дойдет до этого, искушение нанести первый удар резко возрастет, причем как раз у той стороны, которая не отказывается от доктрины «обезглавливания».

«С военно-политической точки зрения,— подчеркивает Г. Г. Браух,— введение новых дестабилизирующих систем оружия, таких как «Першинг-2» и крылатые ракеты, так же как и новых дестабилизирующих стратегических концепций, в том числе тех, которые обосновывают возможность ведения ограниченной ядерной войны, явится дополнительной поддержкой той точке зрения, в соответствии с которой военный конфликт можно ограничить рамками Европы»[33].

Так создание новых систем оружия и разработка соответствующих им концепций устрашения подстегивают гонку вооружений, выводят ее на новый, еще более опасный Рубеж, что делает наш мир все менее устойчивым и менее безопасным.

Опасность гонки вооружений в космосе

ДРУГАЯ СЕРЬЕЗНАЯ ОПАСНОСТЬ, надвигающаяся на человечество, исходит от планов США по милитаризации космоса. Распространение гонки вооружений на космос открывает качественно новое ее направление. Оно активно поддерживается президентом США Р. Рейганом. Причем ныне эти опасные идеи уже не просто планы на отдаленное будущее, а конкретные программы военного использования космоса, к осуществлению которых американцы практически приступили.

Сегодня все хорошо знают о выступлении Рейгана 23 марта 1983 г., в котором он призвал к созданию «обороны» против ракет другой стороны. Выступление американского президента выглядело весьма туманно и больше походило на пропагандистское шоу с целью восхваления возможностей ведения «звездных войн». Позднее американская администрация стала усердно распространять версию о том, что речь идет всего лишь о долгосрочных планах, рассчитанных на

весьма отдаленное будущее, и, следовательно, никаких причин для беспокойства нет. Другими словами, все делалось для того, чтобы представить высказывания президента всего лишь как «размышления вслух», с которыми можно соглашаться или не соглашаться и, в конечном счете, не особенно о них беспокоиться. Все это, однако, весьма далеко от истины.

Можно вполне определенно считать, что выступление Рейгана войдет в историю речей американских президентов как одно из самых опасных не только для американцев, но и для всего человечества. Американский президент, по существу, навязывает нашим детям и внукам проблему, которая может оказаться неразрешимой. Неразрешимой хотя бы потому, что распространение гонки вооружений на космос, его милитаризация могут оказаться тем роковым витком, который сделает решение проблемы ограничения и даже приостановки гонки вооружений невозможным. Слишком много трудностей, слишком много новых проблем возникнет для политиков, которые, как показывает практика, уже сейчас, в середине 80-х годов, не в состоянии из-за позиции американских «ястребов» решить более ясные вопросы ограничения вооружений и разоружения.

Опасность нынешнего курса правительства США в отношении милитаризации космоса состоит прежде всего в том, что он уже начал претворяться в жизнь. В этой связи можно напомнить, что еще в июле 1982 года в США была опубликована директива Рейгана по политике в области исследования и использования космического пространства. Причем приоритет в этой правительственной директиве отводился военным целям. На реализацию планов по милитаризации космоса правительство США уже в 1984 году отпустило громадную сумму в 9 млрд. долл. Затем президент Рейган, в развитие предыдущих установок, дает новые указания, содержащиеся в директиве № 119, которая непосредственно становится базой для осуществления планов расширенных программ научных исследований по созданию в космосе новых систем оружия. Они, согласно официальной версии, должны «отразить ядерное нападение противника».

Это решение президента США явилось началом разработки противоракетных комплексов новейшего поколения, которые планируется разместить в космосе. В американской печати сообщалось, что это оружие будет основываться на направленной энергии (на основе лазеров и ускорителей элементарных частиц). Под прицел этого оружия запланировано взять уже не только советские ракеты, но и любые, в том числе мирные, объекты, находящиеся в космосе, а также многочисленные воздушные и наземные цели.

Вся эта работа проводится с большим размахом. Об этом можно судить хотя бы по тому, что к 1988 году американская военщина, военно-промышленный комплекс и поддерживающая его рейгановская администрация намерены увеличить средства на развитие лазерных систем для использования в космосе и из космоса против наземных целей более чем в 13 раз. Что же касается планов финансирования этого нового витка гонки вооружений, носящего качественно новый характер, то планируется выделить Пентагону в ближайшие пять лет, начиная с 1984 года, громадную сумму в 27 млрд. долл. Появились также сообщения о том, что к 2000 году США планируют истратить на гонку вооружений в космосе 95 млрд. долл. Можно не сомневаться, что, если этой политике не будет положен конец и если правительство США не пойдет на договоренность о том, чтобы перекрыть этот новый канал гонки вооружений, сумма расходов на космическое оружие во много раз увеличится.

Утверждения администрации Рейгана о том, что милитаризация космоса позволит Соединенным Штатам «укрепить свою оборону», являются совершенно несостоятельными.

Распространяя гонку вооружений на космос, правительство США предпринимает шаг, чреватый трагическими последствиями. Конкретные военные данные говорят о том, что в результате появления ядерного оружия безопасность американцев резко уменьшилась. И она станет еще меньше в случае милитаризации космоса.

Космическое оружие не только не укрепит оборону США и, тем более, не сделает стабильным международный мир, но оно в громадной степени подорвет любые будущие попытки ограничить и остановить гонку вооружений. Оно в решающей степени затруднит, если не сделает совсем невозможным, ведение переговоров по ограничению и сокращению вооружений. Вся система оценки стратегического баланса и подсчета соотношения сил станет почти невозможной. Новые сложности возникнут в процессе поиска мер контроля за ограничением вооружений. Другими словами, стратегическая ситуация в отношениях между США и СССР, а также между странами Варшавского Договора и НАТО будет неизбежно дестабилизирована. В результате в громадной степени возрастет риск возникновения ядерной войны, по существу, будет сведен на нет советско-американский Договор об ограничении систем противоракетной обороны 1972 года, запрещающий создание

соответствующих систем космического базирования.

Так, п. 1 ст. 5 этого договора гласит: «Каждая из. сторон обязуется (подчеркнуто нами.— *Авт.)* не создавать, не испытывать и не развертывать системы или компоненты ПРО морского, воздушного, космического (подчеркнуто нами.— *Авт.)* или мобильно-наземного базирования». Сторонники милитаризации космоса, по существу, отбрасывают в сторону это двустороннее соглашение, подписанное на самом высоком уровне американскими и советскими представителями и являющееся единственным ратифицированным и действующим соглашением между СССР и США по ограничению стратегических вооружений.

Вся «стратегическая логика», на которую опираются сторонники милитаризации космоса, не выдерживает критики еще и потому, что в случае осуществления правительством США гонки вооружений в космосе Советский Союз будет вынужден предпринять ответные меры. По мнению большинства специалистов, о чем американские стратеги устрашения предпочитают не сообщать своему народу, любые космические противоспутниковые системы, так же как и другие космические виды вооружений, сами были бы весьма уязвимы для различных средств противодействия. Так что деньги, потраченные на них, были бы, образно говоря, выброшены уже не просто на ветер, а в космос. Причем использованы не в целях обороны, а для того — и об этом надо сказать прямо и со всей откровенностью, — чтобы обеспечить США способность безнаказанного нанесения первого ядерного удара.

Предпринимаемая США милитаризация космоса означает стремление получить возможность уничтожать с помощью «противоракетной обороны» стратегические средства защиты Советского Союза. А если посмотреть в корень всей проблемы, то совершенно ясно вырисовывается намерение американской военщины и крайней реакции, действующих на основе философии устрашения, лишить социалистические страны возможности нанести ответный мощный удар в случае нападения на них США и их союзников. Именно эти расчеты лежат в основе планов американской военщины по милитаризации космоса.

Для любого человека, даже не обладающего специальными военными знаниями, совершенно ясно, что появление так называемых «космических противоракетных систем» (КПС) не смогло бы обеспечить защиту от тысяч ядерных средств другой стороны. Это признают и американские ученые. В опубликованном в мае 1984 года исследовании, подготовленном влиятельной общественной организацией США — Союзом обеспокоенных ученых, подчеркивается, что даже если США могут надеяться «совершить чудо»— достичь уничтожения 95% ракет противника, то оставшихся 5% будет достаточно, чтобы уничтожить десятки миллионов американцев, вызвать неописуемые разрушения, необратимые экономические потрясения. Более того, отмечают авторы исследования*, «не будут защищены и наши союзники

* Среди авторов исследования крупнейшие ученые — Г. Бете, В. Понофски, Т. Йорк, Дж. Стоун, Дж. Визнер и другие, принимавшие участие в создании атомной бомбы, разработке стратегических систем и космических программ.

по НАТО. Неизбежна новая волна подозрений в отношении того, что США, прикрыв лишь себя, намерены развязать в Западной Европе ядерный конфликт»[34]. Таким образом, расчеты американских стратегов, пытающихся доказать «разумность» распространения гонки вооружений на космос, полностью опровергаются крупнейшими американскими специалистами в этой области и на деле оказываются совершенно неразумными.

Конечно, каждое действие правительства США в сторону увеличения гонки вооружений и тем более распространения ее на космос заставляет Советский Союз, другие социалистические страны предпринимать меры противодействия. Эти меры могли бы быть необязательно адекватными действиям правительства США, так как Советский Союз, социалистические страны далеки от мысли распространить гонку вооружений на космос.

В ответе на обращение видных американских ученых Р. Гарвина и К. Сагана Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко подчеркнул: «Стремясь преградить путь оружию в космос, мы предложили договориться о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли. Эта договоренность предполагала бы, в частности, и полный отказ от противоспутникового оружия, включая уничтожение уже существующих таких систем. Чтобы облегчить достижение договоренности, СССР в одностороннем порядке объявил мораторий на вывод в космос противоспутникового оружия до тех пор, пока другие страны будут поступать таким же образом»[35].

Если правительство США воздержится от вывода в космос противоспутникового оружия, то

тем самым этот односторонний советский мораторий будет способствовать предотвращению милитаризации космоса. Советский Союз еще в 1981 году внес в Организацию Объединенных Наций предложение заключить договор о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода. Это предложение получило широкую поддержку: 147 государств на сессии Генеральной Ассамблеи ООН проголосовали за то, чтобы поручить женевской конференции по разоружению рассмотреть вопрос о предотвращении гонки вооружений в космосе, и лишь одна страна — США — голосовала против.

В ответе на упомянутое выше обращение американских ученых К. У. Черненко вновь подтвердил готовность Советского Союза «приложить максимум усилий, чтобы зловещие планы перенесения гонки вооружений в космос не стали реальностью... По нашему убеждению, политика, направленная на то, чтобы надежно оградить космос от размещения там оружия, должна стать обязательной нормой поведения государств, общепризнанным международным обязательством».

Глава 3

ДВА ФРОНТА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Теоретики и практики «холодной войны» (50—70-е годы)

В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ в США сменилось немало правительств. В Белом доме занимали президентское кресло как демократы, так и республиканцы. После выдающегося президента Америки — Франклина Рузвельта на несколько лет в Вашингтоне обосновался Гарри Трумэн — человек, как о нем говорили, с тонкими губами и черствым сердцем. Стратегические и тактические установки американской внешней политики и дипломатии, выработанные в годы президентства Г. Трумэна, явились одним из важных факторов, оказавших самое отрицательное влияние на последующую внешнюю политику США.

Излагая свой подход к истокам «холодной войны», американский историк А. Шлезингер писал, что в 1945 году в правительстве США господствовала такая точка зрения на мировой порядок, согласно которой все государства имеют общие интересы во всех мировых делах и должны сотрудничать в международных организациях[1]. Действительно, Ф. Рузвельт, возвратясь с Ялтинской конференции, заявил, что она «положит конец системе односторонних действий замкнутых союзов, сфер влияния, равновесия сил и всех других приемов, испытывавшихся на протяжении столетий и неизменно не приносивших желаемого результата». Это высказывание Рузвельт делал в духе политики взаимопомощи участников антигитлеровской коалиции, он с обоснованной надеждой смотрел и на возможность послевоенного сотрудничества с СССР. Практика американской внешней политики после смерти Рузвельта вступила в полное противоречие с таким подходом, как его понимал президент. Лишившись духа сотрудничества, она быстро эволюционировала в сторону взглядов тех, кто, будучи опьянен обладанием атомной бомбой, призывал к установлению диктата США в международных отношениях.

Именно президент Трумэн стал человеком, развязавшим вместе с Черчиллем «холодную войну». В официальном Вашингтоне, отмечает Шлезингер, утвердилось мнение, что, «если конфликт с Россией неизбежен, все соображения благоразумия подсказывают, что он должен произойти в Восточной, а не в Западной Европе»[2]. Под предлогом несогласия с «разделом мира на сферы влияния» американский империализм начал активную борьбу за ликвидацию в Восточной Европе народно-демократических государств.

Какие же практические шаги предприняло правительство Трумэна, чтобы пустить под откос послевоенное сотрудничество между СССР и США и начать «холодную войну»? Назовем лишь несколько.

После смерти Рузвельта в 1945 году президент Трумэн не ответил на предложение СССР о развитии экономических связей между двумя странами. В мае 1945 года США внезапно прекратили поставки Советскому Союзу по ленд-лизу. Варварский приказ о взрыве атомных бомб над японскими городами Хиросима и Нагасаки был в значительной степени продиктован стремлением американских правящих кругов оказать давление на СССР. Уже с осени 1945 года США и Англия начали проводить линию на «холодную войну» против Советского Союза. Государственный секретарь США Дж. Бирнс, как отмечает американский исследователь Дж. Уорберг, поехал на лондонское совещание министров иностранных дел «с твердым намерением использовать атомное оружие в качестве подразумеваемой угрозы»[3], имея соответствующее указание президента Трумэна.

Таким образом, администрация Трумэна пыталась решать международные дела не считаясь с итогами второй мировой войны, социальными сдвигами в Восточной Европе и интересами безопасности Советского Союза.

Уже в 1946 году американская пропаганда активно берет на вооружение миф о «намерении Советов захватить Западную Европу». Для этой цели использовались американские правительственные и частные службы пропаганды: печать, радио и телевидение. Местные органы информации также подключались к пропагандистской кампании, направленной против советской внешней политики. Постепенно становившиеся на ноги западноевропейские буржуа охотно помогали распространению мифа об «агрессивности Советов», так как отпадение ряда стран Восточной Европы от капиталистической системы их основательно напугало. Изобретенный миф нужен был США, чтобы, воспользовавшись экономической и военной слабостью стран Западной Европы, навязать им свою гегемонию, взять под свой контроль, утвердить на европейской земле американское военное присутствие.

Одним из главных архитекторов здания «холодной воины» стал государственный секретарь

Дж. Ф. Даллес. Груз идей Даллеса до сих пор лежит на американской внешней политике и дипломатии. В течение семи лет, с 1953 по 1959 год, он возглавлял внешнеполитическое ведомство США. Про Даллеса говорили, что он «носит весь государственный департамент под своей шляпой»[4], то есть единолично руководит американской дипломатией.

Даллес, за которым по праву закрепилось прозвище «рыцаря холодной войны», упорно проводил линию на ухудшение отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Он проповедовал политику «морального наступления» на СССР, не скрывал, что главной целью своей деятельности считает трансформацию социалистического строя в СССР в сторону капитализма[5]. Для достижения этой цели США прибегали к самым разным методам, исключая разве только прямые военные действия.

Даллес оценивал международные отношения прежде всего через призму политики США в отношении Советского Союза. «Едва ли был час во время любого рабочего дня,— отмечает А. Бердинг,— когда образ Кремля не возникал бы в мыслях государственного секретаря»[6]. Основные задачи американской внешней политики и дипломатии были сформулированы Даллесом следующим образом: «Во-первых, мы должны оставаться сильными. Мы должны сопротивляться дальнейшему советскому продвижению. Мы должны дать им ясно понять, что любая значительная агрессия повлечет за собой риск войны. Во-вторых, мы должны крепить единство свободного мира. Мы не можем полагаться только на нашу собственную силу. В-третьих, мы должны делать все, что в наших силах, стимулируя эволюцию Советского Союза к большей индивидуальной свободе...» Это были милитаристские, фальсифицированные, морализаторские утверждения, преследовавшие цель нагнетания международной напряженности.

Даллес постоянно подчеркивал, что Советского Союза «следует бояться», так как его цель — «господство во всем мире». Госсекретарь искажал существо процессов, происходивших на международной арене после второй мировой войны. Например, он ставил знак равенства между ростом влияния идей социализма и коммунизма в мире и «советским продвижением», отрицал интернациональный характер марксизма-ленинизма и видел во всех неудачах империализма «козни Москвы». По Даллесу, «оставаться сильными» означало систематически наращивать гонку вооружений в США, а «крепить единство свободного мира»— сколачивать агрессивные военные блоки.

Спрашивается, почему Даллесу и другим ведущим американским политикам и дипломатам пришлось, как и его предшественникам, прибегнуть к мифу об «агрессивных устремлениях» СССР в международном масштабе? Почему руководитель американской внешней политики избрал именно этот тактический прием для обработки американского общественного мнения? Ответ на эти вопросы как-то в порыве откровенности дал сам Даллес. Он признал, что «народам Соединенных Штатов и народам Советского Союза ссориться не из-за чего... Между Соединенными Штатами и Советским Союзом всегда был мир... Обе стороны в значительной мере обеспечены всем необходимым...»[8]. Если, по мнению Даллеса, в двусторонних советско-американских отношениях не было ничего, что могло бы их серьезно испортить, то предлог для этого следует искать в сфере международной. Он это и делал. Это продолжают делать некоторые ответственные американские политические деятели до сих пор.

В 60-х годах в официальном Вашингтоне пришли к убеждению, что американской внешней политике и дипломатии крайне необходимы «новые инъекции», новые внешнеполитические доктрины и концепции, которые составили бы более прочную, а главное — более гибкую, теоретическую базу внешней политики США и служили бы своего рода компасом для американской дипломатии. Дж. Кеннеди прямо призывал ликвидировать «засуху идей» в политике

При Кеннеди планирование американской внешней политики, осуществлял ось под руководством У. Ростоу, специального помощника президента. При президенте Джонсоне он возглавил работу совета по планированию внешней политики госдепартамента. В 1964 году Ростоу опубликовал книгу «Вид с седьмого этажа»[9], в которой как бы подвел черту под прошлым и наметил будущее стратегии и тактики американской внешней политики. Похоже, что вид, открывавшийся на международную политику из окна кабинета Ростоу, не очень отличался от того, что видел из своего офиса Даллес. Хотя, конечно, были и свои нюансы. Ведь жизнь откорректировала или даже опрокинула многие старые догмы американской дипломатии 50-х годов.

У. Ростоу считал, что основной целью американской внешней политики и дипломатии является обеспечение победы капитализма над социализмом в противоборстве двух формаций. Капиталистические страны, по его мнению, олицетворяют собой «свободу», которой якобы нет в

странах социалистических. А так как США не могут согласиться с таким положением, то они, следовательно, вправе бороться за «свободу во всемирном масштабе». Конечно, в откровенности У. Ростоу отказать нельзя. Он, по сути дела, признал, что «крестовый поход» против социализма и коммунизма продолжается. Жонглируя словами «свобода» и «демократия», Ростоу ставил перед внешней политикой и дипломатией США цель «полной победы» над Советским Союзом и другими социалистическими странами. Многое от этого подхода проявилось во внешней политике США после победы демократов на президентских выборах 1976 года и еще сильнее при президенте Р. Рейгане. Многие американские политики вернулись к старым песням, выдавая их за «новый подход» к международным делам. А новыми здесь являются в действительности только имена этих деятелей.

Формулируя цель «полной победы» над социализмом, Ростоу призывал на помощь авторитет государственного секретаря США в администрации Кеннеди Дина Раска. Последний, отмечает Ростоу, говорил следующее: «Иногда можно услышать, что наши задачи или политика не преследуют собой цель победы. Это совершенно неверно. Конечно, мы намереваемся победить. И мы победим. Наша цель — победа для всего человечества. Это будет победа во всемирном масштабе во имя свободы»[10]. Так рассуждал официальный руководитель американской внешней политики и дипломатии.

К середине 60-х годов стало ясно, что США все еще продолжали уповать на военную силу как средство достижения своих внешнеполитических целей. Мирные средства урегулирования международных споров были отодвинуты Вашингтоном на задний план. Об этом, в частности, свидетельствовала агрессия США против вьетнамского народа, попытки военными средствами расправиться с кубинским народом, интервенция в Доминиканской Республике и многие другие факты.

Вот как, например, У. Ростоу характеризовал американскую дипломатию: «Главное в политике национальной безопасности в современном мире заключается в соотношении между военными и невоенными целями, между силой и политикой... Едва ли существуют дипломатические отношения, нами практикуемые, на которые не влияла бы оценка военной мощи Соединенных Штатов и условий, при которых мы, вероятно, использовали бы эту мощь на деле. Наши военные возможности и наша воля использовать их в важных национальных интересах и целях являются неизбежным фоном всей нашей невоенной политики»[11]. В другом высказывании Ростоу еще более отчетливо проводил ту же мысль: «Вряд ли среди дипломатических отношений, осуществляемых нами во всем мире, или дипломатических шагов есть такие, что не ставят вопрос: обладают ли Соединенные Штаты возможностью и волей использовать военную силу для поддержки своей политики?»[12].

И хотя Ростоу также утверждал, что «в более широком смысле наши цели являются политическими, а не военными»[13], звучало это малоубедительно потому, что именно военной силе в Вашингтоне отдавалось явное предпочтение.

Если даже несбыточная цель американской политики и дипломатии — установление мирового господства США — и является на первый взгляд политической, то дорога к ней может быть вымощена только локальными войнами и большой войной. К первым американская военщина прибегала многократно. Опыт международных отношений 50—80-х годов говорит о том, что в моменты, когда международные отношения обострялись, когда империализм терпел на международной арене очередное поражение, когда силы национально-освободительного движения активно боролись за свою свободу, правительства США шли на применение военной силы, используя для этого большие контингенты своих вооруженных сил.

В современных международных отношениях тенденция к Дальнейшей активизации американской военной политики и кризисной дипломатии, ее обслуживающей, сталкивается с укреплением оборонной мощи стран социализма, прежде всего Советского Союза. Вот почему все тот же Ростоу был вынужден констатировать, что «военная политика, являющаяся эффективным инструментом достижения великой цели» (Ростоу имеет в виду полную победу капитализма над социализмом), должна начинаться с признания таких основных факторов: «Советский Союз в настоящее время располагает ядерными силами и средствами их доставки, достаточными для того, чтобы нанести громадные разрушения Западной Европе и все большие разрушения Соединенным Штатам. Поэтому составной частью национальной политики является достижение наших целей средствами, которые свели бы к минимуму вероятность атомной войны. В то же время следует исходить из того, что она всегда возможна и должна предполагаться в целях защиты наших важных интересов»[14].

Само собой разумеется, что политика Советского Союза не преследует цели развязывания атомной войны с Соединенными Штатами, хотя последние нередко находятся в плену экзальтации, вызываемой время от времени набегающими в политической жизни этой страны мощными волнами антисоветизма. Как нетрудно заметить, обычно своего рода «девятый вал» антисоветизма вздымается в период рассмотрения и утверждения военных ассигнований в конгрессе США. Если же необходимо оправдать разработку и запуск в производство новой системы оружия, вроде нейтронной бомбы или космического оружия, то волны антисоветизма в США начинают усиленно распространяться в средствах массовой информации в любое время. Так, яростная антисоветская кампания была поднята в США в связи с требованиями американской военщины поставить на вооружение крылатые ракеты, причем на условиях, нарушающих советско-американскую договоренность во Владивостоке. Политическая верхушка демократов весной и летом 1977 года поддалась этому давлению, чем сильно осложнила отношения между СССР и США. Еще больший удар по советско-американским отношениям нанесло решение Североатлантического блока о размещении в Западной Европе ракет «Першинг-2» и крылатых ракет.

В США, надо сказать, существует довольно влиятельная политическая школа, представители которой всячески пытаются доказать, что сотрудничество между США и СССР якобы невозможно из-за того, что последний руководствуется марксизмом-ленинизмом. Представители этой школы, вопреки фактам, отрицают возможность достижения положительных результатов в ходе политических контактов между СССР и США, как и других капиталистических государств с социалистическими, выдвигают уже давно провалившуюся теорию о том, что «дипломатия может эффективно действовать только в том случае, если коренные идеологические и социальные проблемы не являются больше предметом спора»[15]. Сторонники такого подхода доказывают, что политики только тогда добиваются больших успехов на международной арене, когда они согласны с идеологией и социальным строем другой стороны. А раз советские политики придерживаются марксистско-ленинской идеологии и отрицают справедливость буржуазного строя, то, следовательно, «вести с ними дела невозможно».

У данной концепции налицо полное смешение государственных и дипломатических функций с мировоззрением. В результате получается, что лишь представители государств одной общественной формации могут договариваться между собой, даже если их страны находятся в состоянии войны друг с другом, так как они не ставят под сомнение основу основ — социальный порядок другой стороны. А что касается взаимодействия дипломатии ведущих капиталистических государств и дипломатии государств социалистических в решении международных и двусторонних проблем, то оно якобы невозможно из-за коренных идеологических расхождений. Жизнь, как известно, давно опровергла этот нелепый подход.

Нетрудно понять, куда клонят авторы подобных взглядов. Они ведут самый настоящий подкоп под принцип мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем. В своей деятельности ниспровергатели принципа мирного сосуществования прибегают ко всякого рода нечестным приемам, приписывая советской внешней политике цели, которые она не преследует, и, наоборот, отрицая ее действительные устремления.

Представителем подобной «школы» политического трюкачества являлся, например, профессор Пенсильванского университета В. Аспатурян. В статье «Советская дипломатия» он утверждал, что теория мирного сосуществования «не стремится к урегулированию» основных международных проблем. Далее он делал вывод, что теория мирного сосуществования имеет своей конечной целью ликвидацию социальных систем стран Запада с помощью как насильственных, так и мирных средств. «Сосуществование,— поучал Аспатурян,— просто является обманом для ведения холодной войны». Профессор обосновывает это утверждение тем, что мирное сосуществование «ни в коем случае не означает ослабления идеологической войны, преследующей цель ликвидации капитализма»[16]. Конечно, никакого ослабления борьбы с буржуазной идеологией мирное сосуществование действительно не предусматривает. А вот что касается «ликвидации капитализма», то тут можно напомнить слова В. И. Ленина о том, что революции не делаются по заказу и что «господство капитализма прекратить было бы невозможно, если бы к этому не вело все экономическое развитие капиталистических стран»[17].

Противники политики мирного сосуществования в США всячески замалчивают тот факт, что она не только означает отказ от войны как средства решения спорных вопросов между государствами, но и предусматривает прочную международно-правовую базу для успешного сотрудничества различных государств по решению международных проблем и проблем двустороннего

характера, которая покоится на принципах равноправия, взаимопонимания и доверия между государствами, учета интересов друг друга, невмешательства во внутренние дела, уважения суверенитета и территориальной целостности всех стран, развития экономического и культурного сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды. Не потому ли в США замалчивают хельсинкский Заключительный акт во всем его объеме? А ведь последний является важным достижением политики мирного сосуществования.

Считавший ядерную войну возможной американский ученый Р. Страус-Хюпе был еще более откровенен в своих рекомендациях правительству США и дальше подрывать принципы мирного сосуществования. Признавая, что коммунистов «нельзя победить в борьбе за умы людей», он призывал «вместо того, чтобы преследовать иллюзию мирного сосуществования с коммунистами», крепить «солидарность Запада, НАТО и претворять в жизнь атлантические концепции». Период 60-х годов Страус-Хюпе рассматривал всего лишь как «неустойчивое перемирие». С горечью признавая, что за годы, прошедшие после социалистической революции в России, достижения «коммунистической системы во всем мире являются величайшим успехом в истории», этот сторонник дальнейшего усиления международной напряженности требовал, чтобы США активизировали «холодную войну»[18].

Таких, как Р. Страус-Хюпе, в академических кругах США очень много. Они по сей день ведут подрывную работу против мирного сосуществования, вселяют в сердца американцев неверие в возможность ослабления международной напряженности даже в отдаленном будущем.

Были и есть, однако, среди американских политических деятелей и ученых и такие, кто признает возможность и необходимость сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Достаточно, например, назвать имена бывшего посла США в Москве А. Гарримана и сенатора Э. Кеннеди, бывшего постоянного представителя США при ООН Ч. Йоста, бывшего председателя сенатской комиссии по иностранным делам У. Фулбрайта, дипломата и ученого Дж. Кеннана, профессора Ф. Нила, публициста Дж. Уорберга, представителей деловых кругов Д. Кендалла, А. Хаммера и С. Итона. Но и среди подобного рода людей наблюдались разные подходы и понимание самой идеи сотрудничества. Для одних это попытка заглянуть в реальность сегодняшнего дня; для других — основание для того, чтобы требовать развития новых форм американской внешнеполитической деятельности, особенно в международных организациях; для третьих, наиболее реалистически мыслящих,— это признание того несомненного факта, что в свое время агрессия США во Вьетнаме была, а теперь гонка вооружений стала главным препятствием на пути решения многих важных международных проблем и что нужно следовать политике налаживания советско-американского сотрудничества. Вопрос, однако, всегда состоит в том, насколько подобные взгляды воспринимаются в правительственных кругах, воздействуют ли они на формирование американской внешней политики. При президенте Рейгане к ним особенно не прислушиваются. А это влияет на международные отношения самым отрицательным образом, в том числе усиливает опасность ядерной войны.

В современном мире требованием первостепенной важности является «избежать катаклизма ядерной войны»[19]. Мир настолько разнообразен в социальной, политической и экономической областях, что было бы нереально пытаться установить в нем гегемонию одной какой-либо державы или группы стран. Следовательно, идея «пакс американа» — фикция. Но когда те, кто вроде бы выступал за мирное сотрудничество, заявляли, что США «являются единственным государством, которое в настоящее время обладает богатством, военной мощью, организационными способностями и, мы надеемся, политическим воображением для того, чтобы соединить в одно целое динамичную международную систему мирных изменений»[20], то они противоречили сами себе, предлагая для «мирных изменений» явно немирные средства.

На основе анализа американской внешней политики последних четырех десятилетий можно сделать вывод о том, что противоречия между попытками понять изменения, происходящие в мире, и рецептами решения современных проблем старыми методами представляют собой характерную черту политического мышления и деятельности большого числа американских ученых и политиков. Они все еще нередко рассчитывают на какую-то «исключительность позиций» США на мировой арене, причем такое истолкование международного положения пытаются навязать каждому вновь приходящему к власти президенту США.

В политической палитре взглядов по вопросу о возможности мирного сосуществования США с Советским Союзом следует особо отметить точку зрения известного в прошлом дипломата, бывшего посла США в СССР, профессора Принстонского университета Дж. Кеннана, имеющего

большой опыт изучения советско-американских отношений. Кеннан отмечает, что в США налицо «серьезный кризис общественного мнения» по вопросу о том, какую политику проводить в отношении социалистических стран, и прямо заявляет, что у Запада «нет выбора, он должен взять поиски мирного сосуществования за основу своей политики»[21]. Он также выступил сторонником расширения торговли между Востоком и Западом.

Таким образом, американская внешняя политика в 50 — 60-х и особенно в 80-х годах проявила себя как консервативная сила, которая стремится повернуть развитие международных отношений вспять. Весьма печально, что правящие круги США и ныне продолжают мыслить отжившими политическими категориями и встали на путь повторения пройденных ошибок в советско-американских отношениях. В прошлом такой подход подвергался в США острой критике со стороны тех, кто хотел бы видеть американскую внешнюю политику и дипломатию окончательно раскрепощенными от даллесовского наследия. Сторонники такого подхода в США в 70-х годах заметно окрепли, стали смелее высказываться против рецидивов «холодной войны» в американской внешней политике.

Первая половина 70-х годов стала важным этапом в советско-американских отношениях. В Вашингтоне порой брала верх такая необходимая для межгосударственных отношений в целом и тем более для отношений между СССР и США категория, как политическая мудрость. Чем динамичнее будет развиваться и крепнуть сотрудничество между США и СССР, тем лучше для дела мира, для народов двух великих держав. Претворение в жизнь достигнутых соглашений, выработка новых договоренностей, позитивный эффект политики мирного сотрудничества — вот то, что для этого необходимо.

Такой здравый для СССР и США вывод не устраивает сторонников философии устрашения. Трудно даже перечислить все те формы убеждения и, если это становится необходимым, давления, оказываемого ими на тех, кто осуществляет американскую внешнюю политику. Сторонники философии устрашения и в 70-х годах, в годы развития разрядки, ратовали за продолжение безудержной гонки вооружений путем использования научно-технических достижений в военной области.

К числу авторов концепции «технологической войны» принадлежат довольно известные американские ученые С. Поссони и Дж. Пурнелл. Еще в 1970 году в США была опубликована их работа «Технологическая стратегия. Побеждая в решающей войне»[22], в которой авторы призывали США не отказываться от стремления добиться решающего превосходства над СССР путем оптимального использования научно-технического прогресса в военных целях. «Соединенные Штаты находятся в состоянии войны,— утверждали Поссони и Пурнелл. — Эта война диктуется наличием на международной арене Советского Союза и законами технологической борьбы». Исход последней определит судьбу Америки. «Победа в технологической войне, — провозглашали они далее, — означает превосходство во всех фазах конфликта (между социализмом и капитализмом. — *Авт.),* которое может быть достигнуто как путем Уничтожения противника с помощью термоядерного орудия, так и просто с помощью требований, которые привели бы его к сдаче... Без превосходящей технологии наша стратегия сдерживания является бессмысленной. Без технологических преимуществ мы никогда не сможем сражаться и победить в небольших войнах за тысячи километров от нашей страны или предотвратить оккупацию Европы или Японии». Таким образом, целый букет догм политики с позиции силы вновь выдавался за некое принципиально новое слово в обосновании стратегии, призванной обеспечить военное превосходство США над СССР.

Ряд американских теоретиков в первой половине 70-х годов оставались на позициях «холодной войны», широко пропагандируя идею «невоенной конфронтации» США со странами социализма. США, считали они, должны прежде всего добиваться «размывания» социалистического сообщества государств, отрыва их друг от друга с помощью «выборочного подхода». Утверждая, что марксизм «неспособен справиться с проблемами развитого общества XX века», эти теоретики, например Збигнев Бжезинский, призывали правительство США следовать такой политике, которая «оставляет достаточно простора для маневра, политического давления, шантажа, создания кризисов». Сторонники «невоенной конфронтации» отказывались признавать и европейские реальности. Для них торговля, научно-технический прогресс были всего лишь рычагами для борьбы за реставрацию капитализма там, где он безвозвратно ушел в прошлое. По сути дела, сторонники «невоенной конфронтации» США со странами социализма, прежде всего с СССР, выступали противниками налаживания действительно взаимовыгодных экономических и научно-технических связей капиталистических стран с социалистическими. Без «подрывного запала» эти связи их попросту не

интересовали. Можно, таким образом, говорить об их предвзятом подходе, основанном на попытках свести своего рода счеты со странами социализма.

Стремление быть самым сильным, чтобы диктовать свою волю другим, неизбежно ведет к ужесточению по всем линиям: в экономике, политике, идеологии. Военно-промышленный комплекс США, постепенно оправившийся после вьетнамского шока и вновь уверовавший в свою миссию мирового жандарма, требует (и получает) все большую долю бюджетного пирога. Гонка вооружений как способ достижения военного превосходства поощряет философию устрашения в политике и идеологии, что поддерживает и укрепляет атмосферу «холодной войны».

Обострение международной напряженности в конце 70-х годов трактуется многими специалистами как начало второй «холодной войны». Одним из интересных исследований на эту тему является книга Фреда Холлидея «Вторая холодная война»[25]. Можно спорить с автором, молодым специалистом в области международных отношений, о точности характеристик послевоенных этапов международных отношений*. Однако нельзя не согласиться с его подходом к оценке «холодной войны», признаками и существенными чертами которой он считает: наращивание вооружений с особым упором на ядерное оружие; широкомасштабную антисоветскую пропагандистскую войну; отсутствие прогресса на переговорах по ограничению и сокращению вооружений; стремление перенести конфликты между Востоком и Западом в страны «третьего мира». Причем Ф. Холлидей особо подчеркивает, что целью Запада является борьба с революционными движениями, которые империализм пытается представить в качестве «инструментов советской политики».

Чем, на наш взгляд, характерно настоящее исследование? Именно чувством нового мышления, которое проявляет автор в анализе причин обострения международной обстановки. Оставаясь на позициях западного интеллигента, не поступаясь своими симпатиями к образу жизни своего общества, он стремится, однако, к выяснению объективных причин гонки вооружений и «холодной войны». Тем более знаменательно, что это приводит его к выводу о тесной взаимосвязи данных явлений, в основе которых лежит стремление США вернуть утраченное превосходство. «Важнейшей причиной холодной войны,— отмечает Фред Холлидей,— является стремление США достичь нового уровня военного превосходства над СССР и создать такую обстановку, в которой подобный курс выглядел бы оправданным, то есть оборонительным».

* По мнению Фреда Холлидея, послевоенный период может быть Разделен на четыре этапа. Это — первая «холодная война», длившаяся с 1949 по 1953 год. Затем — период «вспышек антагонизма» (1953—1969 гг.), далее — период разрядки (1969—1979 гг.), а с 1979 года — вторая «холодная война».

Исследование Фреда Холл идея опровергает расхожие на Западе концепции о причинах возрастающей напряженности в мире в начале 80-х годов, в которых либо делается попытка обосновать «вину» Советского Союза, либо возлагается равная ответственность на обе стороны. «Нынешний этап холодной войны,— подчеркивает Фред Холлидей,— стал результатом сознательного долговременного политического планирования, результатом решений, принимаемых группой находящихся у власти людей, обладающих в то же время ограниченным контролем над событиями в мире. Таким образом они попытались ответить на изменяющуюся обстановку в мире, которая бросает им все новые вызовы».

Ф. Холлидей связывает эту политику нынешнего руководства США и с идеологическим фактором: возвратом к консерватизму, который сопровождается стремлением США подтвердить американскую мировую гегемонию, в том числе на основе угрозы силой и ее применения.

По мнению Ф. Холл идея, представители администрации Рейгана пытаются отрицать, что целью Соединенных Штатов является достижение военного превосходства. И хотя этим заявлениям можно было бы противопоставить целый перечень откровенных высказываний Р. Рейгана и членов его кабинета о стремлении к военному превосходству, Ф. Холлидей прав в том, что основным методом аргументации в пользу наращивания военной мощи США являются аргументы-предлоги для оправдания «необходимости» модернизации оружия или «восстановления баланса».

Другим расхожим аргументом является ссылка на необходимость быть сильными, чтобы восстановить контроль над развитием событий в странах «третьего мира», особенно в районах, объявленных «сферой жизненно важных интересов США» (Латинская Америка, юг Африки, Ближний Восток). Причем здесь посыпают солью свежие раны. Играя на психологической удрученности, комплексе обид и мании величия (вьетнамское поражение, заложники в Иране — «с нами перестали считаться, мы должны снова показать, чего мы стоим!»), опытные манипуляторы

человеческими эмоциями, стоящие на службе военно-промышленного комплекса США, разжигают недоверие, страх и ненависть простых американцев, чтобы оправдать политику с позиции силы. Вовне это проявляется в создании «сил быстрого развертывания», в направлении американских солдат в «кризисные точки» (например, в Ливан в 1983 и 1984 гг.), в открытой агрессии против стран с неугодным режимом (Гренада, 1983 г.).

Одна из особенностей второй «холодной войны» в том, что она особо опасна, ибо развертывается в условиях повышенной концентрации обычных и особенно ядерных вооружений. Кроме того, объективное ослабление позиций США в мире повышает агрессивность и непредсказуемость действий тех ее лидеров, которые верят в решающее значение фактора «технологического преимущества» и нанесения ядерного удара первым.

Разрядка всегда была золушкой в американском доме, потому что она размагничивала настроения воинственного антикоммунизма, размывала популярность и авторитет философии устрашения. «Холодная война», напротив, мобилизует настроения антикоммунизма и шовинизма. В этом смысле «холодная война» есть выражение старого мышления извечными категориями конфронтации. Вследствие этого она стремится вытравить из сознания людей идеи взаимопонимания, сотрудничества, отказа от применения силы и состязаний в силе. «Холодная война», по существу, демонстрирует свое бессилие в поиске разумных альтернатив человеческого развития, которые бы устраивали всех людей, а не отдельные группы или страны. Будучи антитезой разрядки, «холодная война» саморазоблачает себя как проявление регрессивной политики и устаревшего мышления.

Парадоксально, но факт, что приверженцами «холодной войны» являются как раз те политики и философы, которые обвиняют социалистические страны в нетерпимости как принципе мышления. На поверку же выходит, что социалистический мир, выступающий за мирное сосуществование, за разрядку, признает возможность сотрудничества с капиталистическим миром в области политики и экономики и тем самым демонстрирует на практике гораздо большую терпимость. В то же время идеологи и практики «холодной войны», обвиняя социализм в отказе от мирного сосуществования в области идеологии (что объективно невозможно), проявляют на деле тотальную нетерпимость и в политике, и в экономике, и в идеологии. Разве не об этом свидетельствует воинствующий антикоммунизм, который повсеместно насаждают приверженцы «холодной войны» и гонки вооружений?

Лицедеи в театре НАТО

ОСОБЕННО НЕУЮТНО в годы разрядки чувствовала себя военная организация НАТО. Созданная в начале «холодной войны», она была и остается главным инструментом ее разжигания, в первую очередь в Европе. Весь аппарат НАТО был нацелен на проведение политики устрашения и обоснование гонки вооружений. Задача непростая, если учесть, что именно в Европе разрядка пустила наиболее глубокие корни и западноевропейцы в своей массе не хотели и не хотят отказа от плодов сотрудничества.

В данном случае мы рассматриваем политику, проводимую НАТО, как пример агрессивности мышления, которое характеризуется полным отказом от всякого обсуждения инициатив, выдвигаемых Организацией Варшавского Договора. Одна из доминант нового мышления — в отказе от блокового мышления категориями конфронтации, устрашения, превосходства и военной силы. Порочность натовской философии — в отказе от идеи поисков разумных компромиссов в век ядерного «оверкила». Чтобы скрыть или затушевать подобную позицию в глазах общественного мнения, прибегают к старым методам: выгораживанию своей политики и искажению нашей. Примером тому личный опыт и наблюдения одного из авторов данной работы*.

Интервью Йозефа Лунса и авторские ремарки

ПЕРЕД ПОЕЗДКОЙ В БЕЛЬГИЮ в марте 1983 года я заказал телефонный разговор со штаб-квартирой Североатлантического союза в Брюсселе. Телефонистки натовского коммутатора с нескрываемым удивлением несколько раз переспрашивали: «Москва?.. Это действительно Москва?». И меня передавали дальше по линии, пока не соединили с пресс-службой. Там, видимо, не доверяя

* Данный раздел написан на основе встреч В. Ломейко с И. Лунсом и Р. Клозом.

устному слову, попросили оформить по телексу заявку на беседу в НАТО.

Уже в Брюсселе, связавшись по телефону с пресс-службой, я получил сухой ответ от чиновника о том, что моя просьба о беседе с генеральным секретарем НАТО Йозефом Луисом отправлена наверх, но решение пока не принято.

И по тону, и по содержанию телефонных переговоров в последующие дни было ясно, что сама постановка вопроса о встрече в НАТО не вызвала там никакого энтузиазма, скорее неудовольствие и раздражение. Обычная журналистская просьба казалась подвохом, от которого добра не жди.

— Странное дело,— сказал я, позвонив в генеральный секретариат НАТО, где работали дипломаты, с которыми доводилось прежде встречаться на международных конференциях,— Атлантический альянс на каждом шагу расхваливает свою открытость и миротворчество, но, когда постучишься в ваши двери, что-то нет охотников до открытой свободной дискуссии на тему о политике НАТО. Бежите от живого русского, как черт от ладана...

После долгих колебаний мне сообщили, чтобы я заранее направил свои вопросы в письменном виде, и через четыре дня назначили встречу с Йозефом Лунсом.

Минуя длинный коридор и пост службы безопасности, где я заполнил подробную анкету, мы вместе с сотрудником пресс-службы прошли в резиденцию генерального секретаря НАТО. Сопровождавшие меня сотрудники пресс-службы НАТО в который раз решительно предупреждали:

— Помимо изложенных в письменном виде никаких дополнительных вопросов к генеральному секретарю НАТО.

Пригласив меня в свой кабинет, Йозеф Луне вручил мне письменные ответы на мои вопросы. Ознакомившись с ними, я заметил, что, как и следовало ожидать, ответы далеко не всегда касаются поставленных вопросов и лишь вызывают дополнительные. Вот почему я с самого начала просил о возможности провести свободную беседу, но мне в ней было отказано. Присутствовавший на встрече помощник генерального секретаря вновь настойчиво заявил:

— Никаких дополнительных вопросов, никакой беседы для печати.

— Кто же тогда, как не руководители НАТО, будут объяснять полную противоречий политику организации, то, что говорится на словах, и то, что осуществляется на деле? — спросил я, обращаясь к генеральному секретарю НАТО.

Слово за слово, беседа с И. Лунсом завязалась и продолжалась более часа. За это время мы затронули лишь малую толику проблем, которые волнуют международную общественность. Разговор о них представил бы бесспорный интерес для многих читателей, ибо свободная беседа в отличие от письменного интервью раскрывает не только ход мыслей собеседников, но и степень их готовности обсуждать те или иные вопросы, убедительность или уязвимость аргументов. Иными словами, непосредственная беседа — это дыхание жизни, а письменное интервью — это тщательно и заранее выверенный текст.

Но в чужой монастырь, тем более натовский, со своим уставом не сунешься, и в заключение беседы мне вновь было заявлено: «Устная речь не для цитирования».

Когда мне отказали в праве публиковать беседу, я сказал в штаб-квартире НАТО, что в таком случае придется высказывать свое отношение к письменным ответам, поскольку содержащиеся в них миролюбивые заверения противоречат официальным документам Пентагона, установкам НАТО и свидетельствам многочисленных западных специалистов.

Перед вами, читатель, вопросы и ответы без купюр и искажений. И к ним мои ремарки и те самые вопросы, которые возникают не только у меня, но, я уверен, и у очень многих после ответов г-на Лунса.

Вопрос: *При всей разнице убеждений мы живем на одной земле, которой грозит катастрофа в случае ядерной войны. Советский Союз считает, что в ядерной войне не будет победителя. Он предлагает покончить с философией и политикой военного соперничества и сократить ядерные потенциалы в Европе. Но НАТО — и это отмечают сами западные специалисты — продолжает придерживаться стратегии устрашения в отношении социалистических стран, вплоть до применения массированного упреждающего удара. В то время как политики стран НАТО говорят о мире, военные круги говорят о победе в ядерной войне. Кому же верить?*

Ответ: *Вначале я хотел бы отметить, что главной задачей НАТО является предотвращение не только атомной, но и любой войны. Мы тоже считаем, что в атомной войне не может быть победителя и поэтому должны быть предприняты все усилия, чтобы улучшить отношения между Востоком и Западом и значительно сократить с обеих сторон арсеналы ядерного оружия. Соответствующие предложения были сделаны в рамках программы за мир и свободу главами*

государств и правительств 16 стран — членов НАТО 10 июня 1982 г. Западные предложения на женевских переговорах преследуют цель уменьшения и, как, например, в области оружия средней дальности, полного устранения ядерного оружия. Люди в Западной Европе и в Северной Америке воспринимают постоянно растущие и модернизированные советские атомные средства как серьезную потенциальную угрозу. Политика Атлантического союза направлена поэтому на установление равновесия на возможно низком уровне. Мы надеемся, что советская сторона предпримет в рамках проходящих переговоров по контролю над вооружениями конструктивные шаги, чтобы достичь этой цели.

Позвольте, г-н Луне. Вопрос, кому же верить, остается. Всему миру известны американские директивы об «ограниченной», «затяжной», а теперь и о «космической» ядерной войне. Разве не Соединенные Штаты выделяют на следующее пятилетие 1,5 триллиона долларов на новые вооружения, отвергая предложения СССР заморозить ядерные потенциалы? И как могут советские люди принимать на веру миролюбивые заявления НАТО, если в секретной директиве Пентагона на 1984—1988 годы сказано: «Соединенные Штаты должны одержать верх в стратегической ядерной войне с СССР и иметь возможность заставить Советский Союз прекратить военные действия на условиях, выгодных для Соединенных Штатов»[26].

О каком же равновесии на возможно низком уровне и о каких предложениях НАТО уменьшить или полностью устранить ядерное оружие может идти речь, если многочисленные Парламентарии и военные специалисты и в Западной Европе, и в США называют предложения Вашингтона в Женеве несправедливыми и неприемлемыми? Я мог бы без конца цитировать эти высказывания. Если на Западе воспринимают как угрозу советские атомные средства, почему же тогда НАТО отказывается от предложения Советского Союза сократить в Европе в 3 раза средства средней Дальности или даже полностью ликвидировать ядерное орудие как средней дальности, так и тактическое? Не потому ли, что в Атлантическом союзе хотят полного устранения или резкого сокращения только советских ракет, оставляя в неприкосновенности американские средства передового базирования, английские и французские ракеты? Освободить Европу от ядерного оружия или резко уменьшить его запасы — вот наше предложение, оно давно лежит на столе переговоров, и надо взглянуть на него, а не возводить очи горе, притворно вздыхая о надежде на советскую конструктивность!

Вопрос: *Исходя из стремления добиться уменьшения международной напряженности, СССР отказался от применения ядерного оружия первым, страны Варшавского Договора предложили в январе 1983 года в Праге заключить Договор о неприменении военной силы и поддержании отношений мира, что, несомненно, способствовало бы укреплению доверия. НАТО ответила на это отказом. И в то же время натовские политики заявляют, что Североатлантический блок, мол, не применит первым оружие...*

Ответ: *В упоминавшемся заявлении боннской встречи на высшем уровне, действительно, торжественно провозглашается, что Атлантический союз никогда не применит своего оружия, кроме обороны против нападения. Это заявление касается как обычного, так и атомного оружия. Если район НАТО не подвергнется нападению, то с нашей стороны никогда дело не дойдет до применения какого-либо оружия. Но если, не дай бог, когда-либо будет совершено нападение на нашу территорию, то члены НАТО будут вынуждены защищаться необходимыми средствами. Лишь это и ничто другое является целью НАТО. На переговорах по контролю вооружений, проходящих в Женеве, а также на венских переговорах по сокращению вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе и на мадридской встрече западная сторона внесла ряд предложений о конкретных и проверяемых мерах по обеспечению доверия. Общий договор о ненападении содержал бы лишь торжественные заявления об отказе от применения силы, которые Советский Союз, как и государства НАТО, подписал в Уставе ООН и в Заключительном акте Хельсинки. Варшавский Договор и Североатлантический пакт содержат также ясный отказ от угрозы и применения силы. Итак, будем придерживаться заключенных соглашений. Предложенные западной стороной меры по обеспечению доверия содействовали бы тогда конкретному обеспечению мира, если бы обе стороны согласились с предложенной нами проверкой.*

Слова, слова... Не сходятся, однако, концы с концами. Если главные действующие лица театра НАТО были искренни в своих торжественных заявлениях перед публикой на боннской встрече летом 1982 года, выходит, они не знали, что накануне, в марте 1982 года, Каспар Уайнбергер подписал уже цитировавшуюся нами секретную директиву Пентагона на 1984—1988 годы? А ведь там говорилось: «Следует разработать планы применения первыми ядерных сил ТВД (театра военных действий.—

Авт.) и их возможного дальнейшего использования, что даст национальному командованию возможность гибко использовать ядерные силы ТВД на различных уровнях»[27].

Это об оружии ядерном. А вот что сказано об обычном в заявлении о потенциале сухопутных сил НАТО на 1984 финансовый год: «Мы должны обладать способностью нанести удар по объектам снабжения и по транспортным объектам и нейтрализовать или уничтожить второй эшелон, усиливающий формирования противника, прежде чем он достигнет района боев на выдвинутых вперед рубежах»[28].

«Милитэри ревью» (журнал вооруженных сил США) подтверждает, что новая доктрина предусматривает для США не только возможность применения первыми ядерного оружия (это было и в прежней доктрине), но и возможность нанесения первого удара.

Из секретных документов НАТО, ставших достоянием гласности, в частности после перехода в ГДР в начале 1979 года Урзель Лоренцен, бывшего помощника директора оперативного совета генерального секретариата НАТО, стало известно, что на командно-штабных учениях серии «Винтекс» атлантическое командование всегда предусматривало нанесение первого ядерного удара.

Не потому ли НАТО под разными предлогами отказывается заключить с ОВД договор о неприменении военной силы и последовать примеру СССР взять на себя обязательство не применять атомного оружия первой, что это противоречит и директивам Пентагона, и планам Атлантического альянса?

Вопрос: *Новая доктрина НАТО «Эйрлэнд бэттл», принятая за основу ее политики на встрече в верхах в Брюсселе в декабре 1982 года, по оценкам западных специалистов, предусматривает нанесение первого удара и сочетает использование ядерных, химических и обычных вооружений. Многие военные специалисты Запада считают, что эта доктрина в сочетании с новыми ракетами «Першинг-2» и крылатыми ракетами увеличивает вероятность войны в Европе.*

Ответ: *НАТО, вопреки вашему предположению, не принимала в декабре 1982 года новой военной доктрины. Оборонительная стратегия Атлантического союза в своей основе неизменна. Но она должна постоянно учитывать военные способности потенциального противника. Мы наблюдаем с большой озабоченностью, что Советский Союз и члены Варшавского Договора постоянно усиливают и качественно улучшают свои военные способности во всех областях, как в сфере обычных, так и химических и атомных вооружений. Я хотел бы, чтобы было понятно, что мы должны рассматривать как угрозу этот мощный советский военный потенциал. Вероятность войны, о которой вы говорите, по нашему мнению, если и возрастает, то не из-за «Першингов-2» и крылатых ракет — которые еще не установлены, а из-за постоянно увеличивающегося числа советских ракет СС-20.*

Итак, что же, как говорил Козьма Прутков, не верь глазам своим? Но вот передо мной газета «Нью-Йорк таймс». Статья военного обозревателя Дрю Мидлтона, где речь идет о новой стратегии США «Эйрлэнд бэттл». Вот февральский номер за 1983 год солидного французского журнала «Монд дипломатию». В статье под заголовком «Новая доктрина «Эйрлэнд бэттл»» говорится: «Американская армия приняла на вооружение новую боевую наступательную доктрину, получившую название «Эйрлэнд бэттл»,»[2] . Хотя союзники США не принимали никакого участия в ее разработке, министры обороны стран НАТО решили взять ее за основу своей совместной политики. Решение это было принято на их встрече в верхах в Брюсселе в декабре 1982 года... По мнению некоторых наблюдателей, это усилит угрозу войны, и даже ядерной войны, из-за того упора, который сделан в ней на наступательные операции. Военный эксперт Гарвардского университета Джон Мирсхаймер открыто объяснил, что эта «новая доктрина практически представляет собой призыв к превентивному нападению»[30].

По словам американских специалистов из командования по боевой подготовке и разработке доктрин (ТРАДОК) в Форт-Монро (Вирджиния), которые разработали доктрину «Эйрлэнд бэттл», эта перемена стала необходимой из-за того, что прежняя доктрина носила «слишком оборонительный характер» и недостаточно органично сочетала использование ядерных, химических и обычных вооружений при ведении боевых действий: «Если мы хотим вести войну как серьезные профессионалы, нам следует предусмотреть тесную увязку использования указанных трех видов оружия»[31].

«Монд дипломатик» разъясняет читателям стратегическую основу новой доктрины: «Никогда не следует оставлять врагу возможность оправиться от шока, вызванного первым ударом. НАТО должна уничтожить войска Варшавского пакта еще до того, как они вступят в боевые действия...

Тот упор, который делается в новой доктрине на раннее использование химического и ядерного оружия, и составляет, несомненно, ее главное отличие от прежней доктрины, изложенной в «Уставе 100-5» от 1977 года»[32].

Вопрос: *Советский Союз, как известно, готов не иметь в зоне Европы ни на одну ракету, ни на один самолет больше, чем их имеют страны НАТО. В то же время «нулевой вариант» США не учитывает ни американских ядерных средств передового базирования, ни английских и французских ядерных сил, что, даже по мнению многих политических и военных деятелей Запада, не является справедливым и не отвечает принципам равенства и одинаковой безопасности. Не объясняется ли такой подход отсутствием политической воли к достижению взаимоприемлемой договоренности, тем более, что уже полным ходом идет практическая подготовка к размещению «Першингов-2» и крылатых ракет?*

Ответ: *По вопросу о ракетах средней дальности я хотел бы вначале указать на то, что НАТО связала свое решение о модернизации от 12 декабря 1979 г. с выводом из Европы тысячи атомных зарядов и с предложением к Советскому Союзу о переговорах о взаимном отказе от таких ракет. Я хотел бы, чтобы Советский Союз сделал подобное же предложение о переговорах, когда он начал планирование и строительство ракет СС-20 после заключения Договора ОСВ-1, соглашения в Хельсинки и в ходе переговоров об ОСВ-2. Западное предложение о переговорах Советский Союз принял лишь после размещения многих своих новых ракет средней дальности. И во время проходивших женевских переговоров советская монополия на наземные ракеты средней дальности постоянно расширялась. Советский Союз располагает также большим числом самолетов с ядерным грузом, которые значительно превышают сравнимый американский потенциал. Итак, в этой области существует советский перевес, вызывающий нашу озабоченность. Позвольте в этой связи заметить, что сравнительно малое число стратегического ядерного оружия Англии и Франции служит национальной обороне этих стран и поэтому не может быть предметом советско-американских переговоров по контролю вооружений. Если Советский Союз не согласится отказаться от своего сверхвооружения, то Запад в интересах равновесия в Европе должен будет, как это было решено в декабре 1979 года, начать размещение ядерных ракет средней дальности. Западная сторона предпримет со своей стороны все, чтобы добиться успеха на женевских переговорах в интересах укрепления безопасности и стабильности.*

О да! В НАТО любят подтверждать свое миролюбие выводом из Европы тысячи атомных зарядов. Их, действительно, было около 7 тыс., а сейчас это число сокращено до 6 тыс. и будет сокращаться дальше. Весь вопрос в том, почему?

В исследовании, проведенном для Североатлантической ассамблеи, было установлено, что это оружие не обладает достаточной точностью попадания, имеет слишком высокую степень рассеивания, так что под угрозой оказываются собственные позиции. Западногерманский журнал «Штерн» назвал акцию по выводу безнадежно устаревших атомных боезарядов «театральным жестом»[33].

Что касается истории переговоров по ядерным средствам средней дальности, то СССР предлагал начать их задолго до «ракетного решения» НАТО и готов был в одностороннем порядке сократить число своих ракет, если не будет принято решение о «довооружении». Но НАТО под давлением США отвергла это предложение потому, что ее лидеры заинтересованы в размещении любым путем американских ракет «Першинг-2» и крылатых ракет в Западной Европе.

Колин Грей, один из отцов ядерной стратегии первого удара и победы в ядерной войне, заявил: «НАТО должна иметь значительную часть этих 572 ракет независимо от того, будет ли число советских ракет СС-20 сокращено до нуля или нет»[34].

В подготовленном в октябре 1981 года докладе специальной комиссии Североатлантической ассамблеи по ядерному оружию в Европе говорится: «НАТО нуждается в развертывании новых ядерных сил большой дальности на театре войны безотносительно к тому, как поступят русские. Однако ориентация на признание «нулевого варианта» в качестве желательной, но нереалистической цели продиктована стремлением возложить ответственность за модернизацию НАТО на Советский Союз...»[35].

Следует также отметить, что в закрытых документах НАТО типа «Исследование: Восток—Запад» признается имеющееся равновесие между обоими блоками, в том числе и по суммарному потенциалу всех носителей ядерного оружия, включая самолеты. Но на внешний мир даются установки о «советской угрозе». Что же до английских и французских ракет, то сам главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе генерал Роджерс в интервью Эй-би-си в феврале 1983 года

признал, что на месте русских он бы непременно учитывал их.

Что же касается утверждений, что западная сторона стремилась к успеху в Женеве в интересах равновесия, безопасности и стабильности, то стоит это сопоставить с тем, что писала «Нью-Йорк таймс» 1 марта 1983 г.: «...Президент Рейган начал эти переговоры главным образом для того, чтобы выиграть время для развертывания новых американских ракет наземного базирования на Европейском континенте». О причине такого подхода откровенно высказался профессор Брукингского института и эксперт Пентагона Джон Стейнбруннер. Он считает, что «ракеты «Першинг-2» являются, бесспорно, оружием первого удара, и оно могло бы быть использовано или предназначено для использования в качестве главной ударной силы при превентивном нападении»[36].

Игры Робера Клоза в третью мировую войну

БЕЛЬГИЙСКИЙ СЕНАТОР, генерал в отставке Робер Клоз любит провоцировать общественное мнение. Это заочное впечатление на основании знакомства с его биографией, а также чтения его книг и интервью в печати усилилось при беседах с ним. Хотя есть и разница: в разговоре Робер Клоз выступает как политик — нет-нет, да и ввернет что-либо насчет мира через доверие, зато со страниц его книг звучит полновесное генеральское кредо: мир через оружие и силу.

— Главная идея моей последней книги, как и первой, в том, что лучший способ сохранения мира — это гарантированное равновесие,— заявил Робер Клоз, когда я встретился с ним в здании бельгийского парламента в марте 1983 года. Далее он садится на своего любимого конька: мол, вся беда в том, что НАТО безнадежно отстала от Варшавского Договора в гонке вооружений, и Запад пропадет, если не нагонит Восток.

Первая книга так и называлась «Европа без обороны?». Имелась в виду, конечно, Западная Европа. А вопросительный знак в конце был скорее для начальства, чем для читателя. Свою книгу Робер Клоз написал в 1977 году, будучи генерал-майором и командиром танковой дивизии, расквартированной в западногерманском городе Нехайм. Основной тезис генерала-писателя: НАТО обладает столь слабой линией обороны, что русские танки могут через 48 часов оказаться на берегах Рейна. Книгу тут же перевели почти на все языки натовских стран. Она имела скандальный успех. Еще бы, танковый генерал бил в набат тревоги!

Стоит подчеркнуть, что книга была издана вскоре после того, как в Хельсинки был подписан Заключительный акт, в то время, когда в странах НАТО официально признавался паритет между Востоком и Западом и необходимость военной разрядки.

Поднялся шум, в бельгийском парламенте был сделан запрос. В министерстве обороны вынуждены были дезавуировать генерала, и он вышел в отставку. Но такие, как Робер Клоз, не для пенсии. Бравый генерал и без погон продолжает драться. За беспримерный антикоммунизм его выдвинули и избрали в 1981 году сенатором от либеральной партии. В 59 лет он начал свою парламентскую карьеру и продолжил писательскую. Его новая книга, вышедшая в 1981 году, называется забористо: «Еще одно усилие, и мы окончательно проиграли третью мировую войну». В этом названии весь генерал Робер Клоз и все его кредо. Как и первая, эта книга переведена на английский, немецкий, итальянский и многие другие языки, издана в разных странах. С обложки на читателя взирает самоуверенный генерал, который, как гласит подпись, «дает Западу взбучку, чтобы он больше тратил на оборону».

Робер Клоз, который, кстати, возглавил «всемирную антикоммунистическую лигу», говорит ли он с танковой башни или с парламентской трибуны, не устает повторять: «Европа должна проснуться от летаргического сна и принять конкретные меры, направленные на то, чтобы укрепить свои позиции...». Иначе она окажется в лапах медведя! Натовские силы на исходе! Варшавский Договор теснит Атлантический альянс по всем видам оружия! Советы ведут 3:1 в обычных вооружениях; 4:1 — в ядерных вооружениях и 10:1 —в химических! Если западноевропейцы не последуют за Вашингтоном и резко не увеличат военные расходы, то их судьба будет предрешена и они на долгие времена превратятся в рабов![37]

Возможно, иной читатель пожмет плечами: мол, абсурд, кто поверит такой бездоказательной примитивной чепухе. Но не так уж мало и тех, кто аплодирует Клозу, и еще больше тех, кто его внимательно слушает. Иначе не издавались бы массовым тиражом да на разных языках его книги — ведь их покупают. Иначе не печатались бы его бесчисленные интервью: от солидных политических изданий до журналов мод. Наконец, за него голосуют на выборах и выбирают в сенат! Это ведь тоже не последний показатель умонастроений на Западе. Антикоммунисты вновь в моде и в почете.

Самое поразительное впечатление от беседы с Робером Клозом: он даже не пытается

приводить аргументы в доказательство своих утверждений. Это, кстати, показатель уровня мышления людей, подобных Клозу.

Вот пример из нашей беседы.

— Вы заявляете, что Восток сильнее Запада,— говорю я ему,— но многие западные военные специалисты, генералы фон Баудиссин, Нино Пасти, Герт Бастиан и другие считают, что существует примерное равенство. Это признавали до последнего времени и многие западные политические деятели, даже бывший министр обороны США Гарольд Браун... (Я цитирую заявления Брауна от 5 апреля 1979 г. и от 10 января 1983 г.)*

* Г. Браун (5 апреля 1979 г.): «Несмотря на военные достижения русских, Советский Союз сейчас не имеет военного превосходства в ядерной сфере... Сегодня стратегическое равновесие существует... Я не считаю, что США будут уступать в стратегическом отношении в 1985 году». Тот же Браун, уже не будучи министром обороны США, подтвердил свое прежнее мнение на страницах журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» за 10 января 1983 г.: «В области стратегических ядерных вооружений между Соединёнными Штатами и Советским Союзом по-прежнему сохраняется примерный паритет».

Робер Клоз: «Генералы, о которых вы говорите, мне не указ, они давно не служат и отстали». (Это он о генерале Герте Бастиане, который вышел в отставку в 1980 году, в том же, что и сам Клоз).

«Браун?— поднимает брови Клоз.— Ну что ж, у каждого свое мнение. Возможно, он не знает фактов, которые знаю я. Я говорю о Бельгии, о Западной Европе. В ядерных и в обычных вооружениях Восток сильнее».

Я опровергаю его ссылками на данные западной печати, исследования СИПРИ — Стокгольмского международного института по изучению проблем мира, где говорится о паритете.

Робер Клоз настаивает: «Моя основа — Лондонский международный институт стратегических исследований».

Я привожу ему заключение из доклада этого института о соотношении военной мощи Запада и Востока на рубеже 1982—1983 годов: «Ни одна из сторон не обладает превосходством».

Нимало не смущаясь, Клоз заявляет: «Я не полностью согласен с их выводами. Лондонский институт не учитывает, например, срок службы, качество военной подготовки, а здесь вы сильнее. Или химическое вооружение. Его запасы в США — 40 тыс. т, в 10 раз меньше, чем у СССР, а в Западной Европе его нет совсем».

Я ссылаюсь на данные американского центра информации по вопросам обороны, согласно которым в США сосредоточено до 400 тыс. *т* химического оружия[38]. И значительная часть его складируется на территории ФРГ.

Робер Клоз упрямо повторяет: «Для меня это не указ. Я здесь полагаюсь на Лондонский институт...».

Таким образом, круг аргументов замыкается.

Тот же метод доказательств и в книге Робера Клоза. С генеральским апломбом сенатор излагает свою идею фикс: неравновесие сил все дальше увеличивается в ущерб Западу. И нагоняет ужас на читателей: если, мол, НАТО срочно не увеличит свои вооружения, ядерные и обычные, и если она даст перерезать питающие ее нефтяные артерии, то, считайте, война уже сейчас проиграна.

Западногерманское издательство «Мольден», выпустившее книгу Клоза на немецком языке, так и озаглавило ее: «Неравенство ужаса» (кроваво-красные буквы на черной обложке). Для нагнетания этого ужаса Клоз приводит такие доводы.

У Запада, мол, в отличие от Востока, нет ни инструментария, ни идеологии, позволяющих добиться конечной победы. Стратегия взаимного гарантированного уничтожения больше не работает, ибо американцы не обязательно раскроют свой ядерный зонтик над Западной Европой.

И далее заявляет: «Мы не обладаем такими системами оружия, как противник, и посему, повязанные по рукам и ногам, мы отданы на произвол любой попытке политического шантажа со стороны Востока»[39].

Упирая на свой генеральский авторитет, он приводит внушительные таблицы и колонки цифр, которыми беззастенчиво манипулирует. Примеров не счесть. Я уже говорил о химическом оружии. Возьмем танки, где Робер Клоз особенно искушен. Он заявляет: «Варшавский Договор имеет 21 тыс. танков против 7,5 тыс. натовских, то есть 3:1»[40]. А вот по данным любимого Клозом Лондонского института стратегических исследований, у НАТО непосредственно в войсках более 17 тыс. танков, кроме того — в Европе складировано около 1,5 тыс. американских и 6,5 тыс. танков западноевропейских стран НАТО[41].

Но сколько читателей найдут время и желание рыться в справочниках и сравнивать, чтобы

перепроверить Робера Клоза? В лучшем случае единицы. Подавляющее же большинство примет все эти липовые цифры на веру: как-то совестно подозревать во лжи солидного человека, тем более сенатора, бывшего генерала. На это и расчет!

В своей книге Робер Клоз критикует разрядку и запугивает читателей: «Мы возложили неразумные надежды на добродетели разрядки... Мы упустили шансы повышения нашего оборонного потенциала, и теперь нет выхода из дилеммы "капитуляция или атомная смерть"!»[42]. Не полагаясь только на свои аргументы и цифры, генерал-писатель не гнушается и зловещих метафор: «Лучше всего существующую ситуацию можно описать с помощью такого образа: на европейской равнине противники подобны двум рыцарям на турнирном ристалище: один бьется в доспехах и с копьем, другой без доспехов, лишь с коротким кинжалом»[43].

Есть от чего вздрогнуть! И чтобы не совершилось непоправимое, Робер Клоз призывает: западноевропейцы, срочно довооружайтесь всем, чем можно, танками, самолетами, ракетами, нейтронной бомбой!

Вторая печаль Робера Клоза: попустительство «красному экспансионизму» в «третьем мире», особенно в Африке и на Среднем Востоке, где сосредоточены сырье и нефть, жизненно важные для Западной Европы. «Любой ценой, — заявляет генерал, — мы должны помешать, чтобы третий мир, для которого Европа в силу своих традиций и излучающей привлекательности столь важна и притягательна (как красиво излагает свои мысли потомок бельгийских колонизаторов! — *Авт.),* был вынужден перейти на сторону сильнейшего»[44].

И для гурманов, неравнодушных к авторитетам далекого прошлого, знаток политической кухни Р. Клоз приберегает особый деликатес — цитату из Макиавелли: «Обязанность государя — иметь хорошую армию и хороших друзей; и тот, кто имеет хорошую армию, имеет всегда и хороших друзей». «Так говорит Макиавелли,— многозначительно изрекает знаток средневековья Клоз по поводу ядерного баланса в Европе,— и эта истина весьма актуальна»[45].

Надо сказать, что сенатор-генерал недостаток в достоверных аргументах и цифрах с лихвой заменяет ссылками на исторические личности. Для доказательства «традиционной агрессивности» России он ссылается на своего единомышленника Ричарда Пайпса, который заявил, что, видите ли, еще Петр Великий более 9/10 всего бюджета тратил на войско[46].

«Если бы нашелся сильный, храбрый и способный император России — Европа принадлежала бы ему, — зловеще повторяет Робер Клоз и поясняет, чьи это слова. — Еще в начале XIX века Наполеон со свойственной ему ясностью предвидел сегодняшние условия».

Все эти заявления и ссылки на Макиавелли, Наполеона и других понадобились Клозу для того, чтобы припугнуть западноевропейцев. Срочно создавайте силы быстрого развертывания по примеру американских!.. Должен быть европейский вклад в интервенцию за пределами НАТО!.. Военные акции вне географических пределов альянса надо проводить не от имени всего НАТО, а отдельных государств — членов альянса[47]!

Робер Клоз требует от западноевропейцев новых военных расходов и нагоняет на них страх: «Европа должна проснуться от летаргического сна, пока не произошло непоправимое!»[48]. И взору обывателя, одурманенного антикоммунизмом, рисуется жуткая картина: Западная Европа, словно Красная Шапочка, безмятежно спит в лапах готовящегося расправиться с ней сибирского медведя.

Второй фронт «холодной войны»

РОБЕР КЛОЗ — не оригинал. Существует уже* целая библиотечка книг, написанных генералами и адмиралами, вышедшими в отставку, но остающимися на действительной службе психологической войны. Их творения преследуют конкретную военную цель: создавать и поддерживать образ внешнего врага. Отнюдь не случайно эта психологическая атака на общественное сознание западноевропейцев была развернута сразу же после подписания Заключительного акта Хельсинки. Эти генералы и адмиралы вынуждены за отсутствием горячей войны вооружаться пером и бумагой и сражаться на передовой линии «холодной войны» против социалистического содружества на фронте, который был и остается главным для агрессивных сил империализма.

Но амуниция психологической войны широко используется против «врага» не только внешнего, но и внутреннего. И когда недоверие и подозрительность в общественной атмосфере становятся чрезмерно насыщенными, то начинают выпадать кристаллы ненависти. В этот момент, когда обострение международной обстановки достигает высокого предела, мы сталкиваемся с новым феноменом. Речь идет об открытии второго, внутреннего фронта «холодной войны», о широком наступлении на умы, против политиков и общественных деятелей Запада, выступающих за разрядку

и за диалог с Востоком.

И хотя в этом направлении атаки предпринимались и раньше, фронтальное наступление стало разворачиваться в начале 80-х годов. Это в значительной степени связано с возросшим противодействием общественных сил прежде всего в Западной Европе, не желающих мириться с продолжающейся гонкой вооружений. В то же время приверженцы «холодной войны» восприняли начало размещения новых американских ракет в Западной Европе как сигнал к наступательным действиям на втором фронте «холодной войны».

На войне как на войне. И серьезного противника здесь следует воспринимать всерьез. Тем более, когда он выкладывает карты перед своими сторонниками, дабы указать им перспективу и цель. Мелвин Ласки, главный редактор журнала «Энкаунтер», признанный и заслуженный ветеран психологической войны, свой рассказ на страницах журнала о поездке в ФРГ и в Западный Берлин перемежает воспоминаниями о первом послевоенном десятилетии, когда он служил в оккупационных войсках на Майне и Шпрее[49]. Спустя почти 40 лет он вновь побывал во Франкфурте-на-Майне и в Западном Берлине и был потрясен антиамериканскими настроениями и отсутствием единства в западном лагере.

«...Ныне распалась связь времен среди наших профессиональных интеллектуалов,— скорбит Ласки.— Основная неразбериха, в особенности в представлениях западногерманских левых, касается понятия "холодная война" и смысла слова "антикоммунизм"». С редкой откровенностью Ласки мотивирует свое презрение к тем интеллектуалам и политикам на Западе, которые разделяют мысль Томаса Манна о том, что антикоммунизм есть величайшая глупость XX века, и взамен этого выдвигает свое кредо: «Демократ обязательно должен быть антикоммунистом». Ласки устраивает разнос всем, кто осмелился возражать его постулатам. В своем слепом антисоветизме он не гнушается даже тем, чтобы косвенно обелить нацистов только за то, что они тоже были антикоммунистами.

Откровения Ласки показательны как отражение духа времени. Люди его типа еще совсем недавно не особенно рисковали с такой откровенностью ратовать за «холодную войну». А сейчас они зовут Запад очнуться от «сна разрядки» и вновь одеть латы рыцаря «холодной войны».

Давая оценку послевоенных четырех десятилетий, Ласки четко делит их «на два периода, коренным и трагическим образом отличных друг от друга». «Первый период, который охватывает конец 40-х, 50-е и начало 60-х годов,— замечательное возрождение Старого Света с помощью Нового Света из руин, оставленных самой братоубийственной войной в истории человечества». И движущий мотив этого возрождения он видит в том, что «антикоммунизм самым удивительным и воодушевляющим образом завоевал... свои новые полномочия оплота демократических свобод». Ласки впадает в ностальгию по временам «холодной войны» именно потому, что она объединяла политические силы Запада: «Все (или почти все) работали в обстановке взаимной терпимости и уважения: и консерваторы, и либералы, и социалисты, будь то Ройтер или Курт Шумахер, Силоне или Кёстлер, Бертран Рассел или Сидней Гук, Альбер Камю или Раймон Арон. Если не считать старые или новые тоталитарные силы, царило всеобщее согласие. Свободная и жизнеспособная либеральная цивилизация, простирающаяся на десять с лишним тысяч миль к западу от Бранденбургских ворот,— при всех ее изъянах, недостатках и пороках — стоила нашей поддержки. Мы были горды, оптимистичны, уверены в себе и весьма едины. Так называемая холодная война привела к возрождению Европы. Не будем об этом забывать или игнорировать это»[50]. Последуем совету. Не будем и мы забывать или игнорировать подобные заявления, откровенные признания в любви к мрачному периоду в истории Европы, когда запад и восток континента истощали себя в бесплодной конфронтации.

Хвала «холодной войне» звучит у Ласки как скорбь по утраченному атлантическому согласию. «Во времена второго периода, о котором я упоминал,— рассуждает он,— само слово «согласие» стало еще одним ругательством... Прежде благополучный фронт демократических сил на Западе начал распадаться. Левые стали видеть «семена фашизма» в каждом консерваторе; консерваторы стали замечать тоталитарные устремления в каждом социалисте; а что касается представителей центра, то они начали терять уверенность в срединном пути... Мы были поражены чумой взаимных обвинений».

«Западные интеллектуалы чаще всего стоят на позициях обороны или пораженчества,— резюмирует Ласки.— Первые видят лишь достоинства, которыми следует гордиться, вторые — лишь пороки, которых следует стыдиться. Первые, как правило, излишне самодовольны, вторые — излишне отчуждены». И Ласки с воинствующим пафосом призывает западных политиков и

интеллектуалов покончить с разобщенностью и вновь собраться под знамена антикоммунизма для защиты «атлантической цивилизации».

Вот она — искомая цель. Найден водораздел и найдено само понятие — знамя в духе «крестового похода». Уже нет более единого человеческого сообщества, нет и общей цивилизации. Коль скоро не достигнуто стратегическое превосходство, необходимое для победы в «ограниченной» ядерной войне, объявляется «холодная война» для защиты своей «атлантической цивилизации». Против кого? Против чуждого мировоззрения, против другой социальной системы? Да, но не только. Теперь под обстрел, как и во времена маккартизма, берутся все, кто не желает вешать себе на грудь ярлык антикоммуниста.

То, что в странах НАТО и более всего в США с первых послевоенных лет упорно ведет наступление когорта приверженцев «холодной войны», ни для кого не секрет. Эта гвардия, возглавлявшая «крестовый поход» против социалистического Востока под фултонским знаменем Уинстона Черчилля, никогда не складывала оружия. Даже в худшие для себя времена, в годы разрядки, она истово сражалась на баррикадах психологической войны. Читая Мел вина Ласки, явственно слышишь голос Вильяма Шламма, бывшего в 60-е годы воскресным комментатором шпрингеровской «Вельт ам зоннтаг». В предисловии к своей книге «На грани гражданской войны» (не случайно вышедшей в дни подписания в 1970 году Московского договора между СССР и ФРГ), где были собраны 123 комментария, подвергающих резкой критике «восточную политику» Вилли Брандта, Вильям Шламм, задыхаясь от приступа антикоммунистической гордости, писал: «Эти фронтовые сводки из Германии — дневник человека, который из глубин своего сердца ничто так не презирает, как наигранную объективность профессионального «беспартийного»: в каждое мгновение речь шла о моем собственном деле, о моем собственном мире, моей собственной вере и моих собственных ценностях. Каждая строчка в этой книге настолько же субъективна, как и я сам. Те пять лет, о которых я здесь даю личные показания, сделали из Германии Аденауэра прифронтовую зону всемирной гражданской войны, чьи серьезность и размах может недооценивать лишь сытая глупость. В этой гражданской войне я знаю свое место — я на стороне атакованной цивилизации»[51].

Тот же тон, что у Ласки, та же фанатичная страсть и та же самоуверенная претензия на защиту цивилизации. Вопрос о мировоззренческой нетерпимости правых сил на Западе приобрел особую остроту в связи с началом размещения американских ракет в Западной Европе и в связи с открывшейся в Стокгольме конференцией по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружению. Эта нетерпимость — свидетельство агрессивности не только в политике, но и в идеологии.

Существует глубокая пропасть между заявлениями западных политиков и их политической практикой. Фарисейское миролюбие на словах и цинизм гонки вооружений на деле. Разглагольствования о необходимости доверия между Востоком и Западом, с одной стороны, и психологический террор против всех несогласных, на которых навешивают ярлык «агентов Москвы»,— с другой.

В Вашингтоне знают, что их боятся и им не доверяют многие союзники в Европе. И знают, за что. Известный американский публицист Уильям Пфафф писал в «Интернэшнл геральд трибюн»: «Истоки неудач администрации Рейгана лежат в ее мировоззрении... Теперь эти люди довели страну до того, что союзников пугает и отталкивает безрассудность действий американцев...».

Даже в Англии, где наиболее сильны американские позиции, по мнению известного обозревателя из «Нью-Йорк таймс» Энтони Льюиса, «ощущается глубокое беспокойство в отношении руководства, осуществляемого Америкой»[52]. Видный деятель лейбористской партии Денис Хили заявил в палате общин, что в Ливане США проводят «курс, ведущий к катастрофе». Член парламента от консервативной партии Джордж Уолден писал в начале 1984 года: «Мы не разделяем преувеличенных представлений Вашингтона о титанической борьбе с коммунизмом»[53].

«Специалисты в Англии,— отмечает Энтони Льюис,— с самого начала сомневались в том, что правительство Рейгана действительно хочет, чтобы переговоры о контроле над вооружениями увенчались успехом, поскольку в состав этого правительства входят люди, которые действительно верят в возможность вести ядерную войну и которые хотят продолжать наращивать военные системы»[54].

Как же тут, при такой «ереси», господину Ласки да не ударить в колокола тревоги в защиту «атлантической цивилизации»!

Военно-промышленный комплекс, сделавший Рейгана президентом и немало способствовавший политическому повороту вправо не только в США, но и в Великобритании и ФРГ,

предпринимает новые усилия по нагнетанию духа антикоммунизма. И в этом не последнюю роль призваны играть шламмы, ласки и прочие мастера психологической войны, мыслящие только категориями устрашения и отравляющие своими писаниями сознание людей. Бороться с ними — значит разоблачать механизм лжи и запугивания, лжи равной ответственности обоих блоков за гонку вооружений и запугивания мнимой советской угрозой.

Гренада: акт агрессии в «холодной войне»

«СОН РАЗУМА РОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ». Породил он и наглую агрессию правительства Рейгана против Гренады. На рассвете 25 октября 1983 г. американские морские пехотинцы атаковали маленькое, по существу беззащитное, государство. Анализируя то, что с тех пор было опубликовано об этом в США, можно констатировать — многие издания защищали и оправдывали эту агрессию. Чтобы убедить рядовых американцев в необходимости агрессии, правительством США, средствами массовой информации были использованы самые разные методы обработки населения, начиная с многочисленных пропагандистских уловок, прямых извращений и подтасовки фактов и кончая псевдообъективными рассуждениями и «правовой аргументацией».

Надо сказать, что американские органы печати имеют большой опыт по созданию видимости объективности. Они наловчились так ставить вопросы и давать на них ответы, что читатели в конце концов неизбежно подводятся к определенному выводу. Например, в номере от 14 ноября 1983 г. журнал «Тайм» поместил статью, в которой с нескрываемым одобрением описывал вторжение американских солдат на Гренаду. Да, конечно, в подобного рода репортажах высказывались, естественно, и сомнения, чтобы придать им пущую убедительность. На помещенных в репортаже фотографиях можно было видеть конвоируемых американскими морскими пехотинцами гренадцев, сидящих за колючей проволокой кубинских строителей аэродрома на Гренаде, захваченную военную технику и т. п. Пропагандистской же сердцевиной этих материалов был показ того, насколько рады были гренадцы вторжению иностранных войск на их территорию. И вот мы видим американских агрессоров рядом со звездно-полосатым флагом в окружении гренадских подростков, причем снятых на фоне стены, на которой красуется надпись «Боже, благослови Америку!».

Американцы в этой агрессии, по данным Пентагона, потеряли 18 человек убитыми, 91 ранеными, а о жертвах со стороны гренадцев в течение длительного времени не сообщалось, что уже само по себе говорит о стремлении правительства США всячески преуменьшить потери среди населения этого маленького острова.

Подобного рода репортажи, которыми пестрела американская печать в дни агрессии и после нее, свидетельствовали лишь об одном: в американском народе стремились разжечь крайний национализм, шовинизм, который давно уже активно используется американской пропагандой. Пропаганда, проповедующая национальную исключительность, должна давать объяснения, причем преподносить их американскому обывателю таким образом, чтобы не ударить бумерангом по тем, кто стоит у власти в Вашингтоне. Отсюда и изощренность в подаче различного рода версий, связанных с агрессивными акциями США на международной арене. Так было и во время агрессии на Гренаде.

Как часто, чтобы ввести в заблуждение американцев, в печати ставился вопрос: «Имели ли право США вторгнуться на Гренаду?». Американцы призывались вынести «собственный приговор» таким действиям. В этом плане характерен хитроумный «лабиринт», сооруженный журналом «Тайм». Задается вопрос: «Были ли американские студенты, находящиеся на острове, в непосредственной опасности?», и тут же следует ответ: «Нет, непосредственной опасности не было». «Но,— добавлял дальше журнал,— они были привлекательной целью для того, чтобы их захватили в качестве заложников». Нетрудно понять, что в памяти американцев стремились воскресить события, происшедшие в Тегеране во время захвата американского посольства при совершенно других обстоятельствах, чем те, что имели место на Гренаде.

«Не лучше ли было бы студентов эвакуировать?»— спрашивал далее журнал. И отвечал: «Да, если бы основная тревога вызывалась их безопасностью». Естественно, вся эта нелепица в рассуждениях должна подкрепляться каким-то другим вопросом, который отбросил бы последние сомнения в умах рядового американца в отношении агрессии против Гренады. И вот задается другой вопрос, носящий уже явно провокационный характер: «Находилась ли Гренада в состоянии анархии?». В ответе журнала можно уже не сомневаться. «Да,— констатирует он,— новые лидеры не были в состоянии обеспечивать контроль над ситуацией на острове и, более того, не хотели отдать власть». Естественно, встает вопрос: «Кому, собственно говоря, должно было отдать власть

суверенное правительство на Гренаде?». На это журнал, разумеется, ответа не дает, а начинает высказывать догадки, призванные вызвать подозрения: то ли на Гренаде были рабочие, то ли солдаты, то ли там нашли большие склады оружия, то ли строился военный аэродром. На все это, как утверждает журнал, пытаясь придать объективность своим рассуждениям, «трудно ответить».

А далее следует очередной пируэт и задается следующий вопрос: «Превращалась ли Гренада в советско-кубинскую крепость?». В ответе журнала также можно не сомневаться: «В определенной степени да». Но вот, наконец, и основной вопрос: «Было ли вторжение США законным?». И на него дается весьма двусмысленный ответ. «Если имеются доказательства согласия на это со стороны гренадцев и косвенной советско-кубинской агрессии, то да. На основании положений и соглашений, используемых государственным департаментом, доказательства в пользу этого очень слабы»[55]. Вообще получается так, что если кто-то в чем-то и виноват, то лишь государственный департамент США, не сумевший толком объяснить законность прямой американской агрессии на Гренаду.

К шовинистической риторике нередко прибегает и президент США Р. Рейган. В своих многочисленных выступлениях он неоднократно призывал американцев полагаться на использование военной силы, объявляя ее панацеей от всех зол. Например, выгораживая агрессию США в Ливане и на Гренаде, Рейган следующим образом оправдывал эти авантюры: «Мы используем наши ресурсы, рискуем жизнями наших военнослужащих для того, чтобы спасти других от кровопролития и беспорядков и не допустить, чтобы человечество утонуло в море тирании». И далее Рейган патетически воскликнул: «Мир ждет от Америки лидерства, и Америка обращается к своим вооруженным силам». Здесь налицо явное стремление использовать взрыв эмоций, который вызвали у американской общественности гибель американских морских пехотинцев в Бейруте и потери во время вторжения на Гренаду.

Подобного рода милитаристские и шовинистические выкрики из Белого дома направлены на то, чтобы обеспечить себе поддержку общественности, в первую очередь американской. Американская политическая верхушка давно уже усвоила, что во время кризисных ситуаций в США проявляется тенденция сплочения американцев вокруг президента, особенно во время международных кризисов, которые в свою очередь сознательно вызываются самим Белым домом. Кстати, реакция американской общественности на подобного рода ситуации самым внимательным образом изучается в правительстве США. Характерно, что первые анализы настроений общественности после вторжения на Гренаду показывали, что американцы реагировали на него отрицательно. После того, как президенту Рейгану доложили об этом, он срочно выступил по телевидению, как отмечалось средствами массовой информации США, с одной из «самых продуманных речей», в которой он умело растравил шовинистические настроения американцев. Победа над Гренадой преподносилась как победа над неуверенностью в собственных силах, как «защита свободы». После того, как огромная махина Америки раздавила крошечную Гренаду, президент Рейган счел возможным заявить: «Америка сегодня является самой яркой звездой надежды в мире»[57].

Ответственные наблюдатели, в том числе в самих США, увидели в Гренаде опасный рецидив высокомерия силы. Военный обозреватель «Нью-Йорк тайме» Ричард Халлоран писал в начале 1984 года, что опьяняющий опыт Гренады будет склонять президента к использованию силы в возможных в будущем конфликтных ситуациях.

Глава 4

КТО ДЕРЖИТ В РУКЕ МЕЧ УСТРАШЕНИЯ

КАРЛ, ГЕРОЙ НЕЗАВЕРШЕННОГО РОМАНА Ф. Кафки «Америка», едет в Соединенные Штаты в поисках счастья. В нью-йоркском порту его встречает огромная статуя Свободы, которая держит в высоко поднятой руке... меч. Абсурд? Да, отмечает советский философ Э. Розенталь, но только с точки зрения фотографа[1]. С точки же зрения реальности, которая гораздо сложнее внешних впечатлений, в этой, казалось бы, фантастической картине отражается глубокая правда познания действительности. Теория и практика устрашения, взятые на вооружение в США, выявляют подлинный лик Америки. Ее рисуют в образе статуи, держащей факел Свободы. На самом же деле в высоко занесенной руке — меч.

Агрессия на основе общественного мнения!

СТОРОННИКИ ПОЛИТИКИ с позиции силы, ее апологеты из академической среды в течение продолжительного времени, и особенно с приходом к власти администрации Рейгана, делают все для того, чтобы подорвать нормы международного права, регулирующие отношения между государствами. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на то, как они пытаются выхолостить и исказить содержание одного из ключевых элементов международного права — определение агрессии.

Как известно, мировое сообщество всегда выступало против агрессии одних государств против других. Это нашло свое выражение и в резолюции, принятой в 1970 году Генеральной Ассамблеей ООН, которая совершенно четко определила, что «ни одно государство или группа государств не имеет права вмешиваться, прямо или косвенно, ни под каким предлогом, во внутренние или внешние дела любого другого государства». Для сторонников вмешательства во внутренние дела других государств, для тех, кто взял агрессию на свое вооружение, для администрации Рейгана такое определение оказывается неприемлемым. В то же время подавляющее большинство государств мира считает, что только на основе такого подхода можно стабилизировать международные отношения и не допустить их скатывания к всесилию произвола и анархии. Вот почему после вероломного нападения США на независимую Гренаду при голосовании в ООН резолюции, осуждавшей эту агрессию, в поддержку резолюции высказались 108 государств. Против нее проголосовали лишь сами США и наиболее крепко привязанные к ним члены НАТО.

Неудивительно, конечно, что американские и некоторые натовские политики и дипломаты защищали эту наглую акцию. Ясно, что они следовали в своих действиях инструкциям, данным им своими правительствами. Глубокую тревогу, однако, вызывает следующее. Вслед за вторжением США на Гренаду, подрывающим основы международного права, последовали многочисленные глубокомысленные высказывания ряда буржуазных международников, которые, вопреки своему профессиональному долгу, пытались оправдать эту прямую агрессию, объявляя такие действия чуть ли не нормой международных отношений. При этом, как всегда бывает в подобного рода щекотливых для их совести ситуациях, совершенно ясное определение агрессии пытаются опровергнуть с помощью более чем туманных рассуждений.

Оказывается, все дело в том, что международная жизнь «гораздо сложнее», чем нормы международного права. За этими рассуждениями следуют интеллектуальные выверты и псевдонаучный анализ, которые, по существу, призваны оправдать агрессивные акции США на международной арене и противопоставить логике осуждения агрессии логику оправдания насилия, в том числе с помощью такого «правового инструмента», как морская пехота США.

Американский журнал «Тайм» в своем номере от 14 ноября 1983 г. далеко не случайно с готовностью предоставил свои страницы высказываниям английского юриста Мариан Грин. Г-жа Грин прямо заявляет: «Принятые на сегодня понятия агрессии старомодны. Вторжение на Гренаду выявило необходимость дать новые определения некоторых понятий в международном праве»[2]. Журнал истолковывает ее высказывания следующим образом: «Грин и другие эксперты опасаются, что нынешняя трактовка норм международного права не принимает во внимание многочисленные акты косвенной агрессии, во все большей степени формирующие мировую политику»[3]. «Тайм» стремится подвести читателя к оправданию американской интервенции на Гренаде ссылками на необходимость бороться с «косвенной агрессией». Но, прибегнув к этому трюку, журналу приходится давать ему свое толкование, разумеется, с помощью других «экспертов».

Так, бывший посол Франции в США Жак Костюшко-Марицет отмечает: «Легко указывать на армии, вторгающиеся на вашу территорию, и говорить о том, что это агрессия. Но существует много

форм косвенной агрессии, таких как подрывные действия или замена правительства с помощью переворота, сопровождаемая угрозами иностранной державы»[4] . Больше всего это высказывание подходит к характеристике действий самого правительства Рейгана. Но журнал «Тайм» ведет свою линию: это, видите ли, Советы и кубинцы уже в течение многих лет осуществляют «косвенную агрессию» в Западном полушарии, а нити от них тянутся к Никарагуа, правительство которой обвиняется в поддержке «марксистско-ленинских повстанцев» в Сальвадоре. А раз так, то США, конечно же, поддерживают анти-сандинистских контрреволюционеров. И вот уже, как само собой разумеющийся факт, сообщается о том, что сенат США одобрил дополнительные ассигнования на сумму в 19 млн. долл. для продолжения секретных операций, в том числе минирования входов в никарагуанские порты, и других акций, которые проводятся против законного правительства Никарагуа наемниками ЦРУ.

И всю эту преступную практику пытаются оправдать ссылками на высказывания ученых мужей, в частности профессора Гарвардского университета Ветлева Вагтса, который заявляет: «Я не думаю, что международное право сумело подняться до уровня понимания проблемы секретных операций, в ходе которых вы вооружаете и снабжаете повстанцев, действующих в стране»[5]. Где уж, конечно, международному праву понять то, что сегодня известно всему миру: контрреволюционные базы, финансируемые ЦРУ, с которых «повстанцы» действуют против никарагуанского народа, находятся за пределами самой страны, в Гондурасе и Коста-Рике!

Хорошо известно также, что национально-освободительная борьба в Сальвадоре ведется самими сальвадорцами, а отнюдь не никарагуанцами. Однако есть и другая немаловажная сторона в деятельности ниспровергателей международного права и адвокатов прямой агрессии против суверенных государств. Как известно, ООН неоднократно принимала решения о том, что народы Азии, Африки и Латинской Америки имеют право бороться за свою независимость и свободу с помощью самых разных методов борьбы, в том числе и с применением вооруженной силы. Многочисленные резолюции ООН, подтверждающие право народов на борьбу за свое освобождение, пришлись явно не по нутру империалистам. ООН вообще давно стала неудобным форумом для консервативных американских политиков. Не поэтому ли некоторые из них даже выступают за то, чтобы эта международная организация покинула Нью-Йорк? Не этим ли объясняется заявление США о выходе из ЮНЕСКО?

Между прочим, в решениях ООН есть и совершенно четкие формулировки, которые дают недвусмысленную оценку прямой и косвенной агрессии. Еще в 1970 году ООН приняла резолюцию, в которой отмечалось, что не только вооруженная интервенция, но и другие формы вмешательства и угроз, направленные против государств, их политических, экономических и культурных институтов, являются нарушением международного права.

Сторонники конфронтации на международной арене стремятся вообще отбросить всякую правовую основу международных отношений. А для «научного» обоснования этих планов вновь прибегают к услугам соответствующих «экспертов», таких, например, как профессор международного права Кембриджского университета Дэрик Бовек. «Все, что право может сделать, так это обеспечить основные правила, применение которых требует большой рассудительности,— пишет Д. Бовек.— Ни одна правовая система не опирается только на силу. Все зависит от мирового общественного мнения»[6]. Стало быть, если общественное мнение, скажем американское, поддерживает агрессию США, значит, все в порядке. Такая «рассудительность»— нож в спину международному правопорядку. Нелишне, между прочим, напомнить, что, когда Гитлер напал на Польшу, Францию, Англию, Советский Союз, его тоже поддерживало немецкое общественное мнение, над созданием которого немало потрудилось ведомство Геббельса.

Лисы в курятнике: Ю. Ростоу, Э. Рауни, П. Нище

В 1961 ГОДУ решением конгресса США было создано Агентство по контролю над вооружениями и разоружению. Вместе с госдепартаментом и Пентагоном оно стало участвовать в разработке американской позиции по проблемам разоружения и ограничения ядерных вооружений.

В задачу агентства входила подготовка и участие в переговорах с Советским Союзом и другими государствами по ограничению стратегических вооружений. Оно также занималось выработкой предложений о нераспространении ядерного оружия, сокращении обычных вооружений в Центральной Европе, а также позиции США по запрещению химического оружия. Кроме того, агентство также несет ответственность за разработку политики США по такому важному вопросу, как продажа обычных вооружений другим государствам. По всем этим вопросам руководитель

агентства представляет предложения непосредственно президенту. Казалось бы, где, как не здесь, должно было бы зарождаться и развиваться новое мышление по ограничению вооружений и предотвращению ядерной войны.

С приходом к власти правительства Рейгана это агентство оказалось абсолютно бесплодным, а его руководитель Юджин Ростоу, похоже, считал, что он работает на Пентагон. И это не было случайным, более того, все было закономерным. Для того чтобы увидеть корни бесплодности агентства в период первого срока деятельности администрации Рейгана, достаточно бросить ретроспективный взгляд на некоторые события американской политической жизни конца 70-х годов.

В этой связи небезынтересным является следующий факт. В 1978 году Рональд Рейган, которого в то время мало кто всерьез предполагал увидеть президентом США, выступил с серией политических комментариев. В них будущий президент остро критиковал тех, кто высказывался в пользу заключения с Советским Союзом нового соглашения об ограничении стратегических вооружений. В подтверждение своих взглядов он постоянно ссылался на точку зрения Юджина Ростоу, называя его не иначе, как «либералом». Уж если Юджин Ростоу, утверждал Рейган, «которого никак нельзя причислить к ястребам и который не является орудием военных интересов», выступает против ОСВ-2, то это означает, что оппозиция этому новому договору, вырабатывавшемуся советскими и американскими представителями, никак не может быть отнесена только к правым[7]. Когда самого Ростоу спросили, согласен ли он с оценкой Рейганом его позиции, то он бодро ответил: «Конечно, согласен». И далее Ростоу сделал весьма интересное признание: «Либерализм не имеет никакого отношения к внешней политике»[8]. Все это Рейгану чрезвычайно понравилось, тем более что в конце 70-х годов Ростоу постоянно утверждал, что именно Советский Союз является «основным виновником», стоящим за всеми беспорядками в мире.

К какому же мировому порядку стремился сам Юджин Ростоу? Достаточно привести его высказывания. По Ростоу, американская интервенция во Вьетнаме являлась всего лишь усилием, «которое мы предпринимаем во всех уголках мира для того, чтобы воссоздать систему порядка»[9]. В настоящее время Ростоу уже требует, чтобы «порядок» был наведен и в Сальвадоре. «Мировой порядок» в его понимании обязателен для всех. Он утверждает, что «порядок» нарушается Кубой и Никарагуа.

Можно ли ожидать от подобного политического деятеля какого-либо разумного подхода, тем более нового мышления по важнейшей проблеме современности — поиску путей ограничения стратегических вооружений? Между прочим, Поль Уорнке, бывший руководитель Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, оценивая позицию Ростоу по проблеме ограничения стратегических вооружений, заявил: «Его подход является настолько нереалистичным, что, по существу, превращается в отказ от усилий по контролю над вооружениями»[10].

А как Ростоу относится к опасности ядерной войны для человечества? О его позиции в этом вопросе свидетельствует дискуссия, разгоревшаяся однажды между ним и сенатором Пеллом в стенах конгресса США.

Пелл: «В случае обмена тотальными ядерными ударами между Советским Союзом и Соединенными Штатами, считаете ли вы, что каждая из этих стран в значительной степени уцелеет?».

Ростоу: «Это зависит от того, насколько интенсивным будет обмен ядерными ударами... Япония, в конце концов, не только выжила, но и расцвела...».

Пелл: «Мой вопрос заключается в том, уцелеет ли страна в результате обмена тотальными ядерными ударами?».

Ростоу: «Человеческая раса очень живуча, сенатор Пелл»[11].

Так что, как мы видим, опасность и последствия ядерной войны, в том числе для американского народа, Юджина Ростоу особенно не волнуют.

Но, может быть, более трезвым взглядом на эти проблемы обладали люди, которых президент Рейган направил в Женеву на переговоры с советскими представителями? К сожалению, трезвым подходом не отличались и они.

Так, американский представитель в Женеве на переговорах по ограничению стратегических вооружений Эдвард Рауни многие годы настойчиво утверждал, что Советский Союз имеет «стратегическое превосходство» над США в военной области. Характерно, что Э. Рауни был включен в состав американской делегации на переговорах по ОСВ по настоянию известного «ястреба» сенатора Джексона. Совместно с ним, Юджином Ростоу и Полем Нитце Рауни являлся членом «комитета по существующей опасности» и делал все, чтобы защищать антисоветские

позиции Джексона. Рауни утверждает, что Советский Союз не стремится к тому, чтобы уменьшить риск ядерной войны. Когда его просили объяснить эту точку зрения, то он попросту упрямо отвечал: «Они совсем другие... А мы не понимаем этого».

Один из представителей Пентагона, долгое время работавший вместе с Рауни, признал, что этот генерал «имеет фундаментальные возражения против переговоров с Советами»[13]. А один из членов американской делегации на переговорах в Женеве сказал, что «Рауни считает советских представителей «не достойными доверия, настроенными империалистически и угрожающе...»[14] П. Уорнке прямо заметил: «Согласно его взглядам, Советы должны отказаться от всего, что благоприятно им при асимметриях, и сохранить нам во всех случаях то, чем асимметрия нам благоприятствует»[15]. А один из участников переговоров по ОСВ-2 прямо заметил: «По мысли Эда Рауни, хорошим договором является тот, который он продиктует Советам»[16]. Другой американский эксперт был еще более откровенным: «Я думаю, что генерал Рауни никогда не достигнет соглашения с Советским Союзом».

И вот такой человек, как Рауни, который, по мнению самих американцев, неспособен вести дела с Советским Союзом и тем более искать взаимоприемлемого компромисса, был направлен в Женеву на переговоры по одной из актуальнейших проблем советско-американских отношений. Парадоксально, но факт.

Представителем США на переговорах в Женеве по ограничению ядерных вооружений в Европе в 1982— 1983 годах был, как известно, П. Нитце. Во время этих переговоров американскими средствами массовой информации вокруг него создали ореол реалистически мыслящего человека, во всяком случае в том, что касается вопросов ограничения ядерных вооружений. Даже Уорнке отдавал ему должное, признавая, что по проблеме стратегической ядерной доктрины Нитце является крупным специалистом. Он был в свое время убежден, что между Нитце и сторонниками достижения США ядерного превосходства над Советским Союзом существует определенная разница. Вместе с тем Уорнке не скрывал, что не согласен с выводами Нитце в области ядерного планирования, путей решения проблемы ограничения ядерных вооружений[17]. Если Уорнке в вопросах ограничения стратегических вооружений был сторонником достижения компромисса с Советским Союзом, то Нитце считал, что контроль над вооружениями ослабляет США.

Справедливости ради можно отметить, что Нитце порой был не чужд реализм. Он, например, в свое время предупреждал правительство США против широкой интервенции во Вьетнаме. При Джоне Кеннеди Нитце принимал участие в выработке исторического соглашения между США и СССР — Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах. Нитце, наконец, сыграл определенную роль в подготовке соглашения об ограничении противоракетной обороны.

Важно, однако, отметить и другое. Нитце утверждал, что «в некоторых ситуациях нам может понадобиться тактическое атомное оружие»[18]. В этом отразилась его твердая вера в то, что США могут первыми прибегнуть к использованию ядерного оружия. Он предупреждал правительство США, Пентагон, что не следует работать над созданием только стратегического оружия, которое могло бы быть использовано лишь в случае «большой войны». При этом Нитце явно имел в виду тотальную ядерную войну, которая, естественно, обрушилась бы и на территорию США. Таким образом, еще в 60-х годах Нитце развивал идеи, которые были затем использованы правительством Рейгана.

Так, Нитце откровенно заявлял: «Скоро может наступить день, когда мы сможем и будем должны направить значительную часть наших усилий на то, чтобы создать оружие и овладеть тактикой, которые оправдали бы себя в случае ограниченной войны»[19].

Еще более ясно Нитце выразил свою точку зрения, когда заявил: «Если мы будем вовлечены в военные действия, то следует исходить из надежды, что такие действия будут ограниченными по размеру и использованию вооружений. Если обычные вооружения сами по себе не смогут восстановить ситуацию, то в некоторых случаях может потребоваться использование также тактического ядерного оружия»[20]. Нетрудно увидеть, что именно такой подход Нитце к возможности ведения «ограниченной» ядерной войны в Европе лег затем в основу подхода правительства Рейгана к тому, чтобы объявить Европу возможным театром военных действий, в том числе ядерной войны.

Следует напомнить, что Нитце был знаком с последствиями ядерной войны не только по книгам и статьям, но и по личному опыту. В свое время он руководил расследованием последствий применения ядерного нападения США на японские города. Вот почему он в психологическом плане был все-таки более подвержен стремлению достичь соглашения об ограничении ядерного оружия. Как-то его спросили о том, какие чувства он испытывал во время этого расследования. Нитце

ответил: «Я чувствовал, что очень важно сделать все возможное, чтобы это не случилось снова, и вопрос заключается в том, как этого достичь»[21]. Такие настроения объясняют, почему Нитце еще в 1974 году, выступая в конгрессе США, заявил, что «в долгосрочном плане возможно выработать полезное соглашение по контролю над наступательными стратегическими вооружениями»[22].

Встает, однако, вопрос, при каких условиях возможно достижение такого соглашения. Он волнует всех, как русских, так и американцев, как европейцев, так и жителей развивающихся стран. Еще в 1977 году Нитце считал, что такое соглашение будет возможно, если США пойдут на то, что откажутся от многих своих военных систем при условии, что равновеликие сокращения будут произведены и со стороны Советского Союза. Однако уже в 1980 году, с приходом к власти администрации Рейгана, Нитце, по существу, отошел от этих суждений и его взгляды постоянно эволюционировали, сближаясь с взглядами «ястребов». В тех случаях, когда он пытался проявлять самостоятельность, его тут же одергивали и ставили на место. Возможность достижения соглашения с Советским Союзом никого в правящей верхушке США, в лагере рейгановцев не интересовала. И тогда Нитце стал приспосабливаться, особенно ясно это проявилось на переговорах в Женеве по ракетам средней дальности.

Пожалуй, из всех американских представителей, которые вели переговоры с Советским Союзом в Женеве в 1982—1983 годах, Нитце активнее других стремился демонстрировать склонность к поиску компромисса. Но все же и он не верил в искренность советской стороны, считая, что Советский Союз в первую очередь стремится к достижению стратегического превосходства, которое использует в ущерб американским интересам. Все это делало Нитце похожим на известного странного персонажа с раздвоенной личностью из произведения Роберта Стивенсона о добром докторе Джекиле и злодее — мистере Хайде. С одной стороны, Нитце верил в возможность достижения компромисса с Советским Союзом в области ограничения ядерного оружия, и в этом случае в определенной степени проявлялось его здравомыслие, но с другой — все шло прахом, когда он следовал философии устрашения и недоверия к русским. Ведь, действительно, как можно заключить соглашение с теми, в добрую волю которых не веришь, работая на правительство, которое разжигает антисоветскую истерию, стремится торпедировать любые серьезные попытки развития диалога между Советским Союзом и США, в том числе по острейшим проблемам войны и мира.

Показательно, что П. Нитце не останавливался и перед методами прямого шантажа во время женевских переговоров. Так, обращаясь к советским представителям, он говорил: «Если вы не примете наших предложений, то мы окружим вас ракетами «Першинг-2» в первом эшелоне и крылатыми ракетами — во втором, так что вы окажетесь в незавидном положении».

«Подрывники» за работой

ПРОТИВНИКИ РАЗРЯДКИ нередко предпочитают работать за закрытыми дверями. Именно так, тайно, в странах НАТО, особенно в США, разрабатываются концепции в духе «холодной войны» и политики с позиции силы, которые, словно тяжелые шлагбаумы, преграждают пути достижения договоренностей в области сдерживания гонки вооружений и упрочения мира.

Так, в США длительное время, когда в международных отношениях набирала силу разрядка, за кулисами американской официальной политики действовали силы, стремящиеся не допустить взаимоприемлемых соглашений между США и Советским Союзом. Одним из ярких представителей этих сил являлся сенатор Джексон. Он давно приобрел репутацию сторонника «холодной войны» и антисоветчика, когда на протяжении 60-х и 70-х годов постоянно выступал против развития советско-американских отношений. Джексон, например, сделал все, чтобы сорвать развитие советско-американских торговых и экономических связей. Он буквально выбивался из сил, чтобы принизить значение первого договора об ограничении стратегических вооружений и не допустить принятия ОСВ-2.

В своем стремлении подорвать советско-американские отношения Джексон длительное время пользовался услугами Ричарда Перла. Поэтому об образе мышления и политических взглядах, а также неблаговидных приемах, к которым частенько прибегает Р. Перл, стоит поговорить особо, так как он в течение долгого времени занимает важный пост в администрации президента Рейгана — помощника министра обороны США. Нам представляется, что к политическим деятелям, подобным Джексону и Перлу, очень хорошо подходит название «подрывники». Они постоянно подкладывают политические мины под любое возможное соглашение между США и Советским Союзом, между социалистическими странами и странами НАТО.

В своей деятельности они самым тесным образом связаны с военно-промышленным

комплексом, а нередко и с сионистами. Замечено не раз: как только в недрах госдепартамента США начинает вырабатываться какое-либо компромиссное предложение, которое могло бы удовлетворить как Москву, так и Вашингтон, «подрывники» срочно приступают к работе. При этом они действуют и через своих людей в средствах массовой информации.

Отнюдь не случайно, что после прихода к власти Рейгана Перл стал работать в Пентагоне, заняв влиятельный пост помощника Уайнбергера. На этом посту Перл занимался и вопросами советско-американских отношений. Однако итоги деятельности этого американского ультраконсерватора показывают, что он абсолютно ничего не сделал и не пытался сделать для решения проблем советско-американских отношений. Напротив, он методично продолжал линию сенатора Джексона на подрыв советско-американского сотрудничества. Причем, как подчеркивают все, кто знает Перла, он предпочитает оставаться в тени, действуя за кулисами. За Перлом даже закрепилось название «салонного» политика, так как он с явной неохотой идет на то, чтобы публично защищать свои взгляды.

Как только появляются первые проблески в деле достижения советско-американского компромисса, Перл и компания, естественно не без ведома Уайнбергера, организуют очередную «утечку информации», которая попадает на страницы американской печати, телевидения и радио в интерпретации самых реакционных американских обозревателей, таких, например, как Эванс и Новак. Последние поднаторели на умении очернить, дискредитировать любого чиновника госаппарата США и даже политического деятеля крупного калибра, если только они осмелятся выступить за развитие диалога и достижение соглашений с Советским Союзом.

Рассуждая о «свободном обществе», об «открытости» этого общества, «подрывники» тем временем делали все, чтобы не допустить ограничения ядерных, да и обычных вооружений. Они, например, заставили президента Форда поверить в то, что, возможно, окажут ему поддержку в предвыборной президентской кампании или хотя бы сделают атаки на него не столь острыми, если он откажется следовать курсу, который до него проводил президент Никсон. В результате в вопросах ограничения гонки вооружений Дж. Форд поддался шантажу со стороны ультраконсерваторов. «Подрывники» знали, что «Форд будет нервничать в отношении переизбрания», и пришли к выводу, что у них в руках были рычаги для оказания на него давления. Даже из вышесказанного видно, какая мрачная атмосфера царила в Вашингтоне уже в середине 70-х годов, когда дело касалось соглашения, которое является чрезвычайно важным для судеб американского и советского народов, для судеб всего человечества.

О методах деятельности «подрывников» говорит и следующее признание, сделанное бывшим государственным секретарем США Генри Киссинджером. «Когда мне приходилось давать показания перед Джексоном,— отмечает Киссинджер,— то я часто попадал в необычную ситуацию, когда против меня действовали с помощью секретных документов объединенных начальников штабов, которые я никогда не видел в Белом доме»[24]. Киссинджер справедливо назвал действия «подрывников» беспощадными. Подобного рода психологический шантаж в отношении американских дипломатов и политиков, стремящихся к согласию с Советским Союзом, стал в США обычным явлением.

«Подрывники» готовы шантажировать и деловой мир Америки, вернее, тех американских бизнесменов, которые стоят за развитие советско-американских экономических отношений. Когда, например, торговая палата США высказалась против американских санкций, связанных с контрактами в отношении газопровода Сибирь — Западная Европа, то Перл, чувствуя за собой поддержку военно-промышленного комплекса, отозвался об усилиях одного из видных американских бизнесменов Дона Кендалла самым презрительным образом: «Я сомневаюсь,— сказал он,— что найдется хоть один конгрессмен, который изменит свою точку зрения в отношении газопровода из-за заявления, сделанного торговой палатой. Я верю в то, что администрация готова противостоять критике, исходящей из кругов, представляющих узкие экономические интересы...».

Достаточно красноречиво характеризуют Перла высказывания о нем имевших с ним дело людей. Так, один из республиканцев заявил: «Когда работаешь вместе с Ричардом Перлом, то это напоминает улицу с односторонним движением. Ты должен ему только уступать... Он прислушивается только к своему мнению. Для компромисса почти не остается места»[26].

Известно и такое высказывание о Перле близко знающего его человека: «Я думаю, что его взгляды напоминают железобетон... Понимание им контроля над вооружениями сводится к тому, что он должен изменить баланс сил в пользу Соединенных Штатов». И наконец, один из видавших виды сенаторов, долгое время общавшийся с Перлом, следующим образом подытожил свои взгляды о нем:

«Он считает, что мы должны вести гонку вооружений против русских и победить в этом».

И вот люди, подобные Р. Перлу, пришли и находятся ныне в США у власти. Правительство этой страны возглавил человек, целиком разделяющий их подход. Стоит ли поэтому удивляться тому, что правительство Рейгана с помощью таких «ястребов» стало выдвигать перед Советским Союзом предложения, которые никак не могли рассматриваться в качестве основы для переговоров. Именно таким, в частности, стало предложение о «нулевом варианте», которое было направлено на одностороннее разоружение Советского Союза.

Известные американские журналисты Рональд Браун-штейн и Нина Истон, изучив политическое окружение Рейгана, пришли к мнению, что тупиковая ситуация на переговорах в Женеве как раз и была целью, к которой стремились Перл и подобные ему политические деятели в республиканском правительстве. На словах, подчеркивают они, Перл утверждал, что выступает за выработку взаимоприемлемого соглашения вместо «косметических» решений, к которым якобы стремился Киссинджер.

Браунштейн и Истон, однако, подчеркивают, что «Перл выдвигал предложения настолько несбалансированные, чтобы сделать их принятие советской стороной невозможным». Они подчеркивают, что целью подобного рода тактики было стремление угробить переговоры по контролю над разоружением, а затем развернуть в США массированную гонку вооружений, «которая была бы не под силу Советам»[27].

Достаточно ясно о позиции Джексона и Перла высказался П. Уорнке: «Я думаю, что в основном они представляют себе контроль над вооружениями как совершенно одностороннюю акцию: все то, что контролирует другую сторону,— прекрасно, все то, что мешает нам делать то, что мы хотим,— плохо... Поэтому было невозможно договориться о каком-либо соглашении по контролю над вооружениями, которое бы их удовлетворило». И дальше Уорнке вполне резонно замечает: «Основной фундаментальной предпосылкой, на основе которой можно вести переговоры по контролю над вооружениями, является то, что они должны содержать в себе нечто такое, что будет приносить пользу обеим сторонам»[28].

Выступая в марте 1984 года в сенатской комиссии по делам вооруженных сил, Перл пытался доказать, что Советский Союз нарушил чуть ли не все подписанные им договоры — и ОСВ-2, и об ограничении систем ПРО, и международные договоры и соглашения о запрещении химического и биологического оружия. Причину подобных выпадов выдал сам Перл, когда он заявил, что следует помочь Вашингтону «освободиться от своих обязательств по договорам» и что необходимо, чтобы сенаторы утвердили абсолютно все средства, «запрошенные президентом на программу производства стратегических вооружений»[29].

Вот так представители команды «подрывников» понимают ведение дел с Советским Союзом. Причем, подрывая разрядку, они не останавливаются перед тем, чтобы свалить вину за ухудшение обстановки с больной головы на здоровую.

Говорят, что Перл отлично готовит и не раз показывал себя хорошим поваром. Жаль, что он не избрал этой своей основной профессией.

Взгляды военно-политической элиты США

В ФОРМИРОВАНИИ нового политического мышления особое значение имеют взгляды тех людей, которые стоят у власти, вырабатывают основы внешней политики, претворяют ее в жизнь.

Говорят, что войны рождаются в умах людей. Если согласиться с этим, то ясно, что и мир в первую очередь является продуктом человеческого разума. Обращение человечества к здравому смыслу, разуму, поиску согласия о том, как сохранить мир на земле, абсолютно необходимо. Эта аксиома вытекает сегодня из самой природы ядерной войны, которая не пощадила бы ни американцев, ни русских, ни западноевропейцев. Более того, ее страшные последствия пришлось бы испытать и другим народам. Всего этого допустить нельзя.

Вот почему характер мышления политиков и военных, дипломатов и деловых людей, капиталистов и коммунистов, социалистов и социал-демократов, консерваторов и либералов должен интересовать всех нас не меньше, чем цифровые выкладки о численности армий, эффективности различных видов оружия, количестве боеприпасов и многие другие военные факторы, которые объединяются в одно широкое понятие — «военная сила».

В США эту силу возглавляют два крупнейших ведомства: Пентагон и ЦРУ. Собственность Пентагона в США и за рубежом оценивается сегодня в 180 млрд. долл. Это в 3 раза больше, чем собственность таких гигантских монополий, как «Дженерал моторе», «Стандарт ойл оф Нью-

Джерси», «Юнайтед Стэйтс стил», «Америкэн телефон энд телеграф компани» и «Метрополитэн лайф иншурэнс», вместе взятых[30]. На службе у Пентагона занято около 1,5 млн. правительственных чиновников. Многие из них работают и за пределами США. В ведении Пентагона находятся более 6 млн. человек, входящих в состав американских вооруженных сил или в их резерв. Если в 1979 году бюджет Пентагона составлял 119 млрд. долл., то в 1984 он уже подскочил до 253 млрд., а в 1987 году возрастет до 400 млрд. долл. Обслуживанием военных заказов Пентагона в США сегодня занято почти 7 млн. американцев[31].

Пентагон и ЦРУ работают в тесном союзе с влиятельными группами американской финансовой олигархии. Раскручивая гонку вооружений, они обеспечивают им громадные барыши. В этой системе военного механизма есть и скрытые лабиринты, в которых упрятаны многие военные программы. Например, в настоящее время на министерство энергетики США возложена задача развития ядерных вооружений. Кроме того, на Пентагон, ЦРУ и крупнейшие военные монополии в США работают десятки тысяч мелких военных субподрядчиков, которые становятся заинтересованными в наращивании военного производства. Вновь и вновь вспоминаются слова президента Д. Эйзенхауэра, который в минуту откровенности признал растущую опасность Для США «чрезмерного влияния» военно-промышленного комплекса. Бывший генерал был вынужден признать, что влияние милитаристов в Америке «ощущается в каждом городе, в каждом штате, в каждом учреждении федерального правительства»[32]. От себя добавим, что это влияние все сильнее ощущается и в средствах массовой информации.

Практика показывает, что внешняя политика США всегда была подчинена классовым интересам. И хотя может сложиться впечатление, что американской политикой заправляет «правящая элита», состоящая из политиков, высокопоставленных военных, некоторых бизнесменов-миллионеров, на самом деле они представляют собой доверенных лиц крупных монополистических группировок. И как здесь не вспомнить слова В. И. Ленина о том, что «финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества,— вот рельефнейшее проявление этой монополии»[33].

За последние десятилетия финансовая олигархия стала все более тщательно маскировать свою связь с политической элитой. Отношения зависимости уже не выпячиваются на первый план, как это было в конце XIX— начале XX века. Эта зависимость власти политиков от интересов финансовой олигархии обволакивается густой маскировочной сеткой, с тем чтобы представить дело таким образом, будто политическая верхушка США обладает автономией, самостоятельностью суждений, независимостью от правящего класса США — монополистической буржуазии. Но такая свобода действий президента и его окружения является лишь кажущейся, во всяком случае она осуществляется до известных пределов, а в общем и целом детерминирована интересами американского капитала. Некоторые американские авторы пытаются доказать обратное, но выглядит это весьма неубедительно. Зигзаги в американской внешней политике, особенно в отношении Советского Союза, колеблющийся курс то на разрядку с Советским Союзом, то на конфронтацию связаны в первую очередь с тем, как американская олигархия и подчиненные ей политики понимают американские интересы на международной арене. Когда этот анализ приближается к реалистическому, когда учитывается реальное соотношение сил на мировой арене, когда осознаются пределы американской финансово-экономической и военной силы, тогда мы видим более сбалансированную американскую внешнюю политику. Такие проявления во внешней политике США наблюдались неоднократно, например в последние годы президентства Эйзенхауэра, в последний год жизни Дж. Кеннеди, в политике администрации Никсона.

При оценке соотношения сил в мире среди тех, кто определяет внешнюю политику США, нет полного единодушия. Многие из них склонны преуменьшать, недооценивать и делать ошибочные выводы в отношении экономических и научно-технических возможностей Советского Союза и социалистического содружества в целом. Именно эти деятели стремятся навязать США отнюдь не идеологическое противоборство с Советским Союзом. Они откровенно считают, что советская экономика не выдержит соревнования с американской в гонке вооружений в условиях силовой конфронтации. Это, конечно, иллюзия, но чрезвычайно опасная. Причем здесь налицо и обратная связь, когда заметно явное влияние концепций и доктрин устрашения и конфронтации, вырабатываемых буржуазными политиками, учеными и военными, на представителей финансовой олигархии.

Определенный классовыми интересами социальный заказ финансовой олигархии — победить

в соревновании с социализмом — создает, таким образом, основу философии устрашения, которая вырабатывается и насаждается военно-политической элитой. При этом нередко складывается ситуация, когда советы и рекомендации политической элиты оказываются ошибочными, но все-таки как бы по инерции принимаются на веру финансовой олигархией. Тогда они уже начинают подрывать ее собственные широкие интересы.

Что мы имеем в виду под широкими интересами? Они связаны для капиталистов прежде всего с выживанием их собственной системы в ядерный век. Вот этого финансовая олигархия США, уж слишком слепо полагающаяся на суждения политиков и военных, часто не понимает. Питаясь ложными представлениями о социализме, о его потенциальных возможностях, она в определенной степени становится жертвой опасных теорий, которые могут удовлетворять разве лишь узкие военно-промышленные интересы.

Да, политика конфронтации с Советским Союзом, странами социализма идет на пользу военно-промышленному комплексу. Можно, однако, смело утверждать, что на пользу всей капиталистической системе США, всем слоям финансовой олигархии такая конфронтация в ядерный век не идет, так как ставит под вопрос, делает все более проблематичной выживание самого капиталистического строя в ядерный век. Философия устрашения так же опасна для финансовой олигархии США, как и Для любого американского гражданина. Над этим многим американским деловым людям, так же как и представителям западноевропейского бизнеса, стоило бы задуматься самым серьезным образом.

Процесс формирования политической элиты в США в настоящее время привел к тому, что интересы калифорнийской группы промышленников и финансистов получили в Вашингтоне доминирующее влияние. Утеря Уолл-стритом решающего влияния на формирование политики правительства США и особенно Пентагона дает о себе знать. «Америка сегодня находится в Калифорнии», — отмечают многие западные обозреватели. И, похоже, это правда.

Трудно сказать, как долго продлится ситуация, когда у руля государственной власти стоят ультраконсерваторы. Не обладая достаточным внешнеполитическим опытом, плохо себе представляя последствия ядерной войны, они повернули американскую внешнюю политику на военную тропу, что чревато трагическими последствиями.

Для укрепления своей внешнеполитической платформы нынешняя администрация США использует разные методы. Одним из них является широкая пропаганда своих позиций через средства массовой информации. Для этого, в частности, используются издания, специально рассчитанные на деловой мир. Эта пропаганда не оставляет без внимания и руководителей других государств.

В качестве примера такой специальной политической обработки можно привести выступления Рейгана и других высокопоставленных представителей американской администрации в сравнительно малоизвестном в широких кругах читателей Запада американском журнале «Лидере». Этот журнал издается ежеквартально и рассылается, как отмечают его редакторы, «выдающимся мировым лидерам». Его распространение при этом строго лимитировано, и для того, чтобы получать «Лидере», как объявляют его редакторы, необходимо быть руководителем государства, международной компании, религиозным лидером, руководителем международного института, нобелевским лауреатом или видным деятелем в области науки и искусства. Подписка на журнал не объявляется. В одном из последних номеров журнала в качестве его кредо была приведена приписываемая африканскому народу ашанти пословица: «Если бы сила продавалась, то можно было бы продать и собственную мать для того, чтобы эту силу купить. Вы всегда могли бы выкупить свою мать обратно»[34].

Подоплека использования этой поговорки становится понятной, когда мы откроем этот журнал. Здесь мы находим пространное изложение внешнеполитической стратегии правительства Рейгана, объяснения таких людей, как министр обороны США Каспар Уайнбергер и директор ЦРУ Уильям Кейси, а также американской военной верхушки, касающиеся необходимости развертывания очередного витка гонки вооружений. При этом приводится аргументация весьма примитивная, но интересная хотя бы тем, что она предназначена для политических лидеров и деловых людей капиталистического мира.

В своем обращении к читателям президент Рейган, например, убеждает их в том, что американская политика преследует цель «открытой защиты мира». При этом он не имеет в виду мир как отсутствие войны; подразумевается земной шар. Философия Рейгана, вытекающая из этого его обращения, предельно проста, она сводится к следующему. Миру угрожают тоталитаризм и терроризм. Нельзя игнорировать эти опасности, нельзя обеспечить безопасность, если тебя

дезинформируют. Нельзя проявлять слабость и отказываться от бремени лидерства. Следует реалистически оценивать глобальную ситуацию, принимая во внимание глубокие изменения, которые произошли в международном сообществе и военном балансе сил за последние несколько десятилетий. Только осознавая проблемы, встающие перед Америкой, можно уверенно, на основе непоколебимого согласия, обеспечить достаточную оборону для поддержания американской свободы, независимости и безопасности в этот опасный период мировой истории[35].

Такие общие рассуждения Рейгана сами по себе мало что значат. И все же характерно, что в его высказываниях нет ни одного слова о стремлении правительства США к миру, международному сотрудничеству, достижению взаимоприемлемых компромиссов, отказу от угрозы ядерной войны. Правда, не говорится в этом заявлении и о стремлении США к достижению военного превосходства над Советским Союзом, хотя хорошо известно, что эта цель стала основной в период президентства Рейгана.

Расплывчатые предложения Рейгана получают, однако, весьма четкие разъяснения от его ближайшего окружения. Так, Каспар Уайнбергер, разъясняя цели военной политики США, говорит: «Цели нашей политики национальной безопасности оставались сравнительно постоянными — предотвратить войну, защитить себя и наших союзников и отстоять наши жизненные интересы. За последние годы степень угрозы драматически изменилась. В течение последних двух десятилетий Советский Союз непрерывно аккумулировал громадную военную мощь, в то время как США ограничивали свои военные расходы до такого уровня, когда расходы на оборону в течение 70-х годов в реальных ценах практически снизились»[36]. Это высказывание Уайнбергера, конечно, не более чем обман. В своих дальнейших рассуждениях он сам выносит им такой вердикт. «В конечном счете, — заявляет он, — Советы свели на нет ядерное превосходство США»[37]. После этого признания все его разглагольствования об опасном изменении глобального соотношения военных сил выглядят крайне неубедительно. Совершенно не соответствующим действительности является и его утверждение, что в 70-х годах США якобы не наращивали свою военную мощь. В том-то и дело, что Советский Союз свел на нет ядерное превосходство США в условиях, когда с их стороны осуществлялось широкое наращивание военной, ядерной мощи.

Но еще более удивительными являются утверждения г-на Уайнбергера о трех постоянных принципах военной политики США. Ход его рассуждений следующий.

Во-первых, заявляет Уайнбергер, «наша стратегия является оборонительной. США никогда не начинают войны, а это означает, что мы уступаем нашим потенциальным противникам преимущество внезапных действий и возможность выбирать время и место конфликта. В результате наши силы должны поддерживаться в состоянии готовности; наши командные пункты, средства контроля, связи и разведки должны быть гибкими и прочными; мы должны обладать возможностью быстрой мобилизации»[38]. Это, конечно, поразительное заявление. Оно, очевидно, рассчитано на тех, кого шеф Пентагона стремится убедить в искренности своих высказываний, но оно не может приниматься на веру теми, кто судит не по словам, а по делам.

Советские люди знают цену подобным заявлениям. Уже длительное время США проводят политику окружения Советского Союза, социалистических стран американскими военными базами и опорными пунктами, расположенными вблизи от советских границ. Общеизвестно также, что правительства США неоднократно строили планы нападения на Советский Союз. Под давлением администрации Рейгана НАТО приняло решение разместить в Западной Европе оружие первого удара — ракеты «Першинг-2» и крылатые ракеты. Спрашивается, разве такая военная стратегия может рассматриваться советскими людьми как оборонительная? А что касается утверждения Уайнбергера о том, что США никогда не начинают войны, то и оно не выдерживает никакой критики. Разве не США напали на Вьетнам, Доминиканскую Республику, Кубу, Гренаду? Эти примеры можно было бы продолжить. Разве не они сколотили НАТО, в то время как в Восточной Европе не было никакого военного блока? Разве не американские правительства систематически являлись инициаторами создания новых, отнюдь не оборонительных, средств массового уничтожения людей? Разве не правительство Рейгана отказывается взять на себя обязательство не применять ядерное оружие первым? Подобного рода вопросы можно было бы продолжить, но в этом нет необходимости, так как и сказанного достаточно для того, чтобы сделать правильные выводы.

«Вторым принципом американской военной стратегии, — заявляет Уайнбергер, — является предотвращение войны»[39]. Сама по себе цель, конечно, здравая, но как же ее думает достичь американский министр? Оказывается, очень просто. Для этого, заявляет он, «мы нуждаемся в сильных и жизнеспособных ядерных и обычных силах, которые убедили бы любого потенциального

противника в том, что цена агрессии была бы слишком высока». Как мы видим, мышление Уайнбергера заковано в броню силового подхода. Следуя ему, он далее пространно рассуждает о необходимости для США продолжать гонку вооружений, как молитву повторяет слова о том, что «Америке противостоит мощное и точное советское ядерное оружие»[40]. Основными компонентами гонки вооружений объявляются модернизация и производство ракет «MX», подводных лодок-ракетоносцев «Трайдент», бомбардировщика «B-1», ракет «Першинг-2» и крылатых ракет. Именно такая политика гонки вооружений рассматривается Уайнбергером как «восстановление обороны Америки». Он призывает не поддаваться соблазну отхода от политики гонки вооружений, прямо заявляет, что нужно и дальше придерживаться твердого курса на развертывание новых систем оружия. В этом, как он считает, и состоит «разумный курс по поддержанию мира»[41].

Не менее абсурден третий принцип американской военной политики, проповедуемой Уайнбергером. «Если сдерживающее средство не сработает,— заявляет он,— то наша стратегия в этом случае будет заключаться в том, чтобы восстановить мир на выгодных условиях»[42].

Фактически Уайнбергер призывает восстановить ядерное превосходство США, поскольку только тогда, уверяет он, Америка будет находиться в безопасности. Характерно, что в этих рассуждениях полностью игнорируются интересы безопасности других стран. Отсутствует в них и понимание того, что безопасность США в большей степени зависит от договоренностей с Советским Союзом, чем от ввода в строй новых американских ядерных ракет. Появление последних вызовет лишь ответную реакцию другой стороны, и в результате уровень военного противостояния станет еще выше, вместе с ним возрастет и опасность ядерной войны.

Философия устрашения активно навязывается американскому и западноевропейскому общественному мнению и директором ЦРУ У. Кейси. Свою статью, обращенную к деловому миру и ведущим политическим деятелям, он так и озаглавил: «Угроза». Поставив все с ног на голову, Кейси в пропагандистском угаре обвиняет Советский Союз в «ползучем империализме»[43]. Москва, оказывается, проводит «подрывную политику», использует терроризм и восстания для того, чтобы «расширять советское влияние, дестабилизировать и свергать правительства»[44].

Попугав американцев и западноевропейцев сказками о «советской угрозе», Кейси затем старается успокоить их, заявляя, что «соотношение сил не во всем складывается благоприятно для Советов». Не остаются без его внимания и руководители освободившихся государств. «Большинство лидеров третьего мира,— пишет Кейси,— ошибочно полагают, что они смогут получать от СССР и его друзей то, что им дают, не попадая при этом в слишком крепкие объятия русского медведя»[45]. Можно ли от людей с таким образом мышления ожидать каких-либо серьезных предложений по достижению разумных компромиссов между СССР и США? Философия мира им просто не знакома. Философия устрашения — вот их конек.

Если президент Рейган и его министры, по сути, занимают обструкционистскую позицию в отношении всех реалистических шагов в области ограничения вооружений, то чего же тогда ожидать от военной верхушки. Характерной в этом смысле является фигура председателя объединенного комитета начальников штабов США генерала Весси.

Вот что он заявил в одном из своих выступлений: «Основной целью военной стратегии США является обеспечение безопасности путем предотвращения войны. Мы, военные, занимаемся делом укрепления мира». Однако вскоре генерал переходит на ястребиный клекот. Весь пропагандистский пыл своих высказываний Весси направляет на то, чтобы ввести всех в заблуждение, убедить в том, что Советский Союз создает «военную машину», которая не оправдывается «законными нуждами обороны». Генерала волнует оборона Советского Союза лишь постольку, поскольку ему необходимо оправдать политику создания Соединенными Штатами выдвинутых далеко к советским границам американских военных баз.

Весси признает, что Америка живет в изменяющемся мире, что в последней четверти **XX** века перед ней на международной арене возникла «масса неопределенностей». Но он тут же стремится успокоить своих соотечественников: «У Соединенных Штатов нет причин бояться будущего. Наши войска сильны и становятся все сильнее». Генерал призывает использовать все новые достижения техники для увеличения эффективности американских военных сил. А для того, чтобы придать всем этим рассуждениям в милитаристском духе больший вес, генерал ссылается на высказывание президента США Джорджа Вашингтона, заявившего почти двести лет. тому назад: «Если мы стремимся обеспечить мир, то все должны знать, что мы постоянно готовы к войне»[46]. В таком же духе американские военные выступали еще в конце 40-х годов, считая, что с помощью атомной бомбы США смогут использовать философию устрашения для навязывания Советскому Союзу

послевоенного устройства мира на американских условиях. Этой же философии американская военщина придерживается и сегодня.

В единой упряжке с Весси выступает и верховный главнокомандующий войсками НАТО в Европе американский генерал Бернард Роджерс. В своих речах он постоянно подчеркивает, что «сильная оборона необходима НАТО для поддержания мира», и в то же время голословно Утверждает, что военные возможности Советского Союза «далеко превосходят всякие разумные нужды обороны»[47]. Просто удивительно, до чего точно американские генералы знают разумные нужды обороны тех, кого они окружают военными базами.

В последнее время генерал Роджерс пытается доказать, что для сохранения мира в Европе необходимо развивать не только ядерные, но и обычные вооружения НАТО. Это, по его словам, нужно для того, чтобы «восстановить на более широкой основе способность сдерживания, которое невозможно обеспечить ядерным оружием».

В своих выступлениях Роджерс часто использует слова «агрессор», «агрессия», которые совершенно определенно относит к Советскому Союзу, странам Варшавского Договора. Налицо, таким образом, попытка запугать западноевропейскую и американскую общественность мифом о советской угрозе.

Выступая 16 марта 1984 г. в Осло на симпозиуме Североатлантического блока, Б. Роджерс ратовал за сохранение в НАТО доктрины, предусматривающей применение ядерного оружия первым.

Если проанализировать высказывания министра военно-морского флота США Джона Лемана, то в них нет абсолютно ни грана нового мышления в ядерный век. В отличие от некоторых американских политиков и дипломатов, Леман свое мнение выкладывает прямо и откровенно: «США находятся на пути к превосходству на морях и океанах. Секрет успеха в достижении этой цели заключается в постоянстве наших усилий. Я уверен, что мы достигнем этого»[48].

Не менее откровенно военно-морской министр США излагает и агрессивные планы выдвижения американских военных сил к границам Советского Союза. «Американская военная стратегия, в том числе на морях и океанах, — заявляет он, — это стратегия передовой обороны». И действительно, не только на словах, но и на деле Пентагон проводит политику размещения американских средств передового базирования как можно ближе к границам Советского Союза. Леман обеими руками за такую стратегию, поскольку, уверяет он, именно она может обеспечить успех, причем не только на морях и океанах. Наращивание американских военно-морских сил в Тихом и Индийском океанах, использование всех военных баз США и их союзников — вот что, по мнению Лемана, «обеспечивает ясную стратегию успеха»[49].

Леман патетически восклицает, что его, видите ли, приводят в изумление достижения Советского Союза в укреплении своих военно-морских сил. «Советский военно-морской флот,— заявляет он, — действует сегодня в глобальном масштабе». Странное открытие! Советский Союз давно является мировой морской державой и вынужден держать свои военно-морские силы в Тихом, Индийском океанах и Средиземном море из-за того, что там находятся армады военных кораблей США с ядерным оружием на борту, нацеленным на Советский Союз и его союзников. Американские ВМС представляют постоянную реальную угрозу и не раз использовались для оказания давления и осуществления прямых интервенций.

При оценке этой ситуации нельзя забывать и о том, что Советский Союз давно предлагает договориться о конкретных мерах, касающихся взаимного ограничения деятельности военно-морских флотов, ограничения и сокращения военно-морских вооружений, а также соответствующих мер доверия как в целом, так и по отдельным районам. Разве это не известно военно-морскому министру США? Безусловно, известно.

Но дело в том, что правительство Рейгана и американская военщина в расчете на приобретение всестороннего военного превосходства начали новый раунд гонки военно-морских вооружений. Увеличивается постоянное военно-морское присутствие США в различных районах Мирового океана, расширяется базовая инфраструктура его обеспечения.

Правительство США отказывается также от прекращения развертывания новых систем оружия на морях и океанах. Хорошо известно, что на XXVI съезде КПСС советское руководство выдвинуло предложение, чтобы США и СССР отказались от создания новых, более мощных атомных подводных лодок типа «Огайо» и «Тайфун». Американская военщина от этого не только не отказалась, но и продолжает ускоренными темпами развертывать строительство подводных лодок типа «Огайо». Советский Союз, естественно, вынужден отвечать на это, совершенствуя свой

подводный флот. В духе милитаристских заявлений американской военщины высказываются и представители военно-промышленного комплекса.

В свое время одному из авторов этой книги, Анатолию Громыко, довелось встречаться с руководителем печально известной американской компании «Макдоннелл-Дуглас». На обеде, устроенном по случаю окончания в американском городе Сент-Луис конференции на тему о том, как укреплять мир, ООН и развивать советско-американские отношения, он убеждал, что «выступает за мир». Характерно, что, рассуждая о мире и стремлении предотвратить войну, Макдоннелл при этом всячески оправдывал наращивание военного производства в США, в частности выпуск самолетов «Фантом», которые делала его компания. В качестве некоего оправдательного аргумента он сообщил, что «Макдоннелл-Дуглас» кроме вооружений производит и мирную продукцию. Истинные симпатии этого «ястреба», однако, можно было распознать даже по такому, на первый взгляд незначительному, наблюдению. Молоко он попивал из стакана, на котором были прорисованы контуры различных типов «Фантома», сеявшего смерть во Вьетнаме и на Ближнем Востоке. Нет, не мирная продукция услаждала взор этого представителя военно-промышленного комплекса.

В 1983 году преемник Макдоннелла-старшего — С. Макдоннелл выступил со статьей, в которой ратовал за наращивание гонки вооружений. Больше всего его волнует то, что в США многие американцы выступают против разбазаривания долларов на новые системы оружия.

Особенно резко С. Макдоннелл критикует взгляды тех американцев, которые считают, что многие издания США поддерживают все начинания и программы военно-промышленного комплекса, поскольку «находятся под каблуком у военно-промышленного комплекса, который стремится расходовать все больше и больше денег на все меньшую и меньшую огневую мощь». Макдоннелл приводит неопровержимые, на его взгляд, факты, которые свидетельствуют об обратном.

Стремление к производству новых систем оружия настолько укоренилось в сознании определенной группы американских промышленников, что они не в состоянии мыслить категориями ограничения военной мощи и, тем более, отказа от производства новых систем оружия. К ним относится и С. Макдоннелл. Отражая типичные для представителей военно-промышленного комплекса взгляды, он считает, что на вооружении США должны быть как сравнительно простые системы оружия, так и самые современные, самые совершенные — для того чтобы «иметь возможность отразить потенциальные угрозы».

Оправдывая производство новых, чрезвычайно дорогостоящих американских военных самолетов, Макдоннелл похваляется их военно-техническими характеристиками, которые намного превосходят прежние модели. Например, он вовсю рекламирует американский военный самолет «F-15», который объявляется «оружием превосходства». Так что и здесь, как мы видим, все мысли американского промышленника вращаются вокруг идеи превосходства над другой стороной.

Философия гонки вооружений — кредо таких людей, как Макдоннелл. Он призывает «свободный мир» поменьше задумываться над экономией средств. «Люди должны понять,— изрекает Макдоннелл,— что давно прошли те дни, когда только численность являлась решающим элементом военных действий. Они должны понять, что ставка на менее развитую технологию необязательно означает сбережение средств. Обо всем этом надо сказать. Обо всем этом надо знать». И опять мы видим ту же навязчивую идею, что Америка может полагаться только на военную силу, новейшую военную технологию, другими словами — на мускулы. И не случайно в рассуждениях людей, подобных С. Макдоннеллу, нет ни слова о поисках компромисса с СССР. Философия мира им, увы, чужда. Она может быть выработана только в борьбе с философами и практиками устрашения.

К сожалению, взгляды, подобные тем, что высказывают и проводят в жизнь господа Уайнбергер, Кейси, Весси, Роджерс, Леман, Макдоннелл,— это не взгляды индивидуумов, оригинальных умов. Это скорее мнение своего рода корпорации: военно-промышленный комплекс — Пентагон — ЦРУ. В условиях, когда президент США ей во всем потакает, а деловой мир Америки и Западной Европы, не связанный непосредственно с производством оружия, находится в сладкой дреме, сон разума рождает чудовищную милитаристскую политику. Именно поэтому она и сталкивается с сопротивлением сотен миллионов людей, выступающих за сохранение человеческой цивилизации во всем ее разнообразии и естественном историческом развитии, в условиях мира и безопасности для всех.

Часть вторая

ЧАС ИСТИНЫ ИЛИ НЕОТВРАТИМОСТЬ РАСПЛАТЫ

НАВИСШАЯ НАД ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ угроза ядерной войны как бы оттесняет на второй план другие глобальные проблемы*, не всегда и не всем позволяет осознать всю их остроту, которая нарастает с каждым десятилетием, угрожая всему миру труднопредсказуемыми бедами и конфликтами. Среди них — углубляющаяся пропасть

* Понятие «глобальные проблемы» сравнительно новое в научной и публицистической литературе. Советская наука глобальным проблемам, их сущности и значению для нынешнего и будущего развития мира уделяет значительное внимание. См., например, **Загладим В. В., Фролов И. Т.** Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М., 1981; **Шахназаров Г.Х.** Грядущий миропорядок. М., 1981; **Гвишиани** Д. Глобальные проблемы и глобальное моделирование.— Мировая экономика и международные отношения, 1979, № 3; **Федоров Е., Федоров Ю.** Глобальные проблемы современности и разоружение.— Мировая экономика и международные отношения, 1979, № 1 и другие работы. Существуют разные определения понятия «глобальные проблемы». На наш взгляд, это проблемы, затрагивающие жизненно важные интересы всего человечества и требующие объединенных усилий для их решения.

между развитыми и развивающимися странами, возрастающие нарушения экологического баланса. Конечно, гонка вооружений, тем более ядерных,— самая опасная из глобальных проблем. Прежде всего потому, что она грозит уничтожением всему роду людскому, а возможно, и всей жизни на Земле. Но если и не случится самого худшего, ядерный марафон, если его не остановить, в конце концов загонит человечество в тупик, ибо истощит все его силы и средства, необходимые для решения других острых проблем.

Вопрос стоит так: либо наступит час истины, когда человечество осознает всю гибельность нависших над ним бед и совместными усилиями найдет пути к их устранению, либо его ждет неотвратимая расплата. По существу, это вопрос нашего отношения к будущему через наши действия в настоящем.

В этом вопросе сталкиваются два подхода, два принципиально разных курса в международной политике: курс на конфронтацию и «холодную войну», проводимый агрессивными силами международного империализма, и курс на международное сотрудничество и разрядку, который отстаивает социалистическое содружество.

Марксистско-ленинская наука утверждает оптимистическое отношение к будущему. И это не бодрячество, не напускной оптимизм, а научно обоснованная вера в необходимость и возможность преобразования мира и международных отношений через сознательную деятельность людей с целью обеспечения наиболее благоприятных условий для жизни и прогресса человечества.

На XXVI съезде КПСС, на всех последующих пленумах ЦК КПСС Советский Союз подтверждал свою принципиальную приверженность курсу на мирное сосуществование государств с различным социально-экономическим строем как единственно разумную альтернативу развития человечества. Каждый непредубежденный человек видит в непоколебимой последовательности миролюбивой политики СССР важнейший фактор поддержания мира и международной стабильности, фактор надежды на то, что удастся найти выход из лабиринта сложнейших проблем.

Выступая на февральском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС, К. У. Черненко сказал: «Советский Союз как великая социалистическая держава полностью сознает свою ответственность перед народами за сохранение и укрепление мира. Мы открыты для мирного взаимовыгодного сотрудничества с государствами всех континентов. Мы за мирное решение всех спорных международных проблем путем серьезных, равноправных, конструктивных переговоров. СССР будет в полной мере взаимодействовать со всеми государствами, которые готовы практическими делами помогать уменьшению международной напряженности, создавать в мире атмосферу доверия. И мы считаем, что в этих же целях должны быть в полной мере использованы все имеющиеся рычаги, включая, конечно, и такой, как Организация Объединенных Наций, которая и создана была для сохранения и укрепления мира»[1].

К. У. Черненко не случайно высказал авторитетные слова поддержки в адрес ООН. Высший форум международного сообщества в последние годы подвергается усиливающимся нападкам со стороны тех сил, которые не заинтересованы в общих усилиях по сохранению мира и международном сотрудничестве во имя решения глобальных проблем на демократической и справедливой основе. А ведь именно в ООН, где неуклонно растет вес социалистических и молодых независимых государств, все большую поддержку находят принципы нового мышления в ядерную

эпоху, в том числе признание растущей опасности ядерной войны и разорительных последствий гонки вооружений. В докладе генерального секретаря ООН Хавьера Переса де Куэльяра говорится, что военные расходы в мире за четыре года (1978— 1982 гг.) между первой и второй специальными сессиями Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению возросли почти вдвое (с 350 до 600 млрд. долл.). Пятая часть всех военных расходов идет на наращивание ядерного оружия[2]. И это несмотря на то, что уже существующих его запасов столько, что они по совокупной мощности соответствуют двум миллионам бомб, равных хиросимской.

На Западе оружие не просто копят. Им торгуют. В те же четыре года международная торговля оружием достигла в стоимостном выражении объема в 120—140 млрд. долл. Причем 2/3 этой суммы приходятся на продажу оружия в развивающиеся страны. А ведь именно там произошли все вооруженные конфликты, имевшие место в мире после второй мировой войны.

Если не остановить этот гигантский марафон вооружений, то к концу столетия военные расходы в мире превысят сумму в 1000 млрд. долл. Казалось бы, безумие гонки вооружений настолько очевидно, что должно вызвать единодушный протест общественности и заставить государственных деятелей предпринять неотложные шаги по ограничению и сокращению вооружений. Однако в политическом мышлении правящих кругов многих государств продолжает превалировать тезис о том, что путь к безопасности лежит через наращивание вооружений.

Глава 5

МИЛИТАРИСТСКИЙ АМОК ИЛИ ПСИХОЛОГИЯ МИРА?

НАЧИНАЯ С МОМЕНТА СОЗДАНИЯ первой атомной бомбы, через все этапы принятия на вооружение новых систем ядерного оружия, кончая самой последней идеей Рейгана — Теллера о создании космического оружия, ядерная гонка на Западе оправдывается заботой о сохранении мира. Благодаря соответствующей пропагандистской обработке населения насаждается опасная психология «мира под ядерным зонтиком». До сих пор широко распространены взгляды, что ни один государственный руководитель не начнет ядерную войну. Иные утверждают даже, что столь долгому периоду мира Европа обязана атомной бомбе. А если и признают опасность возникновения ядерной войны, то усматривают ее прежде всего в случайности или ошибке.

Подобное мышление не столь безобидно, как может показаться на первый взгляд. «Такое отношение в значительной степени затрудняет усилия общественности создать политическое движение, необходимое для того, чтобы оказать давление с целью остановить гонку вооружений,— отмечается в докладе Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности под председательством Улофа Пальме.— Если люди не верят в возможность возникновения ядерной войны, зачем они должны беспокоиться и предпринимать согласованные действия, чтобы изменить существующую практику?»[3].

Еще большую опасность представляют попытки оправдать возможность ведения «ограниченных» и даже «затяжных» ядерных войн и достижения победы в них. Именно здесь проходит четкий водораздел между старым и новым мышлением. Проходит он и в среде политиков, ученых, работников средств массовой информации.

Люди, обладающие развитым чувством ответственности за судьбы мира, рано или поздно приходят к признанию гибельного для цивилизации характера ядерной гонки. Показательна в этом отношении эволюция взглядов почетного профессора Гарвардского университета Джорджа Кистяковского, принимавшего участие в проекте «Манхэттен», а в начале 60-х годов занимавшего пост советника президента США по науке. По его собственному признанию, после второй мировой войны он был искренне убежден, что Советский Союз стремится к завоеванию мирового господства. Но затем, находясь в самой гуще политической жизни, присутствуя на заседаниях совета национальной безопасности США, он пришел к убеждению, что растущий арсенал ядерного оружия превращается в подлинное бедствие и для США, и для всего мира, и стал решительно выступать за ядерное разоружение, отстаивая тезис о том, что в ядерной войне победителей быть не может.

В своих воспоминаниях[4] Дж. Кистяковский признает, что и он сам, и президент Эйзенхауэр пришли к выводу об огромной опасности милитаризации страны, растущего влияния военно-промышленного комплекса. Этот комплекс с самого начала оказывал сильное давление на ученых, занятых в области ядерных исследований. Одних к сотрудничеству с Пентагоном привлекали высокими ставками, других — выгодными заказами. Те же, кто не желал работать на Пентагон,— и об этом тоже свидетельствует Дж. Кистяковский — несли чувствительные материальные потери.

Дело, однако, не ограничивалось материальным ущербом. Ученых, выражавших несогласие или критику в отношении дальнейшего наращивания ядерного оружия, подвергали преследованиям и травле. Многие факты, подтверждающие это и бывшие до недавнего времени секретными, вскрыл в конце 1983 года американский журнал «Прогрессив».

Как свидетельствуют документы из архива ФБР, в 1949 году, когда президент Трумэн объявил американцам, что они утратили атомную монополию, в верхних эшелонах власти США начались продолжительные дискуссии по поводу линии дальнейшего поведения. Столкнулись два подхода: сторонники первого предлагали серьезные переговоры с Советским Союзом и запрещение водородной бомбы. Вторые требовали ее создания и увеличения в 4 раза военного бюджета. Как это часто бывало (и происходит сейчас), победили сторонники дальнейшего наращивания вооружений. Об этом стало ясно из заявления Трумэна от 31 января 1950 г.

Для выполнения программы создания водородной бомбы необходимо было сотрудничество крупных ученых-физиков. Но многие видные американские ученые, занятые в области ядерных исследований, выступали против создания водородной бомбы. И тогда директор ФБР Эдгар Гувер дал указание установить слежку за учеными, которых в Пентагоне и Белом доме посчитали недостойным доверия «сборищем сумасшедших». Под предлогом борьбы с атомным шпионажем весной 1950 года ФБР начало широкую «охоту за ведьмами» среди ученых и технических специалистов. В числе подозреваемых, согласно документам ФБР, были такие знаменитые

специалисты в области ядерной физики, как Ганс Бете, Виктор Вейскопф, Филип Морисон, Роберт Маршак, Джозеф Кеннеди, Сирил Смит, Станислав Улам, Роберт Сербер, Джордж Кистяковский и др. Не пользовались доверием и директор научно-исследовательского института Принстонского университета Роберт Оппенгеймер и ряд его коллег.

Показательно, что ни в одном из документов ФБР нет доказательств какой-либо противозаконной деятельности этих ученых, не говоря уже о шпионаже. Однако если кто-либо из них совершал поездку в страны Восточной Европы, имел там родственников или же высказывал опасные, по представлению ФБР, мнения, этого оказывалось достаточно для их занесения в список подозрительных лиц.

В докладной записке ФБР о Гансе Бете, в частности, отмечалось, что он написал главу в книге «Один мир или никакого», подготовленной Федерацией американских ученых. «Целью этой книги,— говорилось в документе ФБР,— было... предупредить общественность о том, что всемирный контроль над атомной энергией необходим для выживания человечества»[5].

Таким образом, даже констатация, казалось бы, бесспорной мысли приравнивалась к опасному инакомыслию.

Не стоит удивляться этому, следует учесть, что в Америке 50-х годов были раздуты невероятные антикоммунистическая истерия и шпиономания. Показательно в этой связи, что, когда ученых Джулиуса и Этель Розенбергов приговорили к казни по сфабрикованному обвинению в похищении секретных сведений об атомной бомбе, единственным ученым, активно выступившим в их защиту, был лауреат Нобелевской премии Гарольд Юри. 12 июня 1953 г., за неделю до того, как Розенберги были казнены на электрическом стуле, Г. Юри направил президенту Эйзенхауэру телеграмму, в которой говорилось: «Сейчас новые факты еще нагляднее показывают то, что было очевидным и прежде: доводы обвинения лишены логики, и оно полагается на раздувание заведомо ложных свидетельских показаний»[6].

Г. Юри не получил никакого ответа ни от президента, ни от министра юстиции, однако сам стал объектом преследований и подвергся проверке ФБР на лояльность. В августе 1953 года ФБР начало расследование дела, основанного на «утверждении о том, что Юри снабжал одного французского коммуниста информацией относительно прогресса в атомных исследованиях США»[7]. Только более чем год спустя ФБР пришло к выводу, что это утверждение ничем не подкрепляется, но полностью подозрения так и не были сняты.

Вся эта история свидетельствует о том, что в 50-е годы в США свирепствовал маккартизм, в условиях которого даже ученые с мировым именем не могли свободно выражать свои взгляды и убеждения, не подвергая свою жизнь реальной угрозе. Разжигание настроений антикоммунизма и антисоветизма внутри страны было внутренним фронтом «холодной войны». Чтобы поддерживать в сознании народа конкретный образ вездесущего и коварного внешнего врага, искали «агентов Москвы» и шпионов, нагнетали подозрительность и страхи. Каток военно-промышленного комплекса давил малейшие ростки гражданского протеста против бессмысленной и опасной гонки вооружений.

Самое тревожное, что история повторяется. Взятый администрацией Рейгана в начале 80-х годов курс на Достижение военного превосходства сопровождается Ужесточением борьбы против внутренней оппозиции, в первую очередь против антивоенного движения. Как некогда в 50-е годы, представители администрации, включая и самого президента, не считают абсурдным видеть во всем «руку Москвы». И снова одергивают ученых, осмеливающихся выступать против наращивания гонки ядерных вооружений, и всячески поддерживают тех из них, кто, подобно «отцу» водородной бомбы Эдварду Теллеру, в одной упряжке с администрацией ратует за ее продолжение. Эдвард Теллер говорит то, что хотят услышать в Белом доме: ядерная война не означает конца света, в ней можно выжить и победить. А те, кто придерживается противной точки зрения,— или наивные люди, ставшие жертвой коммунистической пропаганды, или паникеры.

Тот факт, что администрация Рейгана раздраженно реагировала на телевизионный фильм «На следующий день», премьера которого состоялась в США 20 ноября 1983 г., подвергла его, по существу, цензуре и сокращению, а затем поспешила приглушить его шокирующее воздействие на американскую общественность, свидетельствует лишь об одном: те, кто стоит у власти в США, не хотят, чтобы страна взглянула в глаза правде ужаса. И весьма симптоматично, что телекомпании Эй-би-си, которая вложила 7 млн. долл. в производство фильма, не удалось продать время для рекламных роликов несмотря на то, что фильм обещал привлечь к себе огромное число зрителей.

Премьера телефильма «На следующий день», рассказывающего о том, что произойдет с

Америкой в случае начала ядерной войны, состоялась в Лоренсе (штат Канзас), где снимался фильм. Как сообщала пресса, во время сеансов в зале царила гнетущая тишина.

Пожар ядерной катастрофы на глазах пораженных зрителей испепелял их родные места. Люди сначала превращались в тени, которые потом исчезали, бетон и сталь горели, как солома. В ярко-синем безоблачном небе Канзаса летели ракеты, но толпа людей на стадионе не видела их, а затем уже не было больше ни толпы, ни стадиона. Горел в небе белый, ярче солнца, свет, рос ядерный гриб, землю терзали огненные смерчи. Кожа кусками опадала с живых еще людей. Как подожженные спичечные коробки, лопались коробки домов, и на землю, устланную почерневшими телами, падал саван белого пепла. Когда шел последний кадр, на экране появилась надпись: «Мы надеемся, что показанное в этом фильме подтолкнет народы Земли к тому, чтобы найти способ избежать этого дня».

Зрители расходились молча, не обмениваясь впечатлениями, избегая репортеров. Потрясенные увиденным, они еще продолжали мысленно оставаться там, за гранью до сей поры невообразимого.

Те же, кто мог говорить, были единодушны: необходимо действовать, сейчас, немедленно, чтобы предотвратить непоправимое. Комментируя фильм, газеты привели слова сенатора законодательного собрания Канзаса Уинта Уинтера: «Каждый, у кого есть разум, должен выйти отсюда с решимостью действовать». Телекритик газеты «Бостон глоб» Джек Томас писал: «Это — жуткая картина того, что может ждать Америку в случае войны». Именно поэтому фильм приветствовали сторонники ядерного замораживания, а приверженцы наращивания вооружений ополчились против него.

Последствия ядерной войны

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ после показа телефильма «На следующий день» американский журнал «Ньюсуик» писал:

«Ядерная война — это явление, о котором большинство американцев предпочли бы не задумываться. Но на прошлой неделе искусство настолько близко подошло к реальностям жизни, что стало невозможно, по крайней мере на данном этапе, игнорировать опасность гибели, угрожающую нашей планете уже больше тридцати лет. Резкое пробуждение началось с того, что 100 миллионов американцев посмотрели упрощенную, но ужасающую картину ядерного уничтожения. Через два дня после показа фильма «На следующий день» западногерманский парламент проголосовал за развертывание новых американских ядерных ракет, и... первые ракеты «Першинг-2» начали прибывать на американскую базу ВВС в Рамштайне»[8].

Оставим на совести авторов заявление о том, что большинство американцев предпочли бы не задумываться о ядерной войне. На наш взгляд — и его подтверждают сами американцы,— их разными способами пытаются отвлечь от мыслей о ядерной войне и ее последствиях, преуменьшить их катастрофический характер. И делается это вполне сознательно, чтобы лишить сторонников антивоенного движения массовой поддержки, замедлить процесс формирования нового мышления среди общественности западных стран.

Но упомянутый журналом «Ньюсуик» факт размещения американских ракет в ФРГ приобретает еще более острое звучание, если учесть, что, защищаясь от нападок правых, телекомпания Эй-би-си вынуждена была вырезать наиболее актуальные кадры. После специального показа фильма «На следующий день» для кинокритиков президент «Эй-би-си моушн пикчерс» Б. Стоддард сообщил: «Просмотренный вами фильм включает кадры, которые не будут показаны по телевидению. Это — кадры, связывающие размещение крылатых ракет США с началом вооруженного конфликта».

Известно также, что сначала фильм предполагалось показать в конце мая 1983 года, но Белый дом оказал нажим, требуя переделок. В результате фильм вышел в сокращенном варианте и на полгода позже. Из-за этого он не смог попасть на телеэкраны Западной Германии и других стран Западной Европы до осени 1983 года, и, таким образом, миллионы телезрителей увидели этот фильм буквально накануне того, как первые американские ракеты стали размещаться на территории Западной Европы. И это тоже один из эпизодов борьбы стратегов и практиков доктрины устрашения против осознания широкими массами новых реальностей ядерной эпохи. Как отмечал западногерманский журнал «Штерн», фильм «На следующий день» имеет сейчас непосредственное отношение к политической реальности. «Страшная истина, продемонстрированная в этом фильме и состоящая в том, что обмен ядерными ударами между великими державами мог бы привести ко

всеобщему уничтожению, увеличит число сторонников движения против ядерного оружия как в США, так и в ФРГ»[9].

Так на Западе обстоит дело с правом на информацию. А ведь речь в данном случае идет о первейшем праве граждан на жизненно важную для них информацию, о главнейшем вопросе: можно ли допустить ядерную войну? Не зная истины о ее последствиях, не представляя реально, что ядерная война означает катастрофу для цивилизации, многие люди склонны к инертному восприятию гонки вооружений.

А ведь последствия ядерной войны известны не только по Хиросиме и Нагасаки. Они многократно и многосторонне изучены специалистами разного профиля и разных стран. И хотя большинство исследований являются закрытыми, существуют и открытые публикации о последствиях войны. Например, в 1955 году в Луизиане были проведены военные учения под кодовым названием «Сэйдж браш». Было условно использовано 275 боеприпасов мощностью от 2 до 40 килотонн. Подробные результаты учений не были опубликованы, но основной вывод заключался в том, что «разрушения настолько велики, что ни ограниченная, ни сугубо тактическая ядерная война невозможны в этом районе»[10].

В том же году в Западной Европе проходили другие учения под кодовым названием «Карт-бланш». Было условно взорвано 335 ядерных боезарядов (их мощность не указывалась). Не считая потерь от радиации и других побочных эффектов, потери только населения в районе учений оценивались как 1,5—1,7 млн. убитых и 3,5 млн. раненых. Комментируя результаты этих учений, Гельмут Шмидт заявил, что применение тактического ядерного оружия «не защитит Европу, а уничтожит ее»[11].

Пытаясь ответить на вопрос о последствиях ядерной войны с использованием оружия 80-х годов, группа экспертов под эгидой генерального секретаря ООН разработала теоретический сценарий на основе варианта использования двумя европейскими военными союзами в общей сложности 1700 ядерных боеприпасов в Европе. Даже при ограниченных масштабах войны число жертв уже в первые дни оценивалось среди гражданского населения как минимум в 5—6 млн. человек. Кроме того, 1,1 млн. человек стали бы жертвами лучевой болезни, а бесчисленное множество других — жертвами вторичных последствий ядерной войны.

В докладе Комиссии Пальме отмечается, что в этом варианте не учитывается возможность аварий и просчетов, а самое главное — возможность эскалации конфликта, которая приведет либо к использованию дополнительных ядерных средств в Европе, либо к обмену ядерными ударами между США и СССР. Если миллионы людей погибнут в течение всего лишь нескольких дней, покончить с конфликтом будет чрезвычайно трудно. Эмоции одержат верх над логикой. Инерция событий уничтожит все оставшиеся рычаги сдерживания конфликта[13].

Члены Комиссии Пальме встречались отдельно с Г. Хайятом и Е. И. Чазовым, каждый из которых является руководителем соответственно американского и советского движения врачей, озабоченных опасностью ядерной войны. Их данные свидетельствуют о том, что будет невозможно оказать своевременную медицинскую помощь жертвам ядерного нападения.

Вот что показывает реальный опыт Хиросимы. «Из 150 врачей города 65 погибли, а большинство оставшихся в живых были ранены, из 1780 медицинских сестер 1654 погибли или получили такие увечья, которые не позволяли им выполнять свою работу»[14].

На конференции известных врачей Востока и Запада в 1981 году было констатировано, что обмен крупными ядерными ударами между Соединенными Штатами и Советским Союзом привел бы к неминуемой гибели десятков миллионов людей.

В то же время погибнет около 80% врачей и будет уничтожено примерно столько же больничных коек. Будут также уничтожены запасы кровяной плазмы, морфия, антибиотиков и инъекционных растворов. «Земля будет выжжена, воздух насыщен смертельными концентрациями радиоактивных частиц, медицина окажется не в состоянии удовлетворить потребности в помощи»[15].

Можно без конца приводить подобные свидетельства ученых, специалистов в разных областях о катастрофических последствиях ядерной войны. Поражает, однако, что эти данные совершенно игнорируются стратегами устрашения, разрабатывающими варианты «ограниченных» и «затяжных» ядерных войн.

«Временами утверждается,— пишет известный американский публицист, автор бестселлера «Судьба Земли» Джонатан Шелл,— что Соединенные Штаты могли бы выжить после атомного удара Советского Союза, однако сами цифры о мощности и размерах ударной волны, тепловой волны и общего количества ожидаемых радиоактивных осадков разоблачают эту надежду как

нереальное желание. Эти цифры свидетельствуют лишь об одном: о гибели Соединенных Штатов»[16]. Как бы отвечая штатным оптимистам, продавцам иллюзий в ядерный век, Джонатан Шелл заявляет:

«Хотя ядерные стратеги говорили о периоде «восстановления» после ограниченного нападения, более вероятной перспективой является радикальное ухудшение условий жизни на долгое время... И если экономика была бы уничтожена или парализована даже на несколько месяцев, у людей не оказалось бы средств для существования... Чтобы восстановить важнейшие условия жизни, нужно время, но этого времени-то и не будет. Голод, болезни, а возможно, и холод станут уделом ошеломленных, сбитых с толку, дезорганизованных и израненных людей, переживших первый день нападения. Им сразу же придется заняться поисками пищи. Находясь среди обломков цивилизации космической эры, люди обнаружат, что разбитая современная экономика вокруг них... не отвечает их элементарным потребностям»[17].

Ни один специалист на Земле не сможет сегодня предсказать всех возможных последствий ядерной войны, поскольку многие изменения во флоре и фауне, взаимодействуя, возможно, приведут к новым катастрофическим последствиям. Но даже то, что людям уже известно после Хиросимы и Нагасаки, после многолетних испытаний ядерного оружия, говорит о том, что под угрозу поставлена жизнь человечества. Возможные долговременные последствия скажутся на генетической природе человека, на распространении раковых заболеваний. В результате разрушения озонного слоя атмосферы может быть уничтожена животная и растительная жизнь, резко изменится климат.

В связи с тем, что на Западе имеют хождение концепции «ограниченных последствий» ядерной войны, которая-де наиболее вероятна в Европе, а посему не затронет удаленные от нее регионы, необходимо остановиться на этом более подробно.

Наращивание ядерных потенциалов как следствие философии устрашения, исповедуемой Вашингтоном, привело к тому, что если в 70-х годах речь шла о том, что в результате ядерной войны могут погибнуть сотни миллионов людей, то в 80-х годах наиболее вероятным исходом ядерной войны было бы уничтожение человечества, а может быть — даже всей жизни на Земле. Это означает, что ядерная война стала непосредственной угрозой для жизни не только Северного, но и Южного полушария. Эта угроза особенно возросла в связи с тем, что в 80-х годах в американских военных кругах стали разрабатываться планы использования ядерного оружия в региональных кризисных ситуациях в зоне освободившихся стран. Появилось, например, немало сообщений о том, что американские интервенционистские «силы быстрого развертывания» оснащаются ядерными боеприпасами, в том числе и нейтронными. Так что отказ правительства США от принятия обязательства о неприменении первыми ядерного оружия, которое взял на себя Советский Союз, означает для стран Азии, Африки и Латинской Америки не меньшую угрозу, чем для стран Европы.

Новые научные данные, полученные советскими и американскими учеными, показывают, что в случае большой ядерной войны, а иной она и не может быть, ее климатические последствия примут подлинно глобальный характер[18]. Угроза катастрофического для людей, фауны и флоры изменения климата в Южном полушарии сегодня является научно доказанным фактом.

Хорошо известно, что в последние годы большое развитие получила электронно-вычислительная техника, позволяющая моделировать сложные климатические процессы и явления. При этом используется самый совершенный математический аппарат анализа этих явлений. Например, долговременные метеорологические и климатические последствия ядерной войны смоделированы вычислительным центром Академии наук СССР. При этом сделан обоснованный научный вывод о том, что экологические последствия ядерной войны будут не менее опасны, чем прямое воздействие ядерного оружия. Окружающая среда претерпит катастрофические изменения, которые охватят весь земной шар на весьма длительный срок. Резкое падение температуры на Земле будет вызвано сильным загрязнением атмосферы в результате ядерных взрывов, пожаров и других последствий ядерной войны.

Что все это будет конкретно означать для людей?

Возьмем, к примеру, США. Согласно расчетам ученых, температура на северо-западе США упадет более чем на 30° С ниже ее обычного уровня, а на северо-востоке этой страны — более чем на 40° С. Жителям Аляски также придется испытать падение температуры на 35^. Резкое снижение температуры будет представлять опасность не только для жителей Северного полушария, но и перекинется в Южное, в том числе в зону тропического пояса.

Резкое похолодание в Южном полушарии будет устойчивым, поскольку любое последующее самоочищение атмосферы будет происходить очень медленно. Вдоль морского побережья возникнет большой температурный контраст между резко понизившейся температурой над сушей и

сравнительно медленно остывающим океаном. В результате в прибрежных районах будут сильные ураганы и штормы, в широкой прибрежной полосе выпадет много снега и холодных дождей. Прибрежные воды перестанут служить обильным источником пищи для человека из-за сильных штормов, а также поражения рыбы радиоактивным излучением.

Другими словами, во всем Южном полушарии начнется длительная зима, которую, очевидно, не смогут перенести миллионы людей.

Кроме того, согласно подсчетам ученых, на громадных пространствах суши, удаленных от морей и океанов, количество осадков будет близко к нулю. В результате урожаи будут уничтожены, а домашние животные, если они даже переживут холод и радиацию, просто умрут от голода и жажды.

Произойдет также резкое изменение гидрологического режима горных ледников и снегов. Начнется их быстрое таяние, результатом которого явятся разрушительные наводнения.

Радиоактивные осадки будут быстро распространяться на огромные расстояния в течение многих недель и даже месяцев, подвергая радиоактивному заражению десятки миллионов людей как в Северном, так и в Южном полушариях. В дополнение к радиации увеличится и интенсивность губительного для человека и животного мира ультрафиолетового излучения Солнца. Произойдет это из-за разрушения озонного слоя Земли. Трагическая судьба будет ожидать и тропические леса, растительный мир, который вряд ли перенесет губительные колебания температуры и освещенности. Последствием их гибели явится вымирание животного мира, в том числе и в Южном полушарии. К таким выводам приходят многие ученые из социалистических, западных и развивающихся стран. Эти научные предостережения говорят о том, что косвенные последствия ядерной войны для Южного полушария будут не менее опасны, чем последствия прямые — для Северного.

Необходимо также учитывать социально-экономические последствия ядерной войны, оценить степень ее воздействия на экономику. Давайте представим ситуацию, при которой значительная часть населения Южного полушария и после глобальной ядерной войны уцелеет. Что же ожидает этих оставшихся в живых людей?

Хорошо известно, что освободившиеся страны входят в систему мирового хозяйства. Можно поэтому считать, что их судьба неотделима от судьбы экономики стран Северного полушария. Хорошо также известен и другой факт. Несмотря на низкий уровень жизни громадного большинства населения развивающихся стран, оно потребляет сегодня значительно больше, чем производит. Другими словами, громадная часть населения стран Азии, Африки и Латинской Америки поддерживает сегодня свое жизнеобеспечение за счет мирового хозяйства. В качестве примера можно отметить, что, по оценкам Института Африки АН СССР, объем насущных потребностей стран Тропической Африки примерно в 1,5 раза превышает объем их производства. Система неоколониализма, таким образом, эксплуатируя народы развивающихся стран, одновременно, хотя и в минимальной степени, вынуждена поддерживать их жизнеобеспечение. Таким образом, экономика подавляющего большинства развивающихся стран в настоящее время функционирует как подсистема мирового хозяйства. Общеизвестно, что и в этих условиях обеспечение населения развивающихся стран продовольствием осуществляется крайне неудовлетворительно. Виной этому являются последствия колониализма, неоколониализм, а также неравноправное, подчиненное положение многих освободившихся стран в системе мирового капиталистического хозяйства. Например, в Африке как минимум четверть населения голодает или систематически недоедает. В значительной степени его жизнеобеспечение осуществляется за счет поставок извне большого объема продовольственных и потребительских товаров. Производство многих из них в странах Африки, Азии и Латинской Америки либо отсутствует, либо совершенно недостаточно.

Конечно, предусмотреть все последствия ядерной войны для экономики развивающихся стран трудно. И все же можно с уверенностью считать, что их экономика в результате последствий ядерной войны начнет рушиться. Произойдет это вследствие почти полного прекращения внешнеэкономических связей, социальной дезорганизации, голода и эпидемий.

Рассмотрим эту ситуацию на примере Африки. В настоящее время здесь в городах проживает около 180 млн. человек. Их питание в значительной степени обеспечивается за счет импорта продовольствия. В 1980 году страны Африки импортировали из-за рубежа 21 млн. *т* зерна, в основном для снабжения городов. Представить себе ситуацию, когда это зерно будет поставляться в Африку после ядерной войны из Северного полушария, просто невозможно. Следовательно, на жителей африканских городов обрушится невиданный голод.

Не в лучшем положении очутились бы и 300 млн. африканцев, проживающих в сельской местности. Нормальное выращивание сельскохозяйственных культур оказалось бы невозможным из-

за пагубных последствий климатических и погодных изменений. Скорее всего, тропическое земледелие также оказалось бы на долгое время парализованным. Следовательно, вся социально-экономическая система жизнеобеспечения людей, являющаяся в зоне развивающегося мира чрезвычайно хрупкой, в случае ядерной войны подверглась бы полному развалу. По расчетам ученых, в развивающихся странах погибло бы уже в первые месяцы после начала большой ядерной войны 1—3 млрд. человек.

Таким образом, глобальная ядерная война грозит развивающимся странам не менее катастрофическими последствиями, чем странам развитым. Это осознают большинство правительств стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые все более решительно выступают в ООН совместно с Советским Союзом и другими социалистическими странами против ядерной опасности, за ограничение ядерных вооружений и их сокращение вплоть до полного разоружения.

Давая ретроспективную оценку гонки вооружений в ядерный век, можно констатировать ее опасную эскалацию. Военно-промышленный комплекс империализма как бы подгоняет человечество к атомной бездне. Но этот милитаристский амок вызывает растущее сопротивление политических и общественных сил, осознающих свою ответственность за судьбы мира.

Философии устрашения все более противопоставляется философия мира. Мысль Альберта Эйнштейна, высказанная в конце 50-х годов, о том, что нельзя достичь безопасности путем накопления оружия[19], пробивает себе дорогу не только в политических кругах Запада, но и среди бывших военных. Примером тому является растущее участие бывших генералов и старших офицеров стран НАТО в антивоенном движении. Это целая «генеральская фракция в движении за мир и разоружение на Западе»[20], в которую входят бывший заместитель начальника генерального штаба главного командования вооруженных сил НАТО в Европе граф Вольф фон Баудиссин, бывший начальник генштаба и президент Португальской республики генерал Франсиску да Кошта Гомеш, бывший начальник штаба сил ООН на Кипре Майкл Харботтл, бывший первый заместитель начальника генерального штаба греческой армии Георгиос Куманакос, американский адмирал в отставке Джон Маршалл Ли, бывший начальник Королевской военной академии в Бреде (Нидерланды) генерал в отставке М. Х. фон Мейенфилдт, бывший заместитель главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе по вопросам ядерного планирования итальянский сенатор Нино Пасти, бывший главнокомандующий французским военно-морским флотом на Средиземном море адмирал в отставке Антуан Сангинетти.

И это далеко не все. С каждым годом число «генералов за мир» растет. Среди них генерал бундесвера Герт Бастиан, вышедший в отставку в знак протеста против ракетного решения НАТО, известный норвежский военный деятель Юхан Кристи, бывший подполковник западногерманских ВВС Альфред Мехтерсхаймер и др. Всех этих военных деятелей разной судьбы и разной политической ориентации объединяет неприятие философии устрашения и гонки вооружений в ядерный век. Пройдя через суровую школу военной службы (многие из них участвовали во второй мировой войне и занимали руководящие должности в командной верхушке НАТО), они не понаслышке, а на своем опыте знают военные доктрины НАТО. И если эти люди отвергают мышление категориями военной конфронтации, требуют приоритета стратегии мира путем снижения уровней вооружения, это означает, что даже представители военной элиты (конечно, ее наиболее разумной и ответственной части) выступают в поддержку психологии мира, а не войны.

Это означает и то, что новое мышление начинает проникать в самую заповедную область, до недавнего времени бывшую в абсолютной власти милитаристских традиций. Как заметил незадолго до своей смерти адмирал лорд Маунтбаттен, «гонка ядерных вооружений бессмысленна с военной точки зрения. Ядерное оружие не является средством ведения войны. Его существование лишь усиливает опасность из-за иллюзий, которые оно создает»[21].

Новое мышление в ядерный век предполагает не только осознание гибельных последствий ядерной войны, но и опасностей гонки ядерных вооружений, которая подрывает устойчивость международного мира и приближает угрозу атомной катастрофы. Именно к этому сводятся и рекомендации Комиссии Пальме, в которой представители 17 стран, изучив тенденции в разработке, развертывании и распространении вооружений, пришли к выводу, что в ядерный век война не может быть инструментом политики, она грозит беспрецедентными разрушениями. Государства больше не могут стремиться к укреплению своей безопасности за счет друг друга, ее можно добиться только путем совместных усилий[22].

«Доктрина безопасности для всех должна заменить распространенную ныне концепцию устрашения с помощью оружия,— говорится в докладе комиссии.— Международный мир должен

покоиться на обязательстве обеспечить сохранение жизни для всех, а не на угрозе взаимного уничтожения».

Для советских людей выводы Комиссии Пальме лишний раз подтверждают те кардинальные установки, которые были выдвинуты КПСС на ее последних съездах и уже давно стали неотъемлемой частью внешнеполитической деятельности Советского государства. Эти выводы, так же как и аналогичные заявления многих политических и военных деятелей Запада, важны еще и потому, что они отражают неизбежный и необратимый процесс вызревания и становления в капиталистических и развивающихся странах нового мышления в ядерную эпоху.

Глава 6

МОСТ ЧЕРЕЗ ПРОПАСТЬ МЕЖДУ СЕВЕРОМ И ЮГОМ

ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ не только обостряет отношения между Востоком и Западом, но и углубляет пропасть между Севером и Югом. А развитие в этом направлении чревато глобальными катаклизмами в нашем взаимозависимом мире. Новое мышление в ядерный век предполагает и осознание приоритетов новых проблем, и поиск путей их решения. Это тем более важно, что для большинства людей, живущих в Северном полушарии, конфронтация Восток — Запад по своей остроте заслоняет собой все остальные проблемы. В свою очередь, в Южном полушарии подобный взгляд расценивается как выражение западного эгоцентризма, наследие колониальных времен.

В чем же *суть* проблемы? При всей относительности понятия «Север — Юг»*, которое менялось с течением времени, речь идет о наличии разницы в экономическом развитии между развитыми и развивающимися странами.

В 1919 году в колониях и полуколониях, территория которых составляла 72% территории Земли, жило почти 70% населения планеты. А шесть десятилетий спустя на

* Это понятие достаточно прочно укоренилось в политической и научной терминологии Запада. При этом под Севером имеются в виду богатые промышленно развитые страны капитала, а под Югом — бедные развивающиеся страны. Иные пытаются автоматически включить в группу Севера и социалистические страны, неправомерно возлагая на них равную ответственность за низкий уровень развития большинства стран Южного полушария. Понятие «Север — Юг» применяется нами в данном случае для краткости, как обозначение комплекса проблем, порожденных разрывом между экономически развитыми и развивающимися странами, и не означает нашего согласия с той трактовкой, которая дается этому понятию на Западе.

долю колониальных и полуколониальных стран приходилось 1,1% мировой территории и 0,4% мирового населения. Зато около половины всего населения планеты (48,2%) жило в 1979 году в бывших колониальных и полуколониальных странах, ставших суверенными государствами после 1919 года (не считая тех стран, которые стали социалистическими)[1].

Если же взять за критерий уровень валового национального продукта (ВНП) на душу населения, то в развивающихся странах, или, как их часто именуют на Западе, в странах «третьего мира», где проживает 3/4 населения планеты, уровень ВНП на душу населения намного ниже среднемирового. А это значит, что уже сегодня не только жизненный уровень, но и качество жизни населения в развивающихся странах резко отстает от показателей в промышленно развитых странах. И эта пропасть (а иначе ее не назовешь, коль скоро колебания между отдельными странами Севера и Юга достигают от 5 до 50-кратного разрыва[2]) не только сохраняется, но и углубляется с годами. По расчетам большой группы ученых из США и других стран[3] с привлечением исследований ООН производство ВНП на душу населения (в долл. США по курсу 1975 г.) составит:

	1975 г.	1985 г. 2000 г.
В мире в среднем, В развитых странах, В развивающихся странах	1473 4325 382	1841 2311 5901 8485 501 587

Таким образом, несмотря на некоторый рост ВНП на душу населения в развивающихся странах, разрыв между развитыми и развивающимися странами продолжает возрастать. Причем здесь берутся не полярные, а средние показатели. Некоторые исследователи более рельефно рисуют картину растущего разрыва в уровнях развития стран «третьего мира» и индустриальных стран. В этом отношении показательна книга французского экономиста Мориса Гернье, много лет работавшего советником по вопросам развития при правительствах ряда арабских и африканских стран, — «Третий мир — три четверти мира». Исследование М. Гернье интересно и показательно еще и потому, что он принимал участие в работе международных групп по составлению докладов Римского клуба «Преобразование мирового порядка» (1976 г., руководитель Я. Тинберген) и «За пределами расточительства» (1978 г., руководители Д. Габор и У. Коломбо).

Основную статистическую и фактологическую базу книги составляют доклады «Мировое развитие», выпущенные МБРР в 1978 и 1979 годах, доклад группы экспертов ООН во главе с В. Леонтьевым «Будущее мировой экономики» и доклад Организации экономического сотрудничества и развития «Встреча с будущим», подготовленный коллективом экспертов во главе с Ж. Лезурном в

рамках проекта «Интерфьючерс».

Характеризуя тяжелое социально-экономическое положение населения в развивающихся странах, Морис Гернье приводит следующие факты: 1,8 млрд. человек из 2 млрд. жителей развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки живут в состоянии бедности, в том числе 800 млн.— на грани абсолютной нищеты. Согласно прогнозу, при сохранении нынешних тенденций развития в 2000 году в странах «третьего мира» 600 млн. человек будут жить на грани абсолютной нищеты[4]. Что касается долгосрочных прогнозов, то разрыв между развивающимися и развитыми странами по уровню ВНП на душу населения увеличится через 100 лет с 6480 долл. в 1977 году до 79 680 долл. [5]

И если сегодня многие на Западе еще не замечают этого драматического развития, то через несколько ближайших десятилетий люди, очевидно, столкнутся с тем, что конфликт Север — Юг приобретет неслыханную остроту, в тени которой окажутся многие нынешние проблемы. Это не бесспорное утверждение, а лишь один из возможных вариантов развития. Но его не стоит исключать, ибо еще ни одна болезнь не проходила сама собой, если ее не лечить, а загонять внутрь. А в данном случае речь идет о целом комплексе болезней, связанных с огромным разрывом в развитии между Севером и Югом: голод, нищета, неграмотность, отсталость значительной части населения «третьего мира».

Вот почему человечеству в целях его самосохранения предстоит разрядить три бомбы замедленного действия: бомбу гонки ядерных вооружений, экологическую бомбу и бомбу растущего разрыва между развитыми и развивающимися странами. Некоторые исследователи добавляют сюда четвертую — нехватку ресурсов: продовольственных, сырьевых и других в сочетании с демографическим взрывом. Не оспаривая возможность такого подхода и такой градации, хотели бы заметить, что мы рассматриваем нехватку продовольственных, сырьевых и других ресурсов в сочетании с демографическим взрывом как часть проблемы Север — Юг, в свою очередь связанную с экологической проблемой.

Причина существующего разрыва в развитии Севера и Юга ясна: это, как правило, колониальное наследие, результат длительной, от нескольких десятилетий до нескольких веков, жестокой эксплуатации населения бывших колоний и зависимых стран их богатыми метрополиями. Несмотря на достижение политической независимости, многие из стран «третьего мира» по-прежнему страдают от наследия прошлого и от неоколониалистских методов, которыми действуют транснациональные компании (ТНК). Несмотря на то, что в ряде развивающихся стран валовый национальный продукт растет в два и более раза быстрее, чем в промышленно развитых странах, в целом они не могут преодолеть или даже сократить существующий разрыв.

Этому мешают наряду с другими причинами такие глобальные проблемы, как рост народонаселения, нехватка продовольствия, сокращение природных ресурсов.

Рост народонаселения

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ — это реальный фактор, размеры и последствия которого осознаются пока весьма медленно. А ведь, если вдуматься, мы имеем дело с нарастающим по своему воздействию феноменом, когда, казалось бы, естественное право каждой семьи увеличивать свое потомство постепенно превращается в глобальную проблему, касающуюся всех. На заре своего существования человеческое сообщество удваивало число своих членов лишь через 30 тыс. лет. Сейчас это происходит через несколько десятилетий при жизни одного поколения. Понадобилось почти полтора тысячелетия, «от рождества Христова» до средневековья, чтобы к каждым четырем жителям мира добавился пятый и население Земли возросло с 400 до 500 млн. Но уже к 1830 году население Земли составляло миллиард человек, через сто лет — 2 млрд., уже к 1960 году —3 млрд., а менее чем через 15 лет — 4 млрд.[6]

В дальнейшем население мира будет расти еще быстрее, чем прежде. Если в 1975 году на Земле было 4,1 млрд. жителей, в 1980 — 4,5 млрд., то, по оценкам, на 2000 год население планеты составит 6,35 млрд. человек, а при минимальном приросте — около 6 млрд. Причем предполагается, что самый большой прирост будет в развивающихся странах: 5 из 6,35 млрд.[7]

Демографический взрыв не может остаться без последствий для всего мира. Ведь 200 тыс. человек, рождающихся в мире ежедневно,— это численность населения целого города. Каждую неделю в мире появляется как бы новый город размером с Мюнхен, Варшаву или Киев, каждый месяц — такая страна, как Дания или Гватемала, каждые три года — как США или СССР, каждые пять лет — еще одна Южная Америка, Западная Европа или Африка.

Столь бурный рост населения может повлечь за собой обострение многих существующих проблем, в частности возникновение практически неуправляемых гигантских городов.

Согласно прогнозам, население города Мехико к 2000 году будет составлять более 30 млн. жителей, то есть почти в 3 раза больше, чем население современного Нью-Йорка; в Калькутте будет проживать 20 млн., а в Бомбее, Каире, Джакарте и Сеуле — от 15 до 20 млн. человек. 400 городов перешагнут миллионный рубеж[8].

Всего лишь три десятилетия назад в городах жило около 700 млн. человек. Сегодня городское население составляет 1,8 млрд., а к концу века оно превысит 3 млрд., то есть каждый второй житель на Земле станет горожанином. К 2000 году примерно 650 млн. человек будет сосредоточено в 60 городах с населением 5 и более миллионов человек в каждом, причем 3/4 из них будут находиться в развивающихся странах. Мир будет выглядеть совсем иначе, если учесть, что из нынешних крупных городов в пятерку крупнейших войдет лишь Токио (в нем будет около 24 млн. жителей); Лондон же, занимавший в 1950 году второе место в мире (10 млн.) в 2000 году даже не войдет в число 25 крупнейших городов[9].

Возникновение гигантских городов в развивающихся странах приведет к обострению социальных конфликтов внутри самих мегаполисов. Большинство новых горожан вынуждены будут жить в трущобах, в антисанитарных и нищенских условиях. Голод, безработица, нищета и болезни примут угрожающие размеры.

Даже такие развитые города, как Лондон и Нью-Йорк, постепенно приходят в упадок из-за недостатка средств для обеспечения коммунально-бытовых услуг. Лондону требуется 7 млрд. долл., чтобы заменить тысячу миль ржавеющего магистрального водопровода викторианской эпохи. Если сравнить условия жизни в трущобах Нью-Йорка и других гигантских городов Запада с условиями жизни в фешенебельных кварталах и пригородных виллах, то в каждом таком городе есть своя «проблема Север — Юг», богатых и бедных. Что же говорить тогда о городских муравейниках «третьего мира»? В Каире десятки тысяч человек живут среди гробниц на кладбищах, а сотни тысяч — на крышах домов. В Бомбее на переполненных пригородных железных дорогах ежедневно регистрируется больше десятка смертей. И тем не менее все это не останавливает переселенцев. Несмотря на тяжелые условия жизни в городах, число их жителей растет почти в 2 раза быстрее темпа роста самих городов. Причина в том, что как бы ни были плохи условия в городах развивающихся стран, в сельской местности условия, как правило, еще хуже.

Нехватка продовольствия

ВДУМАЙТЕСЬ В ЭТИ ЦИФРЫ: ежегодно на земле 50 млн. людей умирают от голода. Это равно населению таких стран, как Египет, Таиланд или Филиппины. 800 млн. людей — живут в условиях абсолютной нищеты и острого недоедания. Это больше, чем население целого континента — такого как Африка или Латинская Америка.

По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО) производство продовольствия в развивающихся странах в целом за десятилетие 70-х годов (1970—1979 гг.) возросло на 29%. Однако быстрый рост народонаселения и сокращение сельского населения привели к сокращению этой цифры до 5% в пересчете на душу населения, а в наиболее бедных странах свели ее к нулю. При этом в некоторых странах Черной Африки производство продовольствия на душу населения даже сократилось на 20%. В частности, ежегодное производство зерна в наименее развитых странах уменьшилось в среднем за последние пять лет со 165 до 155 *кг* на человека[10].

Еще одна характерная тенденция: если в 30-е годы развивающиеся страны вывозили зерно (11 млн. *т* в год), а развитые капиталистические страны ввозили его (16 млн. *т* в год), то уже в 60—70-е годы положение значительно изменилось. Страны «третьего мира» импортируют зерно во всевозрастающих размерах. Их импорт зерна вырос с 13 млн. *т* в 1960 году до 105 млн. *т* в 1982 году. По данным ФАО, за 70-е годы производство продовольствия сократилось в 52 развивающихся странах, большинство которых находится в Африке. Отсюда увеличение импорта и рост задолженности.

Причин ухудшения положения много. Демографический взрыв сводит на нет небольшое увеличение продовольственных ресурсов.

К этому следует добавить, что расширение производства экспортных культур (в частности табака, хлопка, сои, кофе) осуществлялось в ущерб продовольственным культурам, в результате чего увеличивался приток сельского населения в город. Истощение почв, образование пустынь,

исчезновение лесов, сокращение водных ресурсов — все это тоже ограничивает продовольственную базу во многих развивающихся странах.

Последствия недостаточного питания не всегда проявляются непосредственно, они выражаются, в частности, в меньшей сопротивляемости различным инфекциям. В сочетании с низким уровнем системы здравоохранения (практически 90% населения развивающихся стран лишены нормальной медицинской помощи) это приводит к массовым эпидемиям и прогрессирующим заболеваниям малярией, туберкулезом и т. д.

Особую тревогу вызывает положение детей в развивающихся странах. Ребенок получает недостаточное питание часто еще до своего рождения. В нормальных условиях женщина в период беременности прибавляет в весе 12—12,5 кг, а в странах «третьего мира» эта прибавка нередко составляет всего лишь 3—4 *кг.*[11] Поэтому ребенок получает слишком мало питательных веществ и имеет при рождении недостаточный для нормального развития вес.

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), из 125 млн. детей, родившихся в 1978 году, 12 млн. не прожили и года, а многие из числа выживших оказались умственно отсталыми. Из 125 млн. новорожденных примерно 21 млн.— это гипотрофики (то есть те, вес которых не достигает 2,5 *кг).* А ведь процент смертности среди гипотрофиков в 20 раз превышает средний процент детской смертности[12].

Между тем в мире, где каждый пятый недоедает или умирает от голода, вполне достаточно пищи для того, чтобы прокормить всех людей. Мирового производства зерна хватило бы для того, чтобы обеспечить каждому человеку более 3000 килокалорий и 65 г протеина в день, что намного превышает потребности. Главная проблема заключается в том, что «третий мир» является жертвой несправедливого экономического порядка, который сложился под диктатом промышленно развитых стран Запада. Многие развивающиеся страны не в состоянии платить за продовольствие, в котором они нуждаются. Производящие его развитые капиталистические страны диктуют не только цены на сырье в развивающихся странах, но и контролируют их экономику.

Вот примеры. Выручки от продажи 25 *т* натурального каучука в Шри-Ланке 20 лет назад было достаточно, чтобы купить 6 тракторов. Теперь за такое количество каучука можно купить лишь 2 трактора[13].

И несмотря на долгие многолетние дискуссии в ООН и Других международных форумах, где признается необходимость установить новый международный экономический порядок, страны капиталистического Севера продолжают жить и расцветать во многом за счет дешевого сырья Юга.

В прошлом страны Юга, как правило, обеспечивали себя продовольствием. Но затем во многих этих странах традиционные сельскохозяйственные системы, скотоводство и ремесленничество были подорваны и вытеснены так называемыми промышленными методами, импортированными главным образом из США и основанными на применении все более сложных машин и большого количества химических удобрений. В результате сейчас многие развивающиеся страны, которые когда-то экспортировали продовольствие, сейчас вынуждены закупать его у развитых промышленных стран. А последние держатся за эти неоколониалистские операции, поскольку они контролируют мировую торговлю сортовыми семенами, сельскохозяйственной техникой и химическими удобрениями и получают на этом огромную прибыль.

«Если в Африке люди умирают от голода,— говорит автор исследования о причинах бедности в мире Р. Барнет,— то это вызвано тем, что площади, занятые под плантациями кофе (одного из самых рентабельных продуктов), находящиеся в руках транснациональных компаний, расширяются повсюду в ущерб традиционным продовольственным культурам, хотя, совершенно очевидно, кофе — не единственная причина катастроф. Тем не менее факт, что в Африке, страдающей от неурожаев, производство кофе за последние 20 лет увеличилось в 400 раз»[14].

Прибыль на голоде

В БРАЗИЛИИ транснациональные компании, а также американские, итальянские и западногерманские дельцы закупили 80 млн. акров земли для выращивания соевых бобов, предназначенных для откорма североамериканских и европейских телят. В результате резко сократилось производство фасоли, традиционного питания бразильцев, особенно из числа неимущих, и Бразилии пришлось импортировать фасоль по высоким ценам. Подобные парадоксальные на первый взгляд явления характерны и для других развивающихся стран, таких как Заир, Нигер, Судан, Индия, где значительная часть населения недоедает, но продает сельскохозяйственные продукты странам капиталистического Севера. Организация «Братство людей», одна из тех, что борется за справедливые

отношения между Севером и Югом, так объясняет этот парадокс: «Нормандская свинья или корова, парижская кошка или собака имеют большую покупательную способность, чем безземельные крестьяне в третьем мире»[15].

Другими словами, выращивание сои для французских или западногерманских коров богатым бразильским или западным латифундистом, скупившим земли в Бразилии, выгоднее, чем выращивать фасоль для самих бразильцев. А транснациональные компании и перекупщики, используя монополию, взвинчивают цены на сою, выколачивая деньги с западноевропейских крестьян и разоряя бразильцев. Поскольку соя в Бразилии подорожала, треть ее населения не может позволить себе роскошь покупать ни соевые бобы, ни соевое масло. И вот здесь мы сталкиваемся с одной из проблем, созданных теми, кто нисколько не смущен тем, что искусственно создает в развивающихся странах дополнительные трудности со снабжением населения продовольствием, а в развитых промышленных странах искусственно повышает спрос на те или иные продукты — и все это с целью получения прибыли.

Как отмечает французский исследователь Мишель Боске, агропищевая промышленность ограбила земли бедных стран, поработила крестьянство богатых стран и уничтожила независимость как тех, так и других в области продовольствия.

О том, какой вред наносит деятельность транснациональных агропромышленных корпораций, свидетельствует и книга Пьера Харрисона «Империя "Нестле". Дела и злодеяния в Латинской Америке»[16]. Разоблачая деятельность транснациональной корпорации «Нестле», которая вместо помощи развивающимся странам несет им закабаление, автор приходит к выводу, что подлинное развитие отсталых стран состояло бы в том, чтобы предоставить им средства создать сельское хозяйство, способное обеспечить населению возможность существования на основе его собственного труда. В то же время, как показывает опыт «Нестле», вторжение агропищевых корпораций приводит к прямо противоположному результату: поля, на которых выращивались зерновые культуры, превращаются в пастбища, после чего крестьяне — теперь уже производители мясомолочной продукции — попадают в полную зависимость от перерабатывающей промышленности. В силу искусственно завышенных цен на готовую продукцию, монопольно производимую ТНК, большинство населения развивающихся стран не может удовлетворить свои потребности в ней.

На примере деятельности транснациональных корпораций мы видим, что изменились методы, но не суть эксплуатации «северными» метрополиями бывших колониальных и зависимых стран. Если раньше практиковался вывоз дешевой рабочей силы из развивающихся стран в развитые, то теперь транснациональные корпорации создают предприятия в этих странах и заставляют их население производить и покупать те продукты, которые приносят прибыль ТНК.

Те же самые процессы обостряют сырьевую и энергетическую проблемы. Существующее неравенство и эгоистический подход ТНК в области использования сырья видны на примере нефти. Потребление топливных ресурсов на душу населения в США в 7 раз больше, чем в среднем в мире[17]. «Если бы весь мир потреблял нефть в тех же масштабах, что и США, то ее хватило бы всего на 4—5 лет! — отмечают В. Загладин и И. Фролов. — Но американским монополиям до этого нет никакого дела! Их логика весьма элементарна: нам надо — подавай, а все остальное.. — хоть в тартарары... Это и есть империализм»[18].

Эгоистический подход к потреблению нефти со стороны США (сейчас на их долю приходится около трети всей потребляемой в капиталистическом мире нефти) выражается в том, что Вашингтон экономит свою собственную нефть и увеличивает ее импорт из стран Персидского залива, особенно из Саудовской Аравии. Согласно прогнозам, мировые запасы нефти иссякают[19]. Это ставит страны ОПЕК перед мрачной перспективой. Если в ближайшие десятилетия не будут найдены иные источники энергии, способные заменить нефть, то после того, как иссякнут запасы нефти на Ближнем Востоке и в других нефтеносных районах, производители нефти в развивающихся странах лишатся своих главных, а подчас и единственных источников дохода.

Но США предпочитают продолжать импорт нефти даже по высоким ценам, чем перестраивать свою энергетическую систему. А за эту «непредусмотрительную», как называет ее в своей книге «Всемирный вызов» Жан-Жак Серван-Шрайбер, политику Соединенных Штатов расплачивается рядовой потребитель и в самой Америке, и в других регионах мира ввиду роста цен на нефть и соответственно на все товары и услуги. Что же до нефтедобывающих стран, то они хотя и получают миллиардные доходы от нефти, на практике не в состоянии рационально использовать их в целях социально-экономического развития. США и другие развитые страны Запада с лихвой компенсируют расходы на нефть, поставляя развивающимся странам по завышенным ценам техническое

оборудование, машины и в особенности вооружения. Пример шахского Ирана здесь особенно красноречив. Получая ежегодно миллиарды долларов за экспортируемую нефть, шах тратил львиную долю доходов не на социально-экономические преобразования в стране, а на покупку сверхсовременных самолетов и другой военной техники. Сменился режим в Иране, но многолетняя ирано-иракская война продолжает лихорадить экономику обеих стран, выкачивать на вооружения огромные средства, столь необходимые для развития. Так что гонка вооружений напрямую затрагивает «третий мир» и составляет одну из самых драматических сторон углубляющегося разрыва между Севером и Югом.

Гонка вооружений — тормоз на пути развития

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ развитие человечества, в особенности стран «третьего мира», могло бы идти гораздо более быстрыми темпами, если бы оно не было втянуто в водоворот гонки вооружений. Особенно вопиющим представляется участие в этой непроизводительной трате средств развивающихся стран, поскольку это происходит в условиях острейших нерешенных социально-экономических проблем «третьего мира».

Если в первый период после второй мировой войны страны Запада поставляли в «третий мир» военную технику в рамках военной помощи, то сейчас в основном в виде коммерческих поставок, которые должны оплачиваться конвертируемой валютой. Совокупные военные расходы развивающихся стран растут: в 1975—1979 годах они составили 316 млрд. долл. Из них 147 млрд. долл. приходилось на страны ОПЕК, а 169 млрд. долл.— на остальные развивающиеся страны. Доля развивающихся стран в мировых военных расходах увеличилась с 19% в 1971 году до 25% в 1980 году[20].

Наиболее высокими темпами военные расходы растут на Ближнем Востоке, в расчете на душу населения они здесь даже выше, чем в Европе. В нефтеэкспортирующих странах, таких как Саудовская Аравия, Ирак и др., военные расходы возросли в течение 70-х годов более чем в 6 раз в реальном исчислении. При этом Саудовская Аравия обогнала Англию и заняла шестое место в мире по размерам военных расходов[21].

Настораживает нарастающий поток вооружений в развивающиеся страны. В странах Африки в период 1977— 1979 годов импорт оружия составил 8% общей стоимости их импорта, в то время как в 1970 году эта доля составляла менее 2%.

Причем импорт вооружений развивающимися странами рос быстрее, чем их общие военные расходы. В период 1975—1979 годов общая сумма поставок оружия в развивающиеся страны составила 65,2 млрд. долл.[22] Как показывают исследования, «третий мир»— это крупнейший рынок вооружений, и главным поставщиком здесь являются США, на долю которых в начале 80-х годов приходилось 47% всего объема проданного оружия[23].

Еще одной новой и опасной тенденцией является увеличение производства вооружений в самих развивающихся странах, экспорт этих вооружений в другие развивающиеся страны, в чем им содействуют развитые страны Запада. Так, в 1979 году Аргентина поставила в Пакистан партию танков, которые были спроектированы в ФРГ концерном Тиссена — Хеншеля, а затем построены по лицензии в Аргентине с помощью западногерманских фирм.

В условиях сложного экономического положения развивающихся стран Африки, острой нехватки финансовых средств расходы на военные цели ложатся особенно тяжелым бременем на их неокрепшую экономику. Между тем за последние 20 лет военные расходы государств этого континента возросли примерно в 10 раз. По опубликованным данным, за 1960—1982 годы африканские государства (без ЮАР) израсходовали на эти цели около 100 млрд. долл. Только в 1981 году военные расходы этих стран превысили 10 млрд. долл. по курсу 1978 года. Хотя эта цифра составляет лишь около 2% ежегодных мировых расходов на вооружение, в целом гонка вооружений в Африке происходит относительно более быстрыми темпами, чем в промышленно развитых капиталистических государствах. Если темпы ежегодного прироста ВНП в развивающихся странах континента не превышали в 70-х годах 5%, то военные расходы возрастали на 8%, а затраты на закупки оружия — на 10%[24].

Причины гонки вооружений в Африке неоднозначны. Многие освободившиеся страны вынуждены вооружаться с целью иметь возможность отпора агрессии, особенно со стороны расистского режима ЮАР, защитить прогрессивные завоевания. Вместе с тем у отдельных стран рост вооружений призван подкреплять подогреваемые некоторыми странами Запада территориальные претензии к соседям, притязания на лидерство в отдельных регионах. Накапливание оружия нередко

диктуется и внутренней обстановкой. Однако основной фактор гонки вооружений в Африке — это политика создания странами НАТО своих военно-политических опорных пунктов, особенно в северо-восточном и южном районах континента.

Одной из важных причин насыщения Африки вооружениями служит оружейный бизнес западных стран. С его помощью эти государства пытаются решить несколько задач: создать систему долговременной военно-технической зависимости страны-получателя от поставщика; приобрести социальную опору, союзников в ее вооруженных силах, особенно среди офицерского состава; обеспечить собственному военно-промышленному комплексу прибыли, компенсирующие расходы на помощь и другие «уступки» освободившимся странам.

В выступлениях ряда западных деятелей присутствует в этой связи тезис о том, что экспорт оружия в африканские страны преследует лишь одну цель — уравновесить соотношение сил, которое якобы нарушается советскими поставками. Известно, однако, что содействие в укреплении обороны ряду африканских стран оказывается Советским Союзом только для их защиты и такое содействие немедленно прекращается, если страна-получатель становится на путь агрессии, обращает оружие против своих соседей.

Военные расходы, как отмечается в докладе Комиссии Пальме, снижают темпы экономического роста в развивающихся странах. В частности, увеличение военной доли в ВНП на 1 % соответствует сокращению доли капиталовложений в ВНП на 0,23% и доли сельского хозяйства на 0,18%[25]. А ведь растрачивание ресурсов на военные цели означает не только сокращение развития производительных отраслей, но и повышает вероятность военных конфликтов. Не следует упускать из виду, что после окончания второй мировой войны в «третьем мире» было развязано свыше 130 вооруженных конфликтов. Многие из них (на Ближнем Востоке, на юге Африки и в других регионах) чреваты перерастанием в глобальные конфликты.

Существуют различные проекты сокращения опасной милитаризации «третьего мира» и направления части сэкономленных средств на нужды развития. В частности, руководимая Вилли Брандтом «комиссия Север — Юг» выдвинула в своем докладе в 1980 году предложение о том, чтобы обложить торговлю оружием более высоким налогом, чем обычную торговлю, с тем чтобы умерить пыл торговцев смертью и полученные от налогов средства направить на нужды развития[26].

Однако это предложение было встречено без особого энтузиазма в странах Запада, особенно в кругах военно-промышленного комплекса, который заинтересован не в сокращении, а в увеличении своих прибылей, в том числе от торговли оружием. С этой целью представители военно-промышленного комплекса Запада создают свои группы влиятельных клиентов в развивающихся странах, а последние, играя на национализме, подталкивают местную элиту к наращиванию вооружений. Примером тому является книга африканского ученого Али Мазруи «Всемирная федерация культур» и его доклад «Ядерное будущее Африки»[27]. Критикуя западные державы за их шовинизм в гонке вооружений, Мазруи выдвигает требование равенства в гонке вооружений. По его мнению, африканские государства должны вооружаться и дальше, причем не только обычным оружием, но и ядерным. По крайней мере такие крупные страны, как Нигерия, Заир и освобожденная Южная Африка, должны, по Мазруи, стремиться к обладанию ядерным оружием. При этом Мазруи приводит такую аргументацию: только вооруженная Африка, вооруженный «третий мир» могут заставить образумиться великие державы, являющиеся «подлинными поджигателями войны».

Ясно, что Мазруи выражает здесь не столько свои мысли, сколько интересы тех кругов и на Западе, и в развивающихся странах, которые заинтересованы в дальнейшем втягивании стран «третьего мира» в гонку вооружений, в том числе ядерную. А то, что эта проблема имеет свою остроту и актуальность, лишний раз доказывает исследование «Ядерные вооружения в третьем мире. Дилемма политики США», которое подготовил видный американский эксперт по проблемам развивающихся стран Эрнест У. Лефевр. Анализируя уровень ядерного развития и состояние военного потенциала девяти стран (Индия, Пакистан, Иран, Израиль, Египет, Южная Корея, Тайвань, Аргентина и Бразилия), Лефевр приходит к такому выводу: «В течение двух следующих десятилетий несколько государств третьего мира, вероятно, начнут производить ядерные вооружения, несмотря на связанные с этим огромные затраты и политический риск». Автор приводит данные о том, что южнокорейские ВВС численностью 30 тыс. человек насчитывают 335 боевых самолетов, включая 3 эскадрильи (по 18 самолетов каждая) истребителей-бомбардировщиков "F-4" и "F-4E", способных нести ядерное оружие. Американские войска в Южной Корее оснащены тактическим ядерным оружием. На Тайване также дислоцирована эскадрилья американских ВВС в составе 18 истребителей-бомбардировщиков "F-4", способных нести ядерное оружие.

Особое внимание Э. Лефевр обращает на Ближний Восток. Он указывает, что напряженная обстановка в этом регионе еще более осложнилась в результате серии сообщений о том, что Израиль обладает ядерным оружием. Согласно этим сообщениям, Израиль имеет арсенал из 13 атомных бомб, собранных и готовых для того, чтобы сбросить их на противника со специально оборудованных истребителей-бомбардировщиков «Кфир» и «Фантом» или доставить их к цели с помощью ракет «Иерихон». Эти бомбы были спешно собраны в секретном подземном туннеле за 78 часов в начале октябрьской войны 1973 года. Когда исход сражения на обоих фронтах сложился в пользу Израиля, отмечает Лефевр, бомбы были возвращены в их укрытия в пустыне. А если бы ход войны сложился иначе?

Аналогичные вопросы возникают и в связи с сообщениями о наличии ядерного потенциала у ЮАР. Само появление ядерного оружия в таких нестабильных регионах, как Ближний Восток и юг Африки, резко осложняет урегулирование имеющихся там очагов напряженности, увеличивает угрозу разрастания их в глобальные конфликты.

Рассмотрим это на примере Южной Африки, где особенно наглядно видно, как местный расизм, опираясь на поддержку влиятельных сил на Западе, разжигает конфронтацию, подрывает международную стабильность.

Правящие круги Южно-Африканской Республики — этого последнего колониально-расистского бастиона на континенте — не желают признавать неизбежность исторических перемен, по-прежнему проводят в жизнь политику порабощения небелого населения этой страны. Для миллионов черных и цветных африканцев их родина — фактически огромный концентрационный лагерь. Принцип расового неравенства и угнетения возведен в этой стране в абсолют, он стал основой всей системы ее государственного устройства.

Апартеид — это доктрина и практика, опирающиеся на расистский миф о превосходстве белого человека, о его якобы особой, предначертанной самим богом роли. Он призван увековечить неравенство людей по расовому признаку. На страже этих человеконенавистнических принципов стоит длинный ряд расистских законов, и в жизнь они проводятся при помощи жесточайших полицейских репрессий.

В последние годы апологеты южноафриканского режима много пишут о «трансформации» апартеида, об осуществляемых правительством ЮАР реформах, которые уже, дескать, подорвали основы апартеида и в недалеком будущем якобы приведут к окончательной его ликвидации. На самом деле проводимые в жизнь полумеры отнюдь не отвечают законным требованиям африканского населения о полном упразднении расовой дискриминации, равенстве в политических правах и экономических возможностях. Основы апартеида остаются незыблемыми. Сохраняются законы о расовой классификации населения, территориальной сегрегации, политика бантустанизации, дискриминация в области найма на работу, получения образования, социального обеспечения. Сохраняется и репрессивный аппарат подавления, грубо нарушающий элементарные права человека.

В условиях непрекращающихся репрессий, к которым прибегает расистское правительство ЮАР с целью увековечить существующий режим, у угнетенного большинства населения Южной Африки не остается иного выбора, как только продолжать вооруженную борьбу за свои права.

Такая борьба справедлива, потому что она направлена против режима, действия которого несовместимы с принципами международного права и правами человека. Эта борьба опирается на принятые ООН документы — Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Международную конвенцию о пресечении преступления апартеида и наказании за него и другие.

Известно, что освободительную борьбу угнетенного населения ЮАР возглавляет старейшая политическая организация африканского народа — Африканский национальный конгресс Южной Африки (АНК), являющийся по существу общенациональным фронтом, объединяющим в своих рядах представителей коренных жителей. Важно подчеркнуть, что в течение многих лет АНК добивался ликвидации расистских порядков мирным путем с помощью тактики массовых ненасильственных действий. Лишь упорное нежелание расистов удовлетворить законные требования угнетенного населения побудили его перейти к вооруженной борьбе против реакционного режима.

Выдвигая требования о ликвидации системы апартеида, АНК отнюдь не выступает против белого населения страны. Речь идет о создании многонационального демократического государства на основе равноправия всех граждан. В первых словах Хартии свободы, являющейся основным программным документом АНК, говорится, что Южная Африка принадлежит всем, кто здесь живет,

черным и белым. Мирное политическое урегулирование, выполнение законных требований большинства южноафриканского населения означало бы снятие основного внутреннего «конфликтного потенциала» на юге Африки, отказ от этого урегулирования означает «дорогу в ад»— к социально-политическим катаклизмам крупного масштаба.

Конфликтная ситуация на юге Африки еще более обостряется в связи с тем, что режим ЮАР уже многие десятилетия подвергает колониальному гнету жестокого, «классического» образца африканцев в соседней Намибии. Несмотря на требования мировой общественности и многочисленные резолюции ООН, южноафриканское правительство не собирается выводить оттуда свои войска и администрацию. Именно поэтому патриотические силы Намибии вынуждены вести вооруженную борьбу против южноафриканских колонизаторов. Эта борьба за национальное освобождение, за создание демократического государства возглавляется Народной организацией Юго-Западной Африки (СВАПО), которая признана ООН в качестве единственного законного представителя борющегося намибийского народа.

Руководство СВАПО не отвергает путь решения намибийской проблемы мирными средствами и с этой целью последовательно поддерживает инициативы ООН по политическому урегулированию в Намибии. Однако все эти инициативы неизменно срываются Преторией, цель которой состоит в том, чтобы ни при каких обстоятельствах не допустить СВАПО к участию в управлении независимой Намибией.

Само существование южноафриканского режима усиливает напряженность в ЮАР и Намибии, увеличивает «конфликтный потенциал» в этом регионе. Но, оценивая ситуацию, власти ЮАР совершают политический подлог. Они пытаются доказать, будто причина конфликта — не их собственная практика, а некая «коммунистическая подрывная деятельность», «происки» соседних с ЮАР государств. А отсюда пытаются найти пропагандистское оправдание своим военным агрессивным актам против соседних государств за пределами собственных границ. То есть переложить на других ответственность за конфликт на юге Африки.

Прямой агрессии подвергаются государства, непосредственно граничащие с ЮАР и Намибией. Регулярные воинские части ЮАР совершают диверсии, рейды, карательные экспедиции. Народная Республика Ангола, Народная Республика Мозамбик, Республика Замбия, Республика Ботсвана и Королевство Лесото неоднократно поднимали вопрос о срочном созыве Совета Безопасности ООН в связи с нарушением их суверенитета и территориальной целостности из-за непрекращающихся актов агрессии со стороны ЮАР.

Правительство Претории пытается убедить мировое сообщество в том, будто совершаемые им акты агрессии носят оборонительный характер, являются реакцией на «внешнюю угрозу». Обратимся к цифрам и фактам, чтобы выяснить, кто кому угрожает на юге Африки.

Если в 1972/ 73 финансовом году военные расходы ЮАР составляли 344 млн. рандов, то в 1980/ 81 году они достигли 2 млрд., а в 1981/82 году — 2,5 млрд. рандов. Известно, что суммарные военные расходы Анголы, Мозамбика, Замбии, Зимбабве и Танзании не составляют и половины военных расходов ЮАР. По данным Лондонского международного института стратегических исследований, численность регулярных вооруженных сил ЮАР составляет 92,7 тыс. человек, кроме того, имеется более 400 тыс. готовых к мобилизации резервистов. Это больше, чем в пяти «прифронтовых» государствах, вместе взятых[29].

Особенно опасным компонентом южноафриканского «конфликтного потенциала», угрожающим миру и безопасности отнюдь не только на Африканском континенте, является наличие в руках Претории не только обычных вооружений, но и ядерных. На основе длительного и тесного сотрудничества с США, Великобританией, ФРГ, Францией и Израилем в области ядерной энергетики в ЮАР строятся ядерные реакторы, завод по обогащению урана, ведется подготовка южноафриканских специалистов. В июле 1982 года американская администрация сняла запрет на поставки Претории оборудования для атомного производства, затем разрешила продажу плутония-3, являющегося составной частью ядерных боезарядов. Как известно, мировая печать сообщала об испытании в ЮАР ядерного устройства. Готовятся и носители ядерного оружия. В докладе Специального комитета ООН против апартеида отмечалось, что военные специалисты Израиля и ЮАР совместно разрабатывают крылатую ракету с радиусом действия свыше 2000 /аи, а также другие виды средств доставки ядерного оружия. Ядерное оружие в руках ЮАР создает серьезную опасность глобализации конфликтной ситуации на юге Африки.

Говоря о глобальном аспекте конфликта на юге Африки, следует подчеркнуть следующую наблюдаемую взаимосвязь: конфликт на юге Африки обостряет международную напряженность, а

усиление международной напряженности, возрастание военной угрозы в глобальных масштабах резко усиливают конфликтный потенциал на юге Африки. Поэтому необходимо предпринять все возможные усилия как для общего оздоровления обстановки в мире, так и для урегулирования очага напряженности на юге Африки.

И никакие показные мирные инициативы расистов не могут обеспечить реальный мир в этом регионе.

По мере того как страны, обретавшие национальную независимость, выбирали социалистический путь развития или путь социалистической ориентации, на Западе росла тревога по поводу «угрозы проникновения марксизма» в страны «третьего мира». Именно эти опасения потерять навсегда свои позиции в богатых сырьем бывших колониях заставили многих политиков и ученых на Западе уделять больше внимания проблемам развития стран «третьего мира». Это признают и западные исследователи, в частности Лотар Брок, руководитель исследовательской группы в Гессенском фонде по изучению проблем мира и конфликтов. Он предостерегает от намерений рассматривать существующие в развивающихся странах проблемы бедности, голода и эксплуатации через призму конкурентной борьбы с системой социализма и особое внимание обращает на то, что гонка вооружений и развитие взаимно исключают друг друга. «Обеспечение глобального мира, — подчеркивает Л. Брок, — нужно начинать немедленно, с тем чтобы вместе продвигать вперед дело развития и разоружения»[30].

С каждым годом все большее число ученых и политиков в мире приходят к выводу о нарастающей остроте проблем, порожденных увеличивающимся разрывом в уровнях развития разных стран. Но слишком многие не хотят признать, что дело здесь не просто в конфликте между Севером и Югом, а в комплексе сложнейших проблем, наследии колониального прошлого и живучести философии и практики неоколониализма.

«Весьма вероятно,— отмечает, например, известный западный политолог Дж. Коул,— что конфликт между имущими и неимущими странами Севера и Юга будет доминировать в международных отношениях до 2000 года и его последствия будут взрывоопасными»[31]. Критикуя подобную терминологию и подход, когда социально-экономические проблемы перемещаются в сферу географическую или этническую, советский ученый Г. Х. Шахназаров подчеркивает, что эта проблема — если решение не будет найдено — действительно станет самой острой и самой опасной уже в начале XXI века. Но суть в том, что речь должна идти о конфликте не между бедными и богатыми странами, а между народами экономически слаборазвитых стран и монополиями, системой капитализма[32].

На XXVI съезде КПСС отмечалось: «В середине 70-х годов бывшие колониальные страны поставили вопрос о новом международном экономическом порядке. Перестройка международных экономических отношений на демократической основе, на началах равноправия исторически закономерна. Здесь многое может и должно быть сделано. Но, конечно, нельзя, как это иногда делают, сводить вопрос просто к различиям между «богатым Севером» и «бедным Югом». Мы готовы содействовать и на практике содействуем установлению справедливых международных экономических отношений»[33].

Преодоление нарастающего разрыва в уровнях развития стран капиталистического Севера и развивающихся стран Юга — процесс долгий, сложный и мучительный. Здесь, как уже отмечалось, нет и не может быть простых, быстрых и легких решений. Успехи на этом пути несомненно связаны с упрочением нового международного экономического порядка, с перестройкой несправедливых и неравноправных экономических отношений между развитыми западными странами и развивающимися странами, с глубокими социально-экономическими преобразованиями в самом «третьем мире».

Но все эти проблемы могут быть решены только в том случае, если удастся затормозить, а затем и прекратить гонку вооружений, с тем чтобы вынуть из этой петли задыхающиеся от непосильного милитаристского бремени бедные страны и выделить им дополнительную помощь за счет сокращения военных расходов развитых стран.

Подлинная глубина пропасти между Севером и Югом станет ясна, если привести следующие весьма красноречивые цифры. Человечество тратило на гонку вооружений в 1982 году более 650 млрд. долл. Это больше, чем все доходы 1,5 млрд. человек, живущих в 50 беднейших странах. Средств, затрачиваемых на приобретение одного современного самолета-истребителя, было бы достаточно, чтобы сделать прививки против распространенных заболеваний трем миллионам детей[34]. В докладе Комиссии Пальме делается вывод о том, что сокращение военных расходов на Ю% только

ядерными державами позволило бы увеличить более чем вдвое размер помощи и других финансовых поступлений 31 наименее развитой стране[35].

И если в этом вопросе дело никак не сдвигается с мертвой точки, то вина за это ложится в первую очередь на те страны, которые отказываются пойти на сокращение военных расходов. Что касается Советского Союза, то он неоднократно выступал с соответствующими инициативами, в том числе в ООН. В предложении государств — участников Варшавского Договора государствам — членам НАТО относительно переговоров по вопросу о неувеличении и сокращении военных расходов, выдвинутом 5 марта 1984 г. в Бухаресте, сказано, что сокращение военных расходов эффективно содействовало бы прекращению гонки вооружений и переходу к разоружению, причем высвободившиеся средства могли бы быть использованы на нужды социально-экономического развития, в том числе развивающихся стран[36].

Эта позиция была вновь подтверждена участниками Экономического совещания стран — членов СЭВ на высшем уровне, которое состоялось в Москве 12—14 июня 1984 г. В Декларации стран — членов СЭВ, принятой на совещании, говорилось о настоятельной необходимости сокращения военных расходов и подчеркивалось, что высвобождаемые в результате этого средства «были бы использованы для целей экономического и социального развития, в том числе для содействия развивающимся странам».

Мост через пропасть между Севером и Югом может быть переброшен. Но только усилиями всех заинтересованных стран. И средства на это могут быть изысканы за счет сокращения производства тех самых орудий смерти, которые сейчас лишь углубляют эту пропасть.

В этом суть советских предложений, которые неоднократно вносились в ООН. Эта позиция была вновь подтверждена в письме министра иностранных дел СССР А. А. Громыко 21 мая 1984 г. генеральному секретарю ООН X. Пересу де Куэльяру по проблеме взаимосвязи между разоружением и развитием.

Гибельные последствия гонки вооружений осознает все большее число людей и в развивающихся странах. В политической декларации VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, которая проходила в Дели с 7 по 12 марта 1983 г., отмечалось: «Главы государств и правительств считают, что самая большая опасность, с которой сталкивается сегодня мир,— это угроза гибели человечества в результате ядерной войны.

разоружение, особенно ядерное разоружение, перестало быть нравственной проблемой — это проблема выживания человечества».

Еще десятилетие назад не многие политики и ученые в развивающихся странах рассматривали всерьез непосредственную угрозу ядерной войны для отдаленных регионов «третьего мира». Новейшие исследования, как отмечалось выше, показали, что в случае ядерной катастрофы ни один континент не останется вне зоны поражения. И даже там, где не упадут бомбы, нарушение экологического баланса будет столь велико, что могут стать реальностью, только гораздо более страшной, слова, выбитые на обелиске времен фараонов, найденном у первого из нильских порогов: «С высоты моего трона я оплакиваю это великое бедствие. За время моего правления в течение семи лет не было разлива Нила. Зерна осталось мало. Пищи не хватает. Люди, превратившись в воров, грабят своих соседей. Люди хотели бы убежать, но не могут идти. Дети плачут. Юноши передвигаются как старцы, волоча подгибающиеся ноги. Души их разбиты. В Совете Великих пустынно. В сусеках гуляет ветер. Все кончено»[37].

Глава 7

РАЗРЯДИТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ БОМБУ

С ТЕХ ПОР, КАК В XX ВЕКЕ воздействие человека на природу стало принимать угрожающий характер, на Земле стал тикать часовой механизм экологической бомбы замедленного действия. И он тикает все громче по мере того, как критически обостряется состояние окружающей среды, вызванное нередко безоглядным использованием человеком основных природных ресурсов — воды, воздуха, почвы, животного и растительного мира, по мере того, как загрязнение окружающей среды достигает пределов, опасных для жизни на Земле.

Чтобы охватить всю сложность проблемы взаимосвязи человека и природы, необходимо иметь в виду, что экологическая система — это не только окружающая среда. Последняя есть лишь часть этой системы, которая представляет собой весь комплекс отношений растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ между собой и окружающей средой. На взаимосвязи человека и природы влияют также и социальные отношения, на что указывали К. Маркс и Ф. Энгельс: «Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обусловливают друг друга»[1].

Только такой подход, который раскрывает противоречивые взаимосвязи и взаимозависимости человечества и окружающего его мира, дает представление о глубине и размахе наступивших и приближающихся изменений. Растущее народонаселение, которое, как отмечалось, на заре цивилизации удваивалось за 30 тыс. лет, а теперь каждые 39 лет, резкое сокращение запасов чистой пресной воды, нетронутых почв, флоры и фауны, источников сырья и энергии — все это вдруг как бы уменьшило Землю в ее размерах и возможностях. Ученые спорят, каким должно быть оптимальное население Земли: 12—15 или 20 млрд. человек (специалисты ООН считают, например, что оно стабилизируется на уровне 12—15 млрд.), когда иссякнут основные источники сырья и энергии, будут ли и когда найдены им эквивалентные заменители.

Ясно одно, что человек, некогда ощущавший себя творцом прогресса и властелином природы, вдруг обнаружил, что Земля и ее богатства небезграничны. Как отмечает Г. Х. Шахназаров[2], с одной стороны, фантастические успехи техники породили своего рода эйфорию всемогущества. Научившись преодолевать пространство, вторгаться в космос, производить новые материалы, извлекать энергию из атома, создавать электронный мозг, люди уверовали, что отныне не существует преград их разумной воле. С другой стороны, отрицательные последствия технического прогресса — отравление среды обитания, прямой и косвенный ущерб здоровью, чрезмерная нагрузка на психику и т. д.— вызвали антипатию к технике и страх перед тотальной механизацией жизни. Отсюда всевозможные предложения и рекомендации, начиная от жесткого контроля над ростом численности населения и кончая призывами к резкому сокращению промышленного производства и возвращению людей к более простым жизненным формам, возвращению к природе.

Так, в книге президента Римского клуба А. Печчеи «Человеческие качества», в которой он выдвигает идею «нового гуманизма», предлагается установить равновесие с природой, более гармоничное соотношение между физическими и психическими возможностями человека, сберечь культурное наследие за счет использования сэкономленных от сокращения военных бюджетов средств, обеспечить сохранение среды обитания человека и т. д.

В. Загладин и И. Фролов подчеркивают бесспорную гуманистическую направленность идей А. Печчеи и аналогичных работ других западных ученых. В то же время можно лишь сожалеть, что благие пожелания, оторванные от социально-экономических реальностей нашего времени, неспособны оказать реальную помощь человечеству в решении глобальных проблем. И в самом деле, во всех сценариях и прогнозах, которые были разработаны на Западе в последние годы (Г. Кан и Э. Винер — «Год 2000», Дж. Белл — «Навстречу 2000 году», коллективное исследование под руководством П. Холла «Европа 2000»), их авторы исходят из того, что мир в целом будет развиваться по тому же пути, который прошли США и другие страны Запада.

В чем же заключается экологическая проблема? В докладе «Мир в 2000 году» его авторы методом экстраполяции сегодняшних тенденций развития в мире делают следующие прогнозы: будут ускоренно сокращаться ресурсы сельского хозяйства в результате эрозии почв и сокращения пахотной земли. К 2000 году ухудшится качество водных ресурсов, прежде всего в результате применения пестицидов.

Качество воздуха резко пострадает в результате сжигания все большего количества топлива.

«Кислые дожди»* уже приносят большой урон во многих районах Западной Европы, а в дальнейшем могут превратиться в настоящее бедствие. Еще одной серьезной проблемой является растущая концентрация углекислого газа в атмосфере.

«Если увеличение концентрации углекислого газа в атмосфере вследствие роста производства и потребления энергии будет продолжаться нынешними темпами,— отмечал академик Е. К. Федоров,— то через 70—100 лет дополнительное антропогенное тепло составит 1—2% от тепла, получаемого Землей от Солнца. Такое, казалось бы, незначительное изменение теплового баланса, как можно полагать, приведет к изменению климата планеты. И это будет выражаться не только в общем потеплении, которое вызвало бы постепенное таяние полярных льдов и повышение уровня океана»[3]. А это, в свою очередь, привело бы к затоплению обширных прибрежных пространств.

Ученые указывают на опасность нарушения баланса кислорода и разрушения озонового экрана в нижней стратосфере в результате использования сверхзвуковых самолетов. Так, его разрушение на 50% увеличит в 10 раз ультрафиолетовую радиацию, что негативно скажется на здоровье животных и людей. В океаны ежегодно сбрасывается десятки миллиардов тонн отходов.

* Окислы серы и азота, выброшенные в атмосферу, соединяясь с водяными парами, образуют осадки — «кислые дожди».

Эрозия почв, а к ней ведет и хищническая вырубка лесов происходит по всему земному шару. Истребляется тропический лес. Следствие — обезвоживание почвы, а это вызывает падение урожайности, нехватку продовольствия в десятках стран. По оценкам специалистов ООН, обычным явлением стал чрезмерный отлов рыбы. Отсюда уменьшение количества морских продуктов питания. Сейчас вылов промысловой рыбы в океане, по-видимому, достиг предела, то есть потребляется почти все, что восстанавливается. В ряде случаев объем потребления превышает величину естественного возобновления, и тогда этот вид исчезает безвозвратно.

Таким образом, перед человечеством вплотную встает проблема выработки *планетарной стратегии сохранения и восполнения природных ресурсов.* Ясно, что это возможно лишь в условиях мира и сотрудничества. И для этого необходимо новое мышление, основанное на осознании взаимозависимости природы и человека как ее части. Так, если взять проблему рыбных запасов, то человечество должно научиться не только рационально использовать моря и океаны для отлова рыбы, но и заботиться о постоянном восстановлении запасов.

Загрязнение природной среды негативно сказывается не только на флоре и фауне, но и на здоровье человека. Во многих промышленных районах и даже в масштабах целых стран это загрязнение иногда так велико, что уже сейчас в полную меру проявляются его негативные последствия.

На некогда знаменитых пляжах испанского Аликанте, близ Марселя, где высится замок графа Монте-Кристо, на поэтическом неаполитанском побережье карабинеры и пожарные следят за тем, чтобы туристы не вздумали окунуться в море. Массы ядовитых веществ превратили Средиземное море, по выражению итальянской «Мессаджеро», в вонючую лужу.

Прибрежные государства ежегодно спускают в Средиземное море 430 млн. *т* отходов, среди них около 100 *т* ртути, 3800 *т* свинца, 2400 *т* хрома, 21 тыс. *т* цинка — металлов, присутствие которых причиняет большой вред морским организмам и человеку.

«Средиземное море больно,— заявил французский Ученый-океанолог Жак-Ив Кусто, руководитель международного океанографического института в Монако.— Мы опасаемся, что оно потеряло к настоящему времени уже 45% своего жизненного потенциала. Через 50 лет или даже раньше в нем останутся только вирусы и бактерии».

В голубые воды Средиземного моря сбрасывается 12% всех мировых промышленных отходов, а цикл очищения моря через Гибралтар — 80 лет. «Уморят ли море?» — с тревогой спрашивает итальянская «Панорама». Этот вопрос в равной степени относится и к судьбам Северного моря, Атлантики и всего мирового океана.

Фактов не счесть. Голландцы подали в суд на западногерманский химический концерн «Байер», ежегодно выбрасывающий в Северное море сотни тысяч тонн ядовитых отходов. Радиоактивные вещества, поступающие из сточных вод французских и английских регенерационных установок (мыс Аг в проливе Ла-Манш, Даунри в Северной Шотландии и Виндскейл у Ирландского моря), уже давно обнаружены также в устье Эльбы. Цезий и стронций содержатся в водах между Бретанью и побережьем ФРГ. Радиоактивные частицы через Скагеррак попадают и в Балтийское море.

Многие химические концерны западноевропейских стран сбрасывают в море ядовитые отходы.

Предприятие «Кронос-Титан», филиал американского концерна «Нэшнл лид», в начале 80-х годов ежегодно затопляло 450 тыс.* *т* ядовитых веществ у голландского побережья. В этих же водах фирма «Байер-Леверкузен» сбрасывала в год 280 тыс. *т* вредных отходов, а дуйсбургская фирма «Пигментхеми»— еще 500 тыс. *т.* В районе Гельголанда затапливаются опасные титановые отходы.

Промышленные яды убивают тюленей. В голландской части береговой полосы Северного моря число тюленей уменьшилось с 3 тыс. в 1956 году до 400 в настоящее время. «Если погибнут тюлени,— гласит фрисландская поговорка,— умрут и люди».

Это лишь некоторые примеры хищнического отношения к природе там, где главным стимулом является получение максимальной прибыли. Конечно, многие западные исследователи, хотя и не все, стараются уйти от социально-экономического анализа глобальных проблем и, в частности, социальных причин обострения экологического кризиса, делая упор на общечеловеческий характер этого вызова, который-де бросает всем людям прогресс. Бесспорно, что этот вызов затрагивает всех и экологическая бомба угрожает всему человечеству. Мы не хотим утверждать, что эти проблемы не стоят перед Советским Союзом и другими социалистическими странами. Пример борьбы за чистоту озера Байкал широко известен. Но при социализме запрещено законом хищническое отношение к природе. Это не только конституционный принцип, но и действующее законодательство, сурово карающее отдельных лиц и ведомства, нарушающие эти положения. И хотя в нашей стране встречаются факты потребительского подхода и пренебрежительного отношения к природным ресурсам, в корне исключено их массовое хищническое разграбление во имя частной прибыли.

Целый ряд зарубежных исследователей прямо или косвенно признают эти факты, преимущества социализма в деле планомерного исследования и восстановления природных ресурсов по сравнению с частнохозяйственной экономикой и высказывают опасения в связи с тем, что Запад в этом отношении явно отстает.

Так, западногерманский профессор Фредерик Вестер, выступающий за необходимость долгосрочного экономического планирования с учетом экологических проблем, против ориентации на максимальную прибыль, пишет: «Я признаю, что это очень тяжелая задача для нашей политической системы, которая в своих структурах в основном застряла пока на стадии планирования эпохи первых плантаторов и скотоводов — на период не более года»[4].

В иных выводах звучит плохо скрытая или даже явно выраженная озабоченность по поводу будущего капиталистического строя, если ему не удастся найти методов решения обостряющихся глобальных проблем. «Если мы не найдем нового ощущения миссии, цели и смысла, то станем свидетелями гибели западной цивилизации»,[5]— отмечается в сборнике «Образы будущего. Двадцать первое столетие и позже».

Размышляя над путями решения сложных проблем современности, наиболее проницательные исследователи приходят к двум важным и верным выводам. Во-первых, о том, что нынешний мир, в отличие от прежних времен,— это мир усложняющейся взаимозависимости глобальных проблем, ни одну из которых невозможно решить вне взаимосвязи с другими. И во-вторых, это вывод о необходимости нового мышления в нашу эпоху, когда обостряющиеся глобальные проблемы требуют от человечества нового подхода их решения. К этим выводам, в частности, приходят западногерманские исследователи Гюнтер Кунц и Фредерик Вестер. Последний, будучи руководителем мюнхенской группы по изучению биологии и окружающей среды, отмечал, что наш мир представляет собой сложную систему переплетенных взаимосвязей, но мы зачастую рассматриваем каждое явление и понятие отдельно, вне этих взаимосвязей или, как он выражается, «вне их кибернетической функции»[6].

В качестве примера того, насколько все взаимосвязано в мире и с какой осмотрительностью следует подходить к решению возникающих проблем, помня о последствиях, Ф. Вестер приводит историю пояса Сахеля в Африке. Благодаря применению инсектицидов там удалось вначале добиться повышения поголовья скота, но это привело к заметной нехватке воды. Чтобы решить проблему водоснабжения, были пробурены глубокие скважины, что, в свою очередь, привело к понижению уровня подземных вод и, как следствие, к уменьшению растительного покрова. В результате увеличились пустоши, что вызвало изменение климата, последствия которого еще трудно определить.

Вывод Ф. Вестера: «Нам необходимо новое мышление в новых измерениях»[7]. «Только

серьезное и рассудительное осторожное отношение к комплексным системам, основанное на новом мышлении, может привести к тому, что мы и дальше будем жить в мире с природой»[8],— считает также Гюнтер Кунц.

Данные исследователи, как и многие другие, вполне закономерно считают, что экологическая проблема тесно связана с проблемой мира и может решаться только в условиях мира. Более того, признается особая опасность нарастающей гонки вооружений. «Гонка вооружений вследствие технологического прогресса все больше повышает опасность войны, вплоть до всемирной атомной катастрофы, уже хотя бы потому, что не исключены аварии на различных уровнях и по-прежнему существует искушение прибегнуть к военной силе, — замечает Гюнтер Кунц, приходя к весьма важному выводу. — В психологическом плане она (гонка вооружений.— *Авт.)* консервирует неприемлемое более застарелое мышление и восприятие в националистических или имперских категориях и грубое насильственное поведение (национальное высокомерие, мышление престижными категориями, жажда мирового господства, предрассудки по отношению к чужеземцам, внутриполитическое насилие и т. д.). Она делает возможным дальнейшее существование таких форм отношений, которые свойственны каменному веку (кулачное право), в межгосударственной, но часто и во внутригосударственной сфере, охарактеризованное в полемическом духе, но не истине вопреки, как «загрязнение духовной окружающей среды»[9].

В этих словах прорываются на поверхность те мысли и чувства, которые многие объективно мыслящие ученые на Западе зачастую предпочитают не развивать в своих исследованиях, чтобы не задевать социально-экономические и духовные устои своего общества. Но, как показывает данное признание, эти мысли и чувства не могут не мучить их, ибо непредвзятый научный анализ неизбежно приводит каждого честного ученого к признанию губительной сущности гонки вооружений и опасности имперского мышления.

Данное признание тем более характерно, что у Гюнтера Кунца, как, впрочем, и у ряда других исследователей экологической проблемы, наблюдается стремление поставить ее на первое место в шкале приоритетов. По его мнению, перед лицом таких глобальных проблем, как экологическая, все остальные отступают на задний план, «предстают, таким образом, как временные, подчиненные и преходящие явления на фоне подлинной проблемы выживания растущего и предъявляющего требования человечества»[10],— подчеркивает Г. Кунц.

Не оспаривая данный тезис с точки зрения перспективы развития человечества, которое может оказаться перед лицом необратимых процессов катастрофических изменений в окружающей среде, хотелось бы, однако, уточнить, что высказанное положение может оказаться верным лишь в том случае, если человечество сумеет предотвратить ядерный конфликт. А поскольку эта угроза пока не устранена, данная проблема является отнюдь не подчиненной, а первейшей и острейшей и от ее решения зависит решение всех остальных, в том числе экологических, проблем.

Воздействие на природную среду в военных целях

НАКОПЛЕНИЕ углекислоты в атмосфере, содержание пыли возросли в больших городах в десятки раз, а в Целом на 20% по сравнению с началом XX века. Над многими городами нависли гигантские колокола смрада. А на площадях некоторых столиц с интенсивным автомобильным движением порой можно увидеть полицейских-регулировщиков в противогазах. Прообраз нашей униформы будущего?

Ежегодно в атмосферу выбрасывается около 10 млрд. г углекислого газа, что повышает его содержание на 0,2% и уже к 2000 году приведет к уничтожению 16% озонного покрова Земли. В результате наша, по словам Сент-Экзюпери, «маленькая голубая планета» уже в ближайшие десятилетия может превратиться в огромную тепловую камеру с катастрофическими последствиями для климата, для растительного и животного мира.

Но в этом процессе есть особо тревожное и опасное явление. Вместе с отработанными газами и шлаками промышленности в легкие людей поступают самые вредные химические и атомные отходы в результате испытаний ядерного и химического оружия. И если экологические проблемы, связанные с развитием технического прогресса, могут рассматриваться как прискорбное побочное явление, то не может быть никакого оправдания сознательному разрушительному воздействию на природу, которое оказывают войны и подготовка к ним. Об этом следует сказать во весь голос и потому, что соответствующие данные во многих случаях замалчиваются, а подобные преступные эксперименты продолжаются. И на этом фоне приторным лицемерием отдает от вздохов иных западных экологов, озабоченных разрушением песчаных пляжей на экзотических островах и

равнодушных к последствиям ядерных испытаний.

Атомные испытания

ДОЛГИЕ ГОДЫ СЧИТАЛОСЬ, что лишь японцы на собственном опыте познали страшные последствия атомного взрыва. Но оказалось, нечто похожее испытали на себе и некоторые американцы. Вернее, испытали на них, причем в мирное время, без их согласия и даже не предупредив об опасности.

На юге Тихого океана на атолле Бикини в 1946 году США осуществили взрыв двух атомных бомб мощностью по 20 килотонн каждая. В то время 18-летний матрос Джон Смитерман входил в состав 40-тысячного контингента военнослужащих, находившегося неподалеку от места взрыва.

Через несколько часов после первого взрыва эсминец «Аллен Сатнер» вошел в лагуну атолла Бикини, где стояли на якоре корабли-мишени. Смитерману и другим матросам было приказано подняться на борт одного из этих кораблей для тушения пожара; выполнив задание, моряки, чтобы немного охладиться, искупались в лагуне, так как, по словам Смитермана, «никаких ограничений установлено не было».

Позднее матрос Смитерман, не получивший никаких инструкций в целях обеспечения безопасности, в одних шортах стоял на корме эсминца, когда в небе вырос огненный шар второго испытательного взрыва.

Осенью 1983 года, как сообщила газета «Нью-Йорк тайме», Джон Смитерман без обеих ног и с культей вместо одной руки находился в окружной больнице в городе Фейет-вилл (штат Теннесси) на пороге смерти от рака лимфатической системы. По словам специалистов по радиации, причиной заболевания явилось облучение во время ядерных взрывов на атолле Бикини.

Поразительно, что с 1977 по 1983 год, как раз в разгар «кампании за права человека», управление по делам ветеранов США шесть раз отклоняло просьбы Смитермана о выплате ему пенсии по нетрудоспособности. Это значит, что после его смерти вдова не будет получать пенсию.

И это не исключение, а правило. По состоянию на ноябрь 1982 года, из 2883 подобных просьб, поданных ветеранами, подвергшимися облучению, или их вдовами, управление удовлетворило лишь 16. За период с 1945 по 1977 год США осуществили 600 взрывов атомных и ядерных устройств, причем 236 из них в атмосфере и 5 под водой. Даже по оценкам Пентагона, в ходе испытаний ядерного оружия в атмосфере облучению подверглись от 250 до 500 тыс. военнослужащих и гражданских специалистов.

Многочисленные факты об этом приводятся в книге X. Вассермана и Н.Соломона «Мы — самоубийцы»[11]. В 1946—1962 годах на Тихом океане проводились широкомасштабные ядерные испытания, в ходе которых около 300 тыс. американских военнослужащих подверглись ядерному облучению. «В период 1946—1962 годов,— отмечают авторы этой книги,— солдаты обычным приказом посылались в районы проведения ядерных испытаний. Их роли менялись, менялось место проведения испытаний, но что не менялось — это радиоактивные осадки и официальные заверения, что они безвредны»[12]. Солдат посылали на зараженные объекты, в зоны радиоактивных осадков, не указывая степень риска, без спецкостюмов, без счетчиков Гейгера. Корабли, участвовавшие в испытаниях, были затоплены из-за остаточной радиации, а людей, служивших на них, просто списали на берег. Зачастую при американских испытаниях атомного оружия, указывают авторы, гибли люди, не имеющие отношения к испытаниям, например японские рыбаки, разрушались экосистемы акватории Тихого океана (атоллы Бикини, Эниветок и др.), океанические течения разносили радиоактивные вещества на далекие расстояния, отравляя фауну и флору океана. Многие ветераны американской армии по прошествии нескольких лет стали умирать от редких форм рака и психических расстройств.

Затем начались испытания термоядерной бомбы. С призывами прекратить их выступили А. Эйнштейн и Л. Сциллард, однако к ним не прислушивались: в Америке царил разгул «охоты за ведьмами».

Стоимость производства ядерного оружия выражалась в миллиардных суммах. «Атом становится большим бизнесом на многие миллиарды долларов в год, — отмечал в 1950 году журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».— По всей стране развертываются испытательные установки как инструмент быстрого превращения атома в большой бизнес. В эту структуру включается также развитие водородной бомбы»[13].

Рассматривая ядерные испытания на суше, на полигоне в штате Невада, X. Вассерман и Н. Соломон указывают, что только с 1950 по 1960 год там было произведено более 200 атомных

взрывов, что привело к значительному заражению атмосферы продуктами ядерного распада. В результате многим жителям Невады атомная радиация принесла тяжелые бедствия, выразившиеся в распространении раковых заболеваний, рождении умственно и физически неполноценных детей, появлении стерильности у мужчин. Авторы на протяжении всей книги много раз отмечают, что «радиация воздействует на человеческий организм на его наиболее важном, клеточном уровне»[14].

Облака с радиоактивными осадками, выпадавшие в штатах Юта, Аризона, Невада, несли смерть. Количество летальных исходов только от лейкемии превышало здесь среднестатистическое в 20 раз, количество детских смертей от рака - в 2,5 раза. Профессор радиологии медицинского колледжа Питтсбургского университета Э. Стернгласс заявил в печати в конце 1968 года, что, по его подсчетам, ядерные испытания за период 1951 —1966 годов вызвали вследствие повышенной радиации в Соединенных Штатах смерть около 375 тыс. детей, не достигших годовалого возраста[15].

Установление в 1963 году запрета на проведение атмосферных ядерных испытаний и перенос их под землю привели, как пишут авторы, к широко распространенному мнению об исчезновении радиоактивной опасности. Однако в 1979 году правительство США признало, что из 300 подземных взрывов 35 оказались «некачественными», в результате чего радиационное излучение и радиоактивная пыль были вынесены ветром за пределы полигонов. Облака пыли разносились на далекие расстояния, вплоть до границы с Канадой. С 1980 года подземные взрывы мощностью до 150 килотонн каждый проводились в среднем каждые три недели.

В книге приводятся многочисленные примеры значительного заражения окружающей среды в результате неконтролируемой радиации, пожаров, утечки радиоактивных отходов. И как следствие — увеличение числа смертей от раковых заболеваний среди населения. Например, в результате прорыва дамбы на урановых рудниках в Черг-Рок из хранилища в р. Аризону хлынуло до 1100 т радиоактивных твердых и свыше 400 тыс. *куб. м* жидких отходов, оставив на расстоянии 70 миль наносы с ураном, плутонием, торием.

Программа использования атомной энергии в мирных целях, объявленная в США, привела к строительству атомных реакторов. Американская администрация выделяет значительные ассигнования на их строительство. Однако и в этой области в результате недоделок, нарушений техники безопасности и других причин дело обстоит неблагополучно. Уровни радиации в окрестностях превышают расчетные, увеличилась радиоактивность почвы, воздуха, питьевой воды, молока. В книге неоднократно подчеркивается, что «долговременное воздействие радиации на здоровье ведет к разрушению генетического кода». Известно, что радиация увеличивает генетические мутации, которые могут переходить из поколения в поколение. Авторы возражают тем, кто считает, что мутация — это фактор эволюционного процесса и что некоторые унаследованные мутации несколько меняют облик растений, животных и они якобы становятся лучше приспособленными к жизни[16].

В апреле 1954 года США произвели взрыв термоядерной бомбы на том же многострадальном атолле Бикини, предварительно переселив жителей атолла на другие острова. Спустя 25 лет после испытания американские власти решили было вновь заселить Бикини, но вынуждены были отказаться от этого плана. Атолл оказался непригодным для жизни, экологическая система на его территории осталась полностью разрушенной. И останется таковой на непредсказуемо долгий срок. Неужели Бикини сегодня — это прообраз Земли, ставшей жертвой ядерных взрывов?

Из вполне реальной вероятности такой катастрофической перспективы исходит в своих рассуждениях Эдвард Теллер. Но голос этого физика звучит вовсе не против такого развития событий. Э. Теллер всего лишь утешает своих соотечественников тем, что во время ядерной войны кое-кто из них уцелеет. Но его, видимо, мало волнует, что оставшиеся в живых будут завидовать мертвым. Уровень ответственности мышления Э. Теллера ярко характеризует его высказывание после взрыва термоядерной бомбы 1 марта 1954 г. вблизи атолла Эниветок, где находятся небольшие острова Ронгерик, Ронгелеп, Аилигинае и Утирик. Жители острова Ронгелеп ничего не знали об опасности. Организаторы взрыва не сочли нужным даже проинструктировать местное население, как им уберечься от смертельной опасности. «Многие из них получили очень тяжелые ожоги кожи,— деловито констатировал Теллер,— дозы от 175 до 1 тыс. рентген...* Взрыв доказал то, о чем спорили в течение многих лет,— радиоактивность является неизбежным побочным продуктом атомного взрыва».

Подобный абстрактно-циничный, а в сущности наплевательский по отношению к судьбам миллионов людей подход вызывает единодушный протест широкой общественности. Недаром и авторы книги «Мы — самоубийцы» заканчивают ее эмоциональным призывом шире развернуть

антивоенное движение и тем самым добиться предотвращения термоядерной катастрофы. Они пишут: «В конце 1980 года продолжающиеся подземные испытания и заявления администрации Рейгана — Буша об ограниченной ядерной войне

* Доза в 400 рентген считается смертельной.

о победе в глобальной конфронтации вызвали мощную волну протестов в Америке, Западной Европе, Японии. Всемирная кампания под лозунгом «Долой атомное оружие!» быстро набирала темпы. Эта кампания, вероятно, может стать самым крупным социальным движением 80-х годов, и значит, ключевым фактором во всей истории человечества. Когда Эйнштейн в 1947 году сравнил открытие ядерной реакции с открытием огня, он не предполагал, как долго понадобится человеческому обществу научиться сохранять этот «огонь» от его разрушительной силы и какие психологические изменения будут необходимы для этого в самих людях»[17].

А для таких психологических изменений, как отмечают многие американские исследователи, необходима прежде всего достаточно полная информированность населения о тех страшных последствиях, которыми чреваты гонка ядерных вооружений, продолжение атомных испытаний, не говоря уже о ядерной войне и ее последствиях.

Не потому ли апологеты устрашения всеми правдами и неправдами туманят мозги рядовым американцам, чтобы оправдать продолжающиеся подземные испытания ядерного оружия и отказ администрации США заключить договор о всеобщем и полном запрещении испытаний ядерного оружия, проект которого СССР внес в ООН?

«Правильно это или неправильно, но свободный мир построил свою оборону на ядерном оружии»,— заявлял Г. Киссинджер еще в 1958 году в статье «Ядерные испытания и проблема мира» и тут же бросал тень сомнения на позицию СССР: «Мы должны подумать над тем, не рассчитаны ли настойчивые требования Советского Союза о полном запрещении ядерных испытаний на то, чтобы парализовать свободные страны, а не установить мир так, как мы его понимаем». Как бы, однако, эта хитрая лиса не притворялась, последние слова выдают ее подлинные намерения. Киссинджер лишь подтверждает их, заявляя далее, что прекращение испытаний «может дать толчок целой цепи событий, которые приведут к расколу некоммунистического мира и подорвут его решимость»[18]. Перед нами философия устрашения в чистом виде, без прикрас.

После многих безуспешных попыток убедить правительства США и Англии совместно отказаться от проведения атомных испытаний Советский Союз, разделяя тревогу мировой общественности по поводу опасности радиоактивного загрязнения окружающей среды, объявил 31 марта 1958 г. об одностороннем прекращении ядерных испытаний и предложил другим ядерным державам последовать этому примеру. О том, какие предлоги спешно изыскивались для того, чтобы утопить решение этого вопроса в бесконечных дискуссиях о контроле, подробно раскрывается в исследованиях Х. К. Джекобсона и Э. Штейна «Дипломаты, ученые и политики. Соединенные Штаты и переговоры о прекращении ядерных испытаний»[19].

Многие американские специалисты считают, что только отсутствие политической воли у администрации США объясняет отказ от переговоров о заключении договора о всеобщем и полном запрещении испытаний ядерного оружия. Известный американский ученый Лайнус Полинг отмечал, что после того, как Джон Кеннеди согласился с аргументацией ученых, выступавших за заключение соглашения с Советским Союзом, понадобилось всего несколько дней, чтобы закончить переговоры и согласовать текст Договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, в космическом пространстве и под водой.

«Я хотел бы ссылкой на этот пример показать, что подобные договоры можно заключить только тогда, когда того хотят, и что это может произойти быстро и не тянуться годами,— убежденно отмечал в 1983 году Лайнус Полинг.— Соглашение о полном запрещении испытаний можно было бы заключить уже сегодня в течение нескольких дней, если бы президент Рональд Рейган выразил решимость к этому. Я думаю, что было бы особенно важно подписать такой договор, ибо соглашение о полном запрещении испытаний явилось бы значительным шагом в борьбе против гонки вооружений. Это могло бы также внести решающий вклад в предотвращение дальнейшего распространения атомного оружия среди все новых стран»[50].

...Это было как страшный сон. Порой ведь приснится: рушится земля под ногами, и ты оседаешь и проваливаешься в тартарары, дух захватывает от жути, так что иной раз вздрогнешь во сне и проснешься, а кровь стучит молоточками в висках, на лбу испарина, и вот постепенно проясняется мысль, наполняющая всего тебя жаркой радостью: слава богу, что все это только

приснилось...

Но нет. Уже который раз телевидение повторяет документальные кадры, заснятые оператором в местечке Рейньер-Меса в штате Невада. Даже за тысячи километров от места события трудно избавиться от жуткого ощущения при виде людей, у которых земля проваливается под ногами. По ровной поверхности словно по воде пробегает рябь, и земля, лопнувшая кругами, оседает, образуя глубокий кратер, куда проваливаются люди.

Взволнованный голос диктора сообщает, что 15 февраля 1984 г. на подземном испытательном полигоне в Рейньер-Месе после очередного взрыва ядерного устройства, произведенного на глубине 400 м, произошел обвал. На поверхности образовался внушительный кратер глубиной 10 м, в который провалились работники испытательного полигона. 15 человек, из которых двое в тяжелом состоянии, были отправлены в госпиталь... Как могло такое произойти? Почему раскололась твердая как камень порода?

Представители министерства энергетики, по бюджету которого производятся работы над новыми видами ядерного оружия, опровергают мнение о том, что обвал — следствие взрыва слишком мощного устройства, превышающего установленные нормы, о которых договорились СССР и США. Это мнение высказал Уолтер Рейвуд, ученый-сейсмолог из университета штата Невада, который сказал, что сотрясение поверхности напоминало землетрясение силой в 4,5 *балла* по шкале Рихтера. Официальных данных о мощности взрыва нет.

Эту жуткую картину обвала миллионы потрясенных американцев наблюдали по телевидению всего через несколько дней после сообщений американской печати о том, что президент Рейган дал указание держать в секрете данные об отдельных подземных испытаниях (что также противоречит двустороннему соглашению).

И вот словно бы сама судьба посылает наказание: не рой яму другому, попадешь в нее сам. Без тени злорадства, но с тревогой и озабоченностью мы напоминаем о том, что американская администрация отказывается от заключения договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия, то есть всех испытаний, в том числе и подземных. Случившееся в Рейньер-Месе — это своего рода символическое предупреждение о том, что ожидает человечество, если оно не прекратит надругательство над матерью-Землей...

В сентябре 1974 года Советский Союз представил на рассмотрение XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект международного соглашения о запрещении воздействия на природную среду и климат в военных и иных целях, несовместимых с интересами обеспечения международной безопасности, благосостояния и здоровья людей. В своем выступлении по этому вопросу министр иностранных дел СССР А. А. Громыко пояснил, что имеющиеся достижения науки и техники уже позволяют вносить искусственные изменения в состояние природной среды, в частности оказывать воздействие на погоду.

Дальнейший научно-технический прогресс даст человечеству еще более эффективные рычаги такого воздействия. В связи с этим Советский Союз считает необходимым уже сейчас принять меры для недопущения военного и иного враждебного использования как уже имеющихся, так и будущих знаний.

Человек — властелин природы и одновременно часть ее. В осознании диалектики этого единства и противоречия — выход из создавшегося экологического тупика. Когда-то Карл Маркс писал: «Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы»[21]. Беря от природы, человек может и должен восстанавливать ее силы, как никогда ранее оберегать ее в ядерный век.

Часть третья

ФИЛОСОФИЯ ВЫЖИВАНИЯ

В 1962 ГОДУ американский школьник Марк Орфингер написал письмо известному английскому ученому Бертрану Расселу, одному из соавторов «манифеста ученых против ядерной войны».

«Мне тринадцать лет, я учусь в девятом классе,— писал Марк.— В этом мире, с его страданиями, тревогами и напряженностью, в людях, подобных вам, молодежь хочет видеть стойких защитников высоких идеалов. Атомная бомба — самое страшное оружие, которое грозит человечеству. Но атомной войны не должно быть, потому что в нашей власти использовать ядерную энергию не в военных, а в мирных целях. И потому я думаю, что все наши творческие возможности мы должны отдать делу такого воспитания, которое явилось бы залогом мирной деятельности... В нашем постоянно меняющемся мире Вы как педагог, философ, математик и социолог за прошедшие полвека накопили большой опыт и, будучи человеком творчески мыслящим, вероятно, могли бы поделиться со мною вкратце своими мыслями о целях воспитания...»

«26 марта 1962 года

Дорогой Марк Орфингер,

спасибо за твое замечательное письмо, которое я прочел с большим интересом. К сожалению, не мог ответить раньше. Думаю, что главная цель воспитания состоит в том, чтобы побуждать молодежь задавать вопросы и ставить под сомнение истины, считающиеся незыблемыми. Это важно для развития самостоятельного мышления. Худо, когда воспитатель не пытается вызвать у студентов стремления оспорить общепринятые мнения и заставить людей, утративших мужество, задуматься над смыслом своего существования...

Я нахожу, что куда менее важно изучить множество дисциплин, нежели глубоко проникнуться сознанием своего права иметь собственное мнение и своего долга развивать новые идеи. Как ты говоришь, наше общество охвачено глубокой тревогой и испытывает тяжкие страдания. Всякая человеческая цивилизация таит в себе опасность. Но если верить в будущее человечества, то каждый из нас обязан сделать все возможное для устранения смертоносного оружия и уметь объективно оценивать политику своего правительства. Сейчас планируются убийства в ужасающих масштабах, и все мы, молодые и старые, должны воспрепятствовать этому. Вот тебе кое-какие соображения. Буду рад, если они тебя заинтересуют. Всего наилучшего, с дружеским приветом

Бертран Рассел»[1].

Вопросы, которые возникают при чтении обоих писем, так же как и советы, которыми делится философ, в наши дни звучат еще более остро и актуально, чем два с лишним десятилетия назад. Многократно увеличилась опасность, нависшая над нашей Землей, и еще более возросла ответственность каждого человека за будущее мира.

Разве не эта ответственность всколыхнула сознание миллионов людей на Земле, вставших в ряды антивоенного движения в конце 70-х и в 80-е годы? Мы являемся свидетелями и участниками переломного этапа в развитии человечества, когда уже не одиночки и не тысячи просвещенных ученых, а миллионные массы берут под сомнение извечность формулы войны и мира, построенных на силе и устрашении. Человечество в ядерный век все острее осознает грозящие ему глобальные опасности и ощущает потребность в переосмыслении многих ценностей и воззрений доядерного века.

не знаем, как сложилась судьба Марка Орфингера.

если в мартовские дни 1984 года он видел «телемост» Москва—Вашингтон, в котором участвовали крупнейшие ученые Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, он не смог не отметить: совесть и разум человечества, преодолевая политические и идеологические границы, тянутся к новой этике и новому мышлению. *Верить в будущее человечества — значит осознавать полную аморальность и всеобщую губительность ядерной войны и быть преисполненным действенной решимости ее предотвратить.*

Верить в будущее человечества — значит выступать не за конфронтацию на поле «холодной» или «горячей» войны, а за соревнование в деле прогресса и сотрудничество в решении глобальных проблем.

Глава 8

КАК ЖИТЬ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ: ДРУГ ПРОТИВ ДРУГА ИЛИ ДРУГ С ДРУГОМ!

ЕСЛИ БЫ ПРОВЕСТИ ОПРОС среди крупнейших политиков и ученых мира и спросить их, какую проблему они считают сейчас самой важной для человечества, то, мы убеждены, большинство ответило бы: «Выживание». Но как жить, чтобы выжить: друг с другом или друг против друга?

Казалось бы, сама постановка вопроса банальна, ибо ответ напрашивается сам собой. Не стоит спешить, однако, с выводом. Ведь есть немало людей на Западе — их влияние в ряде стран, прежде всего в США, является господствующим,— которые считают, что выжить можно лишь проводя политику устрашения своих противников. Итак, на самый главный, жизненно важный вопрос «Как выжить?» отвечают по-разному.

Убедительным примером тому были для нас дискуссии на многих международных форумах, в том числе и на тех конференциях и встречах последних лет, в которых нам довелось участвовать и вместе и порознь и где высказывались довольно противоречивые точки зрения по вопросу о том, как обеспечить выживание. Наш подход к этой проблеме для многих зарубежных участников не всегда является само собой разумеющимся. Тем не менее наиболее непредубежденная часть из наших оппонентов проявляла интерес к постановке вопроса о *необходимости нового мышления в ядерный век.*

В тот период, когда возникло примерное равновесие (паритет) в соотношении противостоящих сил при наличии такого количества ядерных зарядов, которое грозит самому существованию жизни на нашей планете, человечество вступило в эпоху, требующую нового мышления, соответствующего нынешнему уровню научно-технической революции и социальных перемен.

Конечно, многое кардинально изменилось уже после взрыва первых атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки. Важнейшим вопросом для всех людей, независимо от их политических взглядов, стал вопрос о необходимости предотвращения ядерной войны. Но далеко не все учли этот урок и были способны зримо представить себе грядущие опасности. Для этого требовалось умение мыслить по-новому, к чему призвали в 1955 году крупнейшие ученые, подписавшие «манифест Рассела — Эйнштейна».

Лишь после того, как у каждой противостоящей стороны появились десятки, сотни тысяч «бомб-Хиросим» и дальнейшая ядерная гонка превратилась в гонку с преодолением очередного барьера десяти-, пятнадцати- и более кратной способности уничтожить друг друга, новое мышление стало жизненно важной потребностью для спасения человечества. В ядерную эпоху возникают и усиливают свое воздействие на всю сферу международных отношений новые факторы.

Каковы эти новые факторы?

Первый. Впервые в истории изобретено оружие массового уничтожения и накоплено такое количество этого оружия, прежде всего ядерного, что создана материальная возможность для прекращения существования самого человечества.

Второй. Впервые оба военно-политических блока достигли примерного равновесия сил, что в условиях «сверхубийства» превращает ядерную войну для всех ее участников, в том числе и для того, кто ее начнет, в самоубийство.

Третий. Гонка вооружений, в том числе ядерных, достигла таких масштабов и набрала такой темп, что она грозит выйти из-под контроля и превратиться в непосильную ношу даже для промышленно развитых стран, не говоря уже о развивающихся. Каждый день в мире расходуется на вооружение почти 1,5 млрд. долл.[2], что означает колоссальное расходование человечеством его материальных и интеллектуальных ресурсов.

Четвертый. Гонка вооружений, в первую очередь ядерных, не только увеличивает вероятность ядерной катастрофы» но и обостряет углубляющийся разрыв между промышленно развитыми и развивающимися странами, увеличивает задолженность последних (в 1983 г.— более 700 млрд. долл.). Эти проблемы усугубляются резким ростом населения в развивающихся странах. Все это вместе взятое обещает уже в ближайшее десятилетие превратить проблему «Север — Юг» в настолько взрывоопасную, что она может стать причиной глобального конфликта. Таким образом, резко возрастает необходимость для всех стран снизить расходы на вооружения, в том числе в «третьем мире», и изыскать дополнительные средства для увеличения помощи развивающимся странам.

Именно этими мыслями проникнуто письмо министра иностранных дел СССР А. А. Громыко,

направленное в конце мая 1984 г. генеральному секретарю ООН Х. Пересу де Куэльяру, по проблеме взаимосвязи между разоружением и развитием. Предложение сократить расходы на вооружение и за счет этого помочь развивающимся странам — пример нового мышления категориями общечеловеческой заинтересованности в решении глобальных проблем.

Пятый. В последние десятилетия впервые в истории человечества изменилась формула взаимоотношений человека и окружающей среды. Если в прошлые века степень прогресса зависела от степени власти человека над природой, то отныне не только прогресс, но и дальнейшая жизнедеятельность людей все больше будут зависеть от внимания человека к природе и помощи ей. Известная формула — «Нам нельзя ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача» не всегда верна. Нельзя бесконечно брать, не отдавая. И милосердие к природе в наш век — это не роскошь, а условие самосохранения человека. Для того чтобы противостоять вредному воздействию военной и промышленной деятельности людей на окружающую среду, необходимо обуздать разрушительную гонку вооружений и увеличить расходы на охрану и восстановление окружающей среды. Иначе вредные последствия воздействия на природу (загрязненность воздуха, увеличение пустынь, исчезновение лесов, засорение и омертвление водоемов и т. д.) примут необратимый, а для последующих поколений и катастрофический характер.

Появление этих качественно новых факторов превратило нашу планету в один общий дом, в котором благополучие каждого из жильцов взаимосвязано, и эта зависимость от поведения друг друга и от совместно принимаемых мер безопасности в широком смысле этого слова непрерывно возрастает.

Если иметь в виду существующие и нарастающие опасности, то под нашим общим домом — Землей заложены, образно говоря, *три бомбы замедленного действия.*

Первая, самая мощная и самая опасная — это гонка вооружений. На 33-й Пагуошской конференции в Венеции в конце августа 1983 года отмечалось: при наращивании военных арсеналов возрастает вероятность «случайной войны». Неверный сигнал, принятый радаром, ошибка, допущенная ЭВМ, сошедший с ума военнослужащий — этой малости может оказаться достаточно для того, чтобы всего через несколько минут на миллионы людей обрушился ядерный взрыв. Зависимость здесь прямо пропорциональная: чем больше ядерных вооружений в мире, тем больше вероятность возникновения войны.

Вторая бомба — это возрастающий разрыв между уровнем жизни развитых и развивающихся стран, который обостряет социальные и национальные конфликты, способствует росту напряженности не только внутри «третьего мира», но и между развивающимися и развитыми странами, содействует возникновению региональных войн, которые чреваты возможностью глобального ядерного конфликта.

И третья — это своего рода экологическая бомба, совокупность всех факторов, разрушающих окружающую человека среду. Возможно, не все отдают сейчас отчет в остроте надвигающейся опасности, но многочисленные исследования свидетельствуют: если человечество не уменьшит масштабы своего вредного воздействия на природу и не увеличит помощь ей, оно столкнется с неизбежной катастрофой.

«Экологическая бомба» угрожает нам всем, заставляя нас всех острее ощутить свою ответственность и свою солидарность в борьбе за сохранение жизни на нашей планете. Для этого необходимо выявить источники угрозы и выработать единую стратегию за выживание человека и природы.

За последние годы человечество приблизилось к пониманию причин экологического кризиса. Во многих работах известных западных социологов и экологов*, появившихся

* М. Месарович, Э. Пестель, Дж. Тинберген, А. Печчеи и др.

в 70 — начале 80-х годов, правильно отмечается, что не непреодолимые «природные рамки» планеты, а несправедливые социальные условия и их сохранение в будущем создают угрозу развитию человечества. К сожалению, большинство предлагаемых рекомендаций для выхода из экологического тупика являются либо наивными, либо явно недостаточными.

В исследованиях ученых социалистических стран* подчеркивается тесная взаимосвязь экологической проблемы с противостоянием двух социально-экономических систем, прежде всего с продолжающейся гонкой вооружений.

Говоря о необходимости нового мышления в ядерный век, мы имеем в виду осознание факта первостепенной важности: *«экологическая бомба» угрожает всему человечеству и разрядить ее*

можно только общими усилиями. Только на этой основе планетарного сотрудничества может быть выработана и *единая стратегия выживания.* В области экологии она означает заключение международных договоренностей, которые ставят своей целью: предотвращение воздействия на природную среду в военных и иных целях, несовместимых с интересами обеспечения международной безопасности, благосостояния и здоровья людей; полное запрещение всех ядерных испытаний; замораживание, а затем и сокращение военных потенциалов и направление определенной части сэкономленных при этом средств на решение экологических проблем.

Чтобы выжить и спасти свой дом — Землю, люди должны прежде всего осознать эти опасности, осознать, что они носят для них общий характер и требуют *общих безотлагательных усилий* для их устранения.

Необходимо, пока не поздно, разрядить, *обезвредить все три бомбы замедленного действия.* Причем начинать надо с главного — обуздания гонки вооружений и сокращения вооружений. Во-первых, это означает покончить с самой большой и самой острой опасностью. Во-вторых, это одновременно и способ высвобождения необходимых средств для обезвреживания второй и третьей бомб. Резкое сокращение военных расходов дало бы возможность часть сэкономленных средств направить на расширение

* А. Бауэр, Х. Пауке (ГДР), Р. Рихта (ЧССР), Е. Федоров, В. Загладин, И. Фролов, Г. Х. Шахназаров (СССР) и др.

социальных программ в развитых странах, на помощь развивающимся странам и на программы по охране окружающей среды.

Итак, в век увеличивающегося «сверхубийства» и обострения глобальных проблем встает вопрос о выработке *философии выживания человечества.* Как мы уже отмечали, авторы докладов Римского клуба неоднократно предпринимали серьезные попытки на основе анализа путей развития человечества выработать стратегию его выживания. Здесь можно было бы сослаться на упоминавшийся доклад «Цели для человечества»[3] и на доклад «Маршруты, ведущие в будущее». Авторы этих и других исследований высказывают немало правильных и трезвых суждений: признание растущей взаимозависимости нашего мира, необходимости сотрудничества всех стран при решении глобальных проблем современности, заботы о будущих поколениях, отказа от гонки вооружений. Однако большинство полезных выводов либо сводятся на нет утопическими и нереальными рекомендациями (призыв к отказу от национального суверенитета, создание мирового правительства и т.п.), либо вовсе подрываются призывами к «переустройству» общественных систем, прежде всего в социалистических странах, что представляет собой открытое вмешательство во внутренние дела суверенных государств.

Критически оценивая подобный подход, мы хотели бы сделать, однако, следующий вывод. Хотя и с запозданием, с трудом и с противоречиями, но то направление западной политической мысли, которое ищет позитивные ответы на глобальные вызовы, объективно способствует утверждению нового мышления, соответствующего реальностям и проблемам ядерного века.

В некоторых наиболее далеко идущих исследованиях, например в докладах М. Месаровича и Э. Пестеля или Дж. Тинбергена, признается даже необходимость социальных преобразований и установления «нового справедливого социального порядка, как национального, так и международного», названного «гуманистическим социализмом»[4].

Но надо признать и другое: в силу многих политических и идеологических причин авторы подобных исследований либо не в состоянии, либо не желают идти до конца в своих выводах. Дело в том, что уже недостаточно только назвать *грядущие опасности, следует видеть их источники и искать пути преодоления.* Лишь таким образом новое мышление может выявить свою действенность и стать материальной силой в преобразовании мира на новой, более гуманистической и справедливой основе.

Движение за мир — фактор сдерживания угрозы войны

ИЗВЕСТНАЯ МЫСЛЬ — когда идеи овладевают массами, они становятся материальной силой — находит свое блестящее подтверждение в нарастающем антивоенном движении. Это движение в послевоенный период пережило несколько этапов, со своими подъемами и спадами. Причем апогея оно достигало каждый раз, когда широкие слои общественности поднимали свой голос протеста против безудержной гонки ядерных вооружений и агрессивных войн. И каждый раз, когда антивоенное движение принимало действительно массовый и широкопредставительный характер, достигало высокой степени накала, оно становилось важным фактором мировой политики,

оказывало непосредственное влияние на развитие международных событий.

Ярким примером в этом отношении явилось массовое движение общественности всего мира против грязной войны американского империализма во Вьетнаме. Наряду с героической борьбой вьетнамского народа, братской помощью СССР и других социалистических стран общемировое движение солидарности содействовало прекращению агрессии США во Вьетнаме.

Общепризнан и тот факт, что широкие протесты мировой общественности против испытаний ядерного оружия способствовали заключению в 1963 году Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах.

О важном факторе влияния антивоенного общественного мнения, в том числе в самих США, на мировую политику писал Аверелл Гарриман в предисловии к книге Эдварда Кеннеди и Марка Хэтфилда «Замораживание! Как вы можете помочь предотвратить ядерную войну»[5]. А. Гарриман отмечал, что американцы должны участвовать в определении своего будущего, и призывал их активнее бороться против ядерной гонки. «Это движение,— писал он,— наполняет меня верой. Уже дважды в прошлые времена американский народ включался в борьбу за контроль над атомным оружием, и оба раза с успехом. Двадцать лет назад тревога населения в связи с опасностью атомной войны и радиоактивных осадков при атомных испытаниях привела к подписанию договора о запрещении всех испытаний, кроме подземных. Десять лет назад дискуссия о размещении систем противоракетной обороны привела к заключению договора об ограничении систем противоракетной обороны в рамках Договора ОСВ-1»[6]. Пришло время, призывал А. Гарриман, вновь во весь голос заявить об опасности дальнейшей ядерной гонки.

В конце 70 — начале 80-х годов особого накала достигло антиракетное движение в связи с решением НАТО от 12 декабря 1979 г. о производстве и размещении в Западной Европе новых американских ракет «Першинг-2» и крылатых ракет. И хотя западноевропейской общественности не удалось предотвратить начало размещения этих ракет, антивоенное движение не угасло, а набирает новые силы.

Итак, одним из новых факторов ядерного века стали *массовое включение самых разных общественных сил в борьбу за мир и растущее влияние антивоенного общественного мнения на мировую политику.* Для западной политической мысли характерно известное противоречие в оценке этого явления. С одной стороны, большинство политиков, философов и общественных деятелей признают несомненный рост движения за мир в самых разных странах и вынуждены считаться с ним. Здесь вряд ли требуются специальные примеры, ибо все развитие международной жизни в конце 70-х и первой половине 80-х годов — особенно заметно это проявилось в Европе — свидетельствует о том, что массовость антивоенных выступлений и их представительность нарастали.

В предисловии к докладу Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности «Безопасность для всех» ее председатель Улоф Пальме отмечает: «...Грандиозное массово-политическое пробуждение последних двух лет привело к появлению новой общественности, ко-торая озабочена судьбами мира и безопасности. Для многих людей ядерная война уже больше не кажется чем-то отдаленным и нереальным. Для них цена военных расходов — это сокращение программ здравоохранения, потеря Рабочих мест, утрата надежд на лучшее будущее. С пугающей точностью они знают, что станет в случае войны с их городами, с микрорайонами, в которых они живут, с их Родственниками, друзьями, с теми, кого они любят. Зачастую они понимают всю эфемерность концепции взаимного сдерживания путем устрашения яснее, чем какие-нибудь эксперты по проблемам безопасности.

Это массовое чутье уже является значительной политической силой, оно оказывает воздействие на развитие событий»[7].

Примеров тому не счесть. Один из наиболее разительных — подъем антивоенного движения в ФРГ, где в течение двух-трех лет возникла и сформировалась новая политическая партия «зеленых», выступающая против гонки вооружений, в защиту окружающей среды. Одна из ее создателей и вдохновителей Петра Келли призвала к «движению за разоружение снизу»[8].

Ввиду роста подобных настроений государственные деятели Запада — Р. Рейган, Г. Коль, М. Тэтчер и другие отказались от первоначальных уничижительных оценок движения за мир и нередко старались даже идентифицировать свои стремления с целями движения. Достаточно вспомнить высказывания Р. Рейгана, назвавшего в 1980 году движение за мир делом рук «агентов Кремля», а полтора года спустя заявившего, что он сам готов идти в первых рядах демонстрантов за мир.

С другой стороны, в официальных кругах Запада сохраняется в целом негативное отношение к антивоенному движению общественности, предпринимаются попытки сбить его накал, умалить его

значение как фактора, влияющего на решение вопросов войны и мира. Антивоенное движение на Западе имеет самое прямое отношение к выработке и распространению среди широких слоев общественности нового мышления. Массовое осознание катастрофических последствий ядерной войны для всего человечества, аморального, преступного характера гонки вооружений ведет к тому, что идеи разоружения овладевают миллионами и поднимают их на «восстание против невыносимого»[9].

И это не преходящее явление. Характер развития антивоенного движения, в особенности в последние годы, приводит к выводу о том, что по мере усиления опасности ядерной войны оно, несомненно, будет нарастать. Эту закономерность точно охарактеризовал К. У. Черненко: «Опасность империалистической политики нагнетания напряженности стала очевидной. Чем большую угрозу создает она человеческой цивилизации, тем активнее становятся силы самосохранения человечества. Растет возмущение в Западной Европе действиями тех, кто приносит ее безопасность в жертву имперским амбициям Вашингтона. Миллионы участников антиракетного движения говорят об этом выразительным языком»[10].

Характеризуя наиболее важные качественные особенности нынешнего этапа (первой половины 80-х годов) борьбы против гонки ракетно-ядерных вооружений, председатель Советского комитета защиты мира Ю. Жуков отмечал следующие:

- небывалое усиление массовости антивоенных движений, продиктованное кровной заинтересованностью народов в предотвращении ядерной катастрофы;

- растущее вовлечение в антиракетную борьбу крупнейших политических партий и профсоюзов;

- растущее участие в этой борьбе молодежных и женских организаций;

- присоединение к антивоенному движению видных политических, общественных деятелей, представителей деловых кругов, военных специалистов;

- активное участие в борьбе за мир церковных деятелей[11].

После принятия натовского решения о размещении в Западной Европе новых американских ракет подъем движения за ядерное разоружение достиг там небывалого размаха. «Оппозиция охватывает широкие политические круги — от радикалов вне парламента до либералов во многих влиятельных социал-демократических партиях Европы»[12],— отмечал американский еженедельник «Нэйшн» уже в октябре 1981 года. «Это — уже движение миллионов, которое охватило все политические партии. Сторонники всех политических направлений объединяются сегодня для сопротивления атомному довооружению»[13],— писал западногерманский «Штерн».

В ноябре 1981 года ряд известных бывших военных деятелей стран НАТО устроили в Гааге пресс-конференцию, на которой они представили меморандум министрам обороны и командованию НАТО, резко критикующий курс на усиление гонки вооружений и обострение международной напряженности. Среди подписавших были генералы в отставке Герт Бастиан (ФРГ), Юхан Кристи (Норвегия), Франсиску да Кошта Гомеш (Португалия), Георгиос Куманакос (Греция), Х. М. фон Мейенфилдт (Голландия), Нино Пасти (Италия), Антуан Сангинетти (Франция).

В меморандуме отмечалось: «Мы, бывшие старшие офицеры вооруженных сил НАТО, основываясь на своем военном опыте и ответственности перед человечеством, считаем своим долгом заявить следующее.

Стремление к военному превосходству как действенному средству ограждения политических интересов было бы иллюзией для обеих сторон, учитывая тот военный потенциал, которым они сейчас располагают, а также экономические, научные и технические возможности создания новых вооружений и на Востоке, и на Западе.

В третьей мировой войне, если бы она началась, будет невозможно одержать победу, как невозможно будет ограничить боевые действия пределами определенного района. Огромная разрушительная способность современного оружия создает угрозу для существования всего человечества. В конфликте с использованием подобных боевых средств не может быть победителя, в нем будут лишь потерпевшие».

Эти же мысли развивают в своих книгах Герт Бастиан («Сотворить мир») и Альфред Мехтерсхаймер («Вооружение и мир»). Они призывают западных немцев и всех западноевропейцев к активной борьбе против гонки вооружений.

Отвечая на вопрос, что может сделать движение за мир, Герт Бастиан сказал: «Думаю, что оно может сделать очень много. Прежде всего надо убедить как можно больше людей. Есть люди, которые говорят: наше правительство, должно быть, знает, что делает, а что я, маленький человек,

который ничего в этом не понимает, могу поделать? Наш успех зависит от того, удастся ли изменить такую точку зрения, чтобы эти люди также принимали активное участие в протесте против ущемления наших интересов»[14].

В центр своей проповеднической деятельности выдвинула вопросы войны и мира церковь. Церковные круги и западноевропейских стран, и Соединенных Штатов Америки, несмотря на разногласия и известную непоследовательность, выступили с осуждением гонки вооружений и доктрин, оправдывающих ядерную войну. Еще в 1981 году западногерманская газета «Вестдойче альгемайне» отмечала: «Все больше людей считают, что церковь сможет сохранить авторитет только в том случае, если она безоговорочно выступит в защиту мира. Некоторые окружные синоды уже заявили об отрицательном отношении к двойному решению НАТО. Ракетный вопрос, грозящий разделить всю страну на два лагеря, затронул и церковь».

В этом отношении весьма показательна история Франца Альта.

Франц Альт — известный католический публицист и издатель, член ХДС. До последнего времени он не только сам разделял концепцию «безопасности посредством вооружений», но и усиленно пропагандировал натовские решения, в том числе «двойное»— о размещении ракет. Ныне он извиняется перед своими читателями и слушателями за то, что вводил их в заблуждение, и выступает категорически против «довооружения». Свою позицию Ф. Альт подробно аргументирует и обосновывает в книге «Мир возможен. Политика Нагорной проповеди»[15].

История с Ф. Альтом — типичный пример проявления одной из самых характерных черт современного этапа антивоенного движения, когда к нему присоединяются или оказывают поддержку в той или иной форме те группировки и силы, которые ранее занимали подчеркнуто нейтральную, а то и враждебную позицию. Именно такого рода процесс получает развитие, в частности, среди западногерманских католиков, составляющих, согласно данным официальной статистики, 44% населения ФРГ.

В рамках католицизма возникло и окрепло антивоенное течение «Церковь снизу», отвергающее политику натовского «довооружения». Сходные требования сформулировали Союз немецкой католической молодежи, насчитывающий около 700 тыс. членов, многие студенческие католические объединения, влиятельные благотворительные организации католиков (типа «Паке кристи») и т. д.

Реакционная пронатовская пресса обрушилась на книгу Ф. Альта с грубыми нападками. Но несмотря на это многократно «отвергнутая» книга «свихнувшегося» публициста идет нарасхват, тиражи непрерывно растут. Пасторы используют ее в своих проповедях, учителя — на уроках обществоведения, отрывки из нее читают на концертных эстрадах.

Франц Альт обращается в своей книге к совести читателей, вскрывает несостоятельность гонки вооружений, военных приготовлений, особенно ракетно-ядерных, с моральной и религиозной точек зрения. Осознав всю глубину катастрофы, которая готова обрушиться на человечество, он приходит к выводу, что «атомная война недопустима с христианской точки зрения», что только одно политическое Деяние может в современной обстановке снискать себе моральное оправдание — безоговорочный отказ от ядерной войны.

Не проявляя ни тени недружелюбия к США, подчеркнуто отклоняя какой бы то ни было антиамериканизм, автор в то же время не может не содрогнуться перед бездной лицемерия, фальши, религиозного кощунства, которыми нынешняя американская администрация и персонально ее глава сдабривают каждый очередной проект изготовления орудий смерти, новый виток гонки вооружений. При чем тут моральные принципы? Разве могут они оправдать подготовку к уничтожению всего живого на Земле? Эти вопросы ставит в своей книге Ф. Альт и дает на них твердый отрицательный ответ.

Не отказываясь от возможности применения Западом ядерного оружия первым, президент Рейган в то же время как-то воскликнул: «Я молюсь о том, чтобы мне никогда не пришлось применять это ужасное атомное оружие». Ф. Альт так прокомментировал эту беззастенчивую спекуляцию: «Тот, кто молится о том, чтобы ему не пришлось применять атомное оружие, тот пытается свалить на бога ответственность за страшнейшее злодеяние в человеческой истории!.. Религию пытаются сделать ширмой для преступления. Ведь это тот сорт религиозности, когда атомной подводной лодке дают название „Тело Христово"*».

Автор критикует правительство ФРГ за следование опасному курсу Вашингтона. Он пишет о том, что нетрудно вообразить, в чьей стране будут применять первыми ядерные бомбы. Разве могут когда-либо интересы ФРГ заключаться в том, чтобы сделаться атомным полем боя?

Однако Ф. Альт не ограничивается общими призывами и рассуждениями, не пытается уйти в метафизические высоты от конкретного вопроса о том, что нужно делать именно сейчас, в сегодняшней сложной обстановке. Его ответ ясен и недвусмыслен: «Никакого довооружения, никаких новых шагов в прежнем направлении, по меньшей мере приостановка вооружений — как первый шаг в новом направлении». Ф. Альт требует безусловного отказа от размещения в ФРГ и в Западной Европе в целом новых американских ядерных ракет: «Тот, кто призывает к разоружению Советского Союза, должен сначала сам прекратить вооружаться и довооружаться».

* «Corpus Christi»— официальное название, данное одному из новейших атомных подводных ракетоносцев США.

В ФРГ евангелическая церковь, наряду с католической, играет заметную роль в общественной и политической жизни. В стране около 16 тыс. священников-евангелистов; 10660 общин, охватывающих почти 26 млн. человек.

В октябре 1981 года советом евангелической церкви в ФРГ был подготовлен и издан меморандум «За поддержание, укрепление и обновление мира». В предисловии к нему отмечалось: «Любая' военная конфронтация грозит сегодня вылиться в ядерную катастрофу. В декабре 1979 года блок НАТО принял решение о размещении американского ракетно-ядерного оружия средней дальности и увязал его с возможным исходом советско-американских переговоров об ограничении ядерных вооружений в Европе. С той поры в США отчетливо проявился поворот к политике с позиции силы. Опасность нового витка гонки вооружений породила большое беспокойство среди многих людей. Движение в защиту мира быстро набирает силу и ставит на первый план дискуссий в обществе и в церкви вопросы разоружения и безопасности».

В августе 1982 года руководство Реформаторского союза — течения в евангелической церкви, которое объединяет свыше 2,5 млн. верующих,— приняли еще более острый антивоенный документ «Вера в Христа и ответственность церкви за мир». В нем подчеркивалась несовместимость христианского учения с разработкой, производством и применением оружия массового уничтожения. «Мы не хотим жить рядом с таким оружием, находиться под его защитой, — говорилось в документе, — христиане ни в коем случае не могут согласиться с использованием этого оружия. Они не могут одобрить создание и размещение подобных средств в качестве политического оружия, чтобы с помощью устрашения добиваться достижения политических целей. Необходимо преградить дорогу гонке вооружений и повернуть ее вспять».

В качестве первых шагов на этом пути Реформаторский союз предлагал принять следующие конкретные меры:

— принципиальное обязательство разрешать конфликты без применения силы или угрозы силой;

— отказ от накопления запасов оружия;

— немедленное прекращение разработки и размещения новых видов средств массового уничтожения;

— обязательство не применять первыми имеющиеся средства массового уничтожения;

— создание зон, свободных от ядерного оружия.

Стоит задуматься над этим фактом: отцы церкви и верующие прихожане требуют от своих правительств принять меры, идущие в русле предложений, которые вот уже много лет подряд выдвигаются Советским Союзом и странами ОВД. А верующие лидеры НАТО открещиваются от этих инициатив, как черт от ладана!

Позиция, занятая Реформаторским союзом, вызвала широкий резонанс в церковных и политических кругах ФРГ. Как отмечала печать, впервые такая сильная группировка в евангелической церкви в безусловной форме отвергла все виды ядерного устрашения.

В 1982 году англиканская церковь выпустила книгу «Церковь и бомба: ядерное оружие и христианская совесть»[16]. Авторы подчеркивали, что «любая ядерная война станет глобальным самоубийством, которое унесет в могилу миллионы людей».

В книге критикуется концепция устрашения, которая ведет к непрерывной модернизации и пополнению ядерных арсеналов. Единственной альтернативой в нынешних условиях, подчеркивают деятели церкви, должны служить активные поиски путей к разоружению. При этом ядерное разоружение — это только первый важный шаг, за ним должно последовать запрещение и уничтожение химического и бактериологического оружия.

Доклад вызвал ожесточенные нападки со стороны правительства и милитаристских кругов. С

резкой критикой его выступила и премьер-министр Маргарет Тэтчер.

Для своей речи, произнесенной 8 марта 1983 г., в которой Рейган назвал Советский Союз «средоточием зла», он не случайно избрал церковную аудиторию — конгресс евангелистов во Флориде. Американский президент накануне узнал, что одна из комиссий палаты представителей проголосовала за замораживание ядерного оружия и что эта идея пользуется растущей поддержкой среди верующих, особенно среди католиков.

Метаморфозы, которые за последние годы произошли среди американских католиков, достаточно необычны и показательны для смены настроений в наиболее консервативной среде. Стоит напомнить, что американский католический епископат в свое время энергично возражал против признания Советской России, а потом шел в первых рядах крестоносцев «холодной войны». В 1946 году кардинал Спеллман официально назвал коммунизм «противоречащим американскому духу». Не случайно сенатор Маккарти, возразивший «охоту на ведьм», был католиком и его единоверцы поддерживали маккартизм больше, чем американцы в среднем. До конца 50-х годов ЦРУ и ФБР считали католические университеты самыми надежными и спокойными. Католическая верхушка вначале одобряла войну во Вьетнаме и лишь в 1971 году осудила ее.

И вот после долгих дискуссий в ноябре 1982 года внушительным большинством генеральная ассамблея епископов одобрила второй проект пастырского послания о ядерной войне, а 3 мая 1983 г. утвердила его. Это пастырское послание вызвало резкую критику администрации, которая мобилизовала против него не только министра ВМС Джона Лемана (он опубликовал полную желчи статью в «Уоллстрит джорнэл»), но и всех консервативно настроенных католиков во главе с архиепископом Нового Орлеана Филиппом Хэннэном.

Поклонников философии и практики устрашения вывел из себя бунт внутри собственной крепости — среди духовных пастырей доселе надежного католического корпуса. Предвестниками недовольства были архиепископ Сиэтла Рэймонд Хандхаузен, уплативший лишь половину причитающегося с него налога в знак протеста против расположения в его епархии базы ядерных подводных лодок, а также епископ города Амарильо в Техасе Лерой Мэттисен, выступивший с осуждением производства ядерных боеголовок на местном заводе «Понтекс» и призвавший рабочих-католиков этого предприятия поискать себе другую работу.

Негодование одиночек все же не так страшно, как коллективное осуждение доктрин и действий администрации.

В пастырском послании утверждалось: ядерное оружие нельзя ни при каких обстоятельствах использовать против гражданских объектов. Американские епископы отвергали концепцию первого ядерного удара, отнеся к этой категории оружия и ракеты «МХ». Они призывали «не домогаться ядерного превосходства над другим лагерем» и немедленно заключить советско-американское соглашение о замораживании испытаний, производства и развертывания новых стратегических систем.

Для администрации Рейгана это был ощутимый удар, тем более, что американские католики опирались и на авторитет Ватикана, призвавшего прекратить накопление обычных, химических, бактериологических, а главное — ядерных вооружений. В обращении папы Иоанна Павла II по случаю Всемирного дня мира в декабре 1983 года, которое было озаглавлено «Мир рождается из нового сердца», говорилось: «Мир — это долг всех... Каждый человек, независимо от своего социального положения, может и должен действительно взять на себя свою долю ответственности в строительстве подлинного мира в той среде, где он живет». В обращении содержался призыв к главам государств и политическим руководителям, на которых лежит первостепенная ответственность, проявить ее в деле установления и развития мирных отношений внутри страны и между народами.

Многие положения папского обращения, по существу, были вызовом всей философии и практике американской администрации. Не потому ли на верхних этажах политической власти США решили срочно укреплять свои связи с Ватиканом, чтобы усилить там свое влияние. В конце декабря 1983 года было объявлено, что США решили восстановить дипломатические отношения с Ватиканом, разорванные еще в 1867 году. Более столетия проповедники христианской морали из Белого дома со спокойной совестью жили в разладе с папским престолом и лишь теперь ощутили нужду в тесных консультациях. Чтобы они осуществлялись напрямую, без лишних посредников, Рейган решил назначить послом в Ватикан своего личного представителя, промышленника из Калифорнии Уильяма Уилсона.

Вряд ли, однако, все эти меры смогут спасти тающий моральный престиж Белого дома в

христианском мире, если в Вашингтоне не откажутся от высокомерия силы и духа «крестовых походов» против инакомыслящих. Против этого восстает совесть всех людей, любой веры и мировоззрения.

Примером тому явилось открытое послание патриарха Московского и всея Руси Пимена президенту США[17], направленное после выступления Рейгана на 41-м ежегодном съезде национальной ассоциации евангелистов США в марте 1983 года.

«С горечью в сердце и скорбью я прочел Ваши воинственные призывы, призывы, сеющие вражду и ненависть к моей Родине, призывы, угрожающие миру во всем мире,— говорилось в послании.— Эти призывы тем более греховны, что облачены они в одеяние христианской морали...

Разве можно оправдывать словом Божьим безумную гонку орудий массового истребления? Разве можно быть верным заповеди «Не убивай!» и одновременно говорить о допустимости «ограниченной ядерной войны», о «всеобщей ядерной войне», о «победе в ядерной войне» и прочих преступных и греховных помыслах?

...Как же совместить тогда Вашу приверженность христианской этике и морали с упорным стремлением приучить своих сограждан к мысли о допустимости и неизбежности ядерной войны — этого воистину ядерного Армагеддона?

...Вы посчитали для себя — христианина — допустимым назвать «средоточием зла», «греховной империей» страну, в которой живут около 280 миллионов людей, страну, которая на своих плечах вынесла бремя величайшей битвы против фашистских полчищ, страну, которая никогда не воевала против Соединенных Штатов и не намерена и впредь поднять меч на нее».

Патриарх Пимен напомнил американскому президенту о том, что в марте 1983 года в Москве было проведено заседание рабочего президиума всемирной конференции «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы» и было принято заявление конференции круглого стола «Замораживание ядерных вооружений — поворотный пункт: нравственный императив и экономическая необходимость».

В послании патриарха Пимена говорилось: «Мы, епископат, клир и миряне Русской Православной Церкви — полноправные граждане и патриоты страны своей. Мы искренне поддерживаем благородные усилия Советского государства, направленные на предотвращение ядерной войны, на достижение всеобщего и полного разоружения и утверждение в отношениях между всеми без какого-либо различия государствами принципа мирного сосуществования».

Диалектика войны и мира в ядерный век проявляется также и в том, что чем сильнее возрастает угроза ядерной катастрофы, тем шире и активнее нарастает общественный протест на планете. И это движение протеста, в которое включаются люди самых разных воззрений и верований, способствует формированию мышления категориями не узконациональных или блоковых интересов, а общечеловеческих. И среди них новой доминантой является стремление избежать ядерной конфронтации, последствия которой непоправимы. В этой великой войне за мир линия раздела идет не между двумя социальными система! ми, не между отдельными странами или партиями, а через все человечество — между теми, кто осознал свою ответственность за судьбы мира, и теми, кто хочет переделать его на свой манер путем устрашения.

Эта борьба началась еще в доатомную эпоху как борьба двух начал и двух воззрений на развитие человеческого рода. Еще в 30-е годы нашего века главную угрозу для человечества увидел и выразил чешский писатель Карел Чапек, который в предисловии к своей драме «Белая болезнь» отмечал: «...Правда, нынешнему мировому конфликту можно дать также экономическое и социальное истолкование, можно рассматривать его в биологическом плане — как борьбу за существование. Но самый драматический его аспект заключается в столкновении двух великих антагонистических идеалов: на одной стороне нравственный идеал общечеловеческой гуманности, демократической свободы, всеобщего мира и уважения к жизни и правам каждого человека; на другой стороне — динамический антигуманный идеал власти, абсолютного господства и национальной или иной экспансии, для которой насилие — желанное средство, а человек и его жизнь — только орудие...

В мире войн сам Мир должен быть суровым и беспощадным воителем»[18].

Соревнование и сотрудничество, а не война двух миров

ЕСТЬ ЛИШЬ ОДНА альтернатива человеческого сожительства на земном шаре: терпимость взаимного существования при всей противоположности мировоззрений или конфронтация с целью уничтожения или подавления другой стороны. Таковы две противоположные философии

миропонимания и мироотношений. Им соответствуют и две противоположные политики: политика мирного сосуществования и политика военного противоборства. Будучи принципиальным противником войны как средства насильственного навязывания убеждений (что не исключает права на их защиту), СССР отвергает политику военного противоборства и выступает за политику мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Именно Советский Союз, выступая за мирное сосуществование противоположных общественно-политических систем с противоположными идеологиями, является сторонником гуманизма и прогресса в отличие от тех, кто предпочитает политику конфронтации, в основе которой лежит отрицание права другого на противоположную точку зрения.

Советские люди отвергают также «холодную войну», как состояние промежуточное между разрядкой и военным противоборством. Они отвергают политику «холодной войны» именно потому, что она в основе своей содержит идею военного противоборства.

Избрав политику мирного сосуществования, Советский Союз выступает за международную разрядку, за взаимопонимание и сотрудничество между государствами и народами в самых различных областях, в том числе в области экономики, науки, культуры, информации.

Разрядка расширяет возможности экономического и культурного прогресса всего мира, ибо она содействует обмену духовными ценностями, информацией и международным связям. В свою очередь, сотрудничество в области экономики, культуры, образования и информации способствует духовному обогащению народов и совершенствованию человеческой личности, воспитанию людей и в первую очередь молодежи в духе мира и взаимопонимания, а тем самым укрепляет разрядку. Иногда приходится слышать, что мирное сосуществование, разрядка, так же как и сотрудничество, невозможны в условиях продолжающейся идеологической борьбы. Некоторые идут еще дальше, требуя от Советского Союза отказаться от идеологического противоборства.

Если иметь в виду не сознательных противников идеи мирного сосуществования, эксплуатирующих вышеназванный тезис, а искренне заблуждающихся, то хотелось бы сказать следующее.

Никто не в силах отменить идеологическую борьбу. Это — объективная историческая категория в мире, где существуют классы и различные социальные системы. В то же время существование в мире различных социальных систем с присущими им идеологическими установками не Должно препятствовать совместным усилиям в деле обеспечения мира, доверия и сотрудничества.

Советские люди отвергают конфронтацию в межгосударственных отношениях. Но считают неизбежным противоборство в сфере идеологии. Важно, однако, чтобы борьба идей происходила на базе общей заинтересованности в обеспечении международного мира и сотрудничества.

При этом СССР выступает за то, чтобы сотрудничество в области экономики, культуры, образования, информации осуществлялось при уважении суверенитета, законов и обычаев каждой страны, в интересах экономического развития и духовного обогащения народов, в интересах роста доверия между народами.

Здесь важно отметить, что все более широкие круги общественности на Западе, отстаивая свои собственные идеалы, в то же время приходят к выводу, что идеологическая борьба не должна превращаться в психологическую войну — тезис, который наша страна всегда отстаивала и отстаивает.

Так, в пастырском послании католических епископов США в марте 1983 года отмечалась необходимость не обострять конфронтацию, а усиливать сотрудничество во имя мира и социального развития: «Одна из целей католического образования — не обострять идеологической противоположности (между марксизмом и христианством) и, наоборот, сосредоточиться на проблемах, требующих совместных усилий»[19]. Было бы ошибкой считать, говорится далее в послании, что цель советской политики — «завоевать планету любой ценой». Нельзя дать себя «заворожить» той формой антисоветизма, которая способна заслонить опасность ядерного конфликта.

Ростки нового мышления наиболее заметно пробиваются среди тех, кто осознает самоубийственный характер конфликтов в ядерный век и понимает необходимость поиска политических, а не военных решений. Такова, в частности, точка зрения профессора физики Ганса-Петера Дюрра, который признает, что «нужны поиски нового мышления» в ядерный век. «Каждому на Востоке и Западе,— пишет он,— должно стать ясно, что если он внесет свой вклад в то, чтобы мир на этой земле стал стабильнее и безопаснее, если он поможет уменьшить страх противника, то он тем самым свершит благое дело и для самого себя, а не только для другого. Я вижу самый

большой и, может быть, единственный шанс в том факте, что поддержание мира соответствует подлинным интересам всех народов на этой земле и прежде всего жизненно важным интересам обоих военных блоков». И далее, как бы отвечая сторонникам «крестовых входов» против социализма, он призывает к тому, чтобы, хотя и не соглашаясь с мировоззрением другой стороны, учиться партнерскому мышлению и партнерским действиям.

Все чаще на Западе высказывается мысль о необходимости международного сотрудничества в рамках сосуществования различных социальных систем. Настоятельность обеспечения мира и решения глобальных проблем современности требует считаться с мнением и интересами другой стороны. «На мир можно надеяться только как на результат достоверной готовности понять чужеродное, даже противоположное, как на конструктивную возможность для плодотворного соперничества и для совместных поисков решения прежде всего социальных и, в широком понимании,— экологических проблем нашего времени, решений, достойных человека»[21],— отмечает в своей книге «Сотворить мир» Герт Бастиан.

В последнее время и в США появилось немало книг и исследований, в которых главный акцент делается на необходимость сотрудничества между СССР и США, а по возможности и налаживания дружественных отношений. В этом плане показательна книга «Ядерная война: что она вам несет?», подготовленная активистами антивоенной организации «Граунд зироу» («Эпицентр») под руководством Роджера Моландера, возглавляющего эту организацию.

Авторы ставят своей целью пробудить дремлющее сознание американского обывателя и информировать общественность о том, что представляет собой ядерная война. Оставляя в стороне несостоятельность политического анализа авторами многих событий в мире и многочисленные искажения советской внешней политики, заметим, что даже несмотря на подобные измышления представители «Граунд зироу» признают: «Вопрос состоит в том, чтобы либо самостоятельно, либо в сотрудничестве с Советским Союзом найти новый подход, который бы укрепил в нас обоих уверенность в том, что мы сможем предотвратить конфликт». И далее: «Контроль над вооруженными силами служит делу перехода от политики устрашения и довооружения к политике дружбы и мирного соревнования, которая открывает путь к уменьшению страха и ненависти, к укреплению взаимного доверия»[22].

Проблема соперничества и сотрудничества, конечно гораздо шире рамок двусторонних отношений между СССР и США. Несомненно, однако, что нормализация этих отношений во многом способствовала бы улучшению всего международного климата, создала бы предпосылки для более успешного решения глобальных проблем современности. И здесь мы снова возвращаемся к тесной взаимосвязи этих проблем. Триединая формула главных задач человечества: гонка вооружений — «Север — Юг» — экологический кризис может быть решена только взаимными усилиями, только на мирной основе и только путем снижения расходов на вооружения.

В этом отношении Советский Союз занимает последовательную и неизменную позицию. «Жизнь требует плодотворного сотрудничества всех государств во имя решения мирных, конструктивных задач, стоящих перед каждым народом и всем человечеством.

А оно, это сотрудничество,— не беспочвенная утопия. Зачатки его — пусть пока еще скромные — есть и теперь, в наши дни. Их надо видеть, ценить и развивать, — отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии. — Словом, уже есть оправдавшая себя основа для дальнейшего освоения нивы мирного сотрудничества государств. А необходимость в этом все более очевидна. Достаточно упомянуть такие, например, проблемы, как открытие и использование новых источников энергии, обеспечение продовольствием растущего населения планеты, сохранение во всем ее богатстве природы нашей земли, освоение высот космоса и глубин Мирового океана»[23].

Для налаживания плодотворного международного сотрудничества необходимо новое мышление через осознание реальностей современного мира. А главная из них в том, что в век ядерного «сверхубийства» ни одна социальная система, сколь бы богата и сильна она ни была, не может позволить себе игнорировать жизненно важные интересы другой стороны и рассматривать ее только как соперника. Диалектическое единство противоположностей, когда соперники в борьбе идей являются одновременно партнерами в борьбе за жизнь, становится единственно возможной формулой выживания в наш век.

Глава 9

ВЗАИМНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ — ГАРАНТИЯ СОБСТВЕННОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ в ядерный век предполагает новое осознание безопасности — своей собственной и других, а следовательно, и новый подход к международной безопасности. Если исходить из того, что все члены международного сообщества отвергают ядерную войну как коллективное самоубийство, то они должны быть заинтересованы в устранении факторов, увеличивающих вероятность ядерного конфликта.

К числу таких факторов относится прежде всего стремление добиться военного превосходства и вследствие этого — гонка ядерных и обычных вооружений.

Многолетний опыт показал: даже при искреннем желании всех сторон договориться о прекращении гонки вооружений и сокращении их весьма трудно прийти к соглашению, тем более в условиях напряженной международной обстановки и взаимного недоверия. В свою очередь, продолжающаяся гонка вооружений усиливает напряженность и недоверие.

Как вырваться из этого злополучного замкнутого круга?

Советский Союз и другие члены Организации Варшавского Договора внесли развернутые предложения по мерам Укрепления доверия, среди которых первостепенное значение придается таким крупномасштабным акциям, как заключение договора о неприменении силы и поддержании отношений мира и принятие на себя ядерными державами обязательства о неприменении ядерного оружия первыми.

На наш взгляд, в области обеспечения национальной и международной безопасности решающее значение приобретает новая закономерность в международных отношениях, о которой мы уже говорили: *в век ядерного «оверкила» и растущей взаимозависимости всех стран мира невозможно добиться односторонней выгоды для себя в ущерб другому, не нанося в конечном счете ущерба самому себе.* В знании этой закономерности заключен также один из принципов нового мышления.

Вся история ядерной гонки, осуществляемой в США подтверждает эту закономерность, если иметь в виду общенациональные интересы, а не интересы военно-промышленного комплекса. Каждый раз, когда США добивались односторонних преимуществ путем принятия на вооружение новых видов оружия, они заставляли Советский Союз прибегнуть к ответным мерам. Таким образом, США своими действиями, по существу, не увеличивали, а подрывали собственную безопасность, поскольку гонка вооружений переходила на новый, более опасный виток, а это, в свою очередь, подрывало международную стабильность и международную безопасность. Наибольший ущерб национальным интересам, так же как и интересам всего человечества, будет нанесен той страной, которая, стремясь к достижению превосходства над другими, взвинтит спираль вооружений до неуправляемого витка, не говоря уже о попытке добиться победы с помощью ядерного оружия.

Реальности ядерного века требуют пересмотра таких основополагающих понятий, как сила, превосходство, победа, безопасность в их применении к себе и другим. И точно так же, как ядерная война уже не может быть продолжением политики иными средствами, как не может быть победителя в ядерной войне, не может быть и односторонней безопасности в ущерб безопасности другого.

Эта идея составляет сердцевину упоминавшегося ранее доклада Комиссии Пальме. В разделе доклада «Угроза для всех и безопасность для всех» говорится: «В современном мире безопасность не может быть обеспечена в одностороннем порядке. С точки зрения экономической, политической, культурной, и самое главное, с военной точки зрения мы живем в мире растущей взаимозависимости. Безопасность одного государства нельзя обеспечить за счет безопасности других... Мы стоим перед лицом угрозы для всех и потому должны укреплять свою безопасность усилиями всех»[1].

Подлинная безопасность в ядерный век — это *взаимная безопасность,* основанная на том, что каждая из сторон не просто учитывает интересы другой, но, принимая меры по обеспечению собственной безопасности, думает о том, чтобы не причинить ущерба безопасности других.

Взаимная безопасность может быть обеспечена лишь на основе принципа равенства и одинаковой безопасности.

Конечно, достижение такого состояния — это процесс достаточно длительный и мучительный, ибо он требует отказа от многих привычных категорий мышления, складывавшихся на протяжении столетий военной истории. До недавнего времени собственная выгода часто бывала связана с нанесением ущерба другому. До сих пор НАТО руководствуется концепциями устрашения,

доктринами «ограниченной» и «затяжной» ядерной войны, цель которых — нанесение другой стороне неприемлемого ущерба.

В противовес концепции взаимной безопасности сторонники обеспечения национальной безопасности с позиции силы по-прежнему цепляются за доктрину устрашения. «Военное устрашение останется, по-видимому, основной заботой нашей политики еще на долгие времена,— отмечает американский профессор Дж. Найт, признавая в то же время ее несостоятельность в современном мире.— Но военную силу трудно использовать для решения многих новых проблем в условиях взаимозависимости»[2].

Философия выживания в век ядерного «оверкила» требует пересмотра прежних военно-политических концепций и доктрин, основанных на старых понятиях превосходства в силе и достижения победы в войне. В связи с этим возникает вопрос: остается ли верной в ядерный век известная формула Клаузевица «Война есть продолжение политики иными средствами»? Вопрос не столь уж простой, как может показаться на первый взгляд.

Клаузевиц и сегодня апостол, мэтр для многих философов, теоретиков и практиков устрашения, которые охотно берут германского генерала-теоретика первой половины XIX века одновременно в свои идейные отцы и соавторы.

Война в классическом понимании большой, то есть мировой, войны, в которую были бы втянуты крупные державы, в нынешних условиях не может быть ограничена определенной территорией, временем или только обычными вооружениями. По мнению руководства государств — Участников ОВД и многих политических и военных деятелей Запада, такая война неизбежно перерастет в тотальную, что означало бы взаимное уничтожение, то есть коллективное самоубийство для человечества. Разве война с такими последствиями может быть продолжением политики иными средствами?

Для каждого здравомыслящего человека с чувством ответственности должно быть ясно, что *ядерная война, в которую неизбежно перерастет большая война, не может быть продолжением политики иными средствами, ибо в результате ее исчезли бы и реальный смысл такой политики, и ее цели, и ее носители.*

К пониманию этого приходят многие специалисты во всем мире. Западногерманские исследователи Йозеф Фюлленбах и Эберхард Шульц подчеркивают: «Находящиеся в распоряжении как Востока, так и Запада средства массового уничтожения не позволяют больше контролировать ограничение войны. Тем самым войну нельзя больше определять как продолжение политики иными средствами»[3].

Понимание этой истины и составляет водораздел между двумя противоположными философиями: устрашения и разоружения. При этом теоретики и практики устрашения далеко не всегда ратуют за прямое военное столкновение с социалистическим миром. Такие тоже есть. Но гораздо больше тех, кто облекает свои мысли в миролюбивую, вполне гуманную фразеологию.

По собственному опыту многочисленных дискуссий на Западе мы знаем, что встретить военного специалиста, политика, ученого или журналиста, который бы публично высказывал аргументы в пользу войны, можно не так уж часто. В открытых дискуссиях, тем более если в них участвуют представители социалистических стран, это — редкие и, как правило, молчаливые гости. Другое дело, когда они оказываются в кругу единомышленников.

Известный общественный деятель ФРГ Лоренц Кнорр в своей работе «Мысленные игры о полезности войн» рассказывает о закрытой международной встрече офицеров запаса натовских стран, состоявшейся в Бонне вскоре после принятия в мае 1978 года долгосрочной программы вооружений НАТО. На встрече, в которой приняли участие более 1200 офицеров, в качестве докладчика выступил директор Международного института стратегических исследований д-р Бертрам, который разъяснял своим слушателям глобальную военную стратегию Североатлантического блока. В докладе утверждалось: «Естественно, жизненно важное значение имеет сохранение способности для военных интервенций в тех случаях, в которых не сработают все другие средства для оказания давления...»[4].

И далее д-р Бертрам подчеркнул, что хотя главной целью является «изменение без войны» (конечно же, в благоприятном для Запада направлении), не исключается и возможность «изменения посредством войны».

Разве это не стремление обосновать в новых условиях извечные милитаристские постулаты "Jus ad bellum"— «право на войну» и "si vis pacem para bellum"— «хочешь мира, готовься к войне». Как эти рассуждения, так и трагическая действительность во Вьетнаме, в Ливане, на Гренаде, в

других регионах мира подтверждают, что не только мышление, но практические действия в русле доктрины устрашения имеют глубокие корни. Критике этого явления уделил серьезное внимание западногерманский ученый Хорст Эберхард Рихтер в своей книге «К вопросу о психологии мира».

Разбирая доктрину устрашения с точки зрения психологических аспектов, Х. Э. Рихтер пишет: «Нам в качестве рецепта против болезни навязывают доктрину устрашения, хотя в ней самой и находит свое выражение болезнь неумиротворенности (Friedlosigkeit). Нам говорят, что устрашение должно быть достоверным не только благодаря нашим атомным вооружениям, но и, естественно, благодаря нашей реальной готовности в любой момент в случае войны применить оружие». Таким образом, резюмирует Х. Э. Рихтер, «вместе с нагромождением все новых фантастических видов оружия массового уничтожения» должна повышаться наша готовность «побороть нарастающие сомнения и страхи перед лицом атомной преисподней. Воистину гротескная парадоксальность: мы якобы должны становиться все менее мирными, чтобы предотвратить войну».

И далее ученый подвергает резкой критике психологический инструментарий устрашения, который направлен на Разжигание розни и ненависти между народами: «Согласно этой логике, одна из важнейших «миролюбивых задач» скрытно работающей машины психологической войны заключается в том, чтобы вызвать в нас чувства ненависти к официально создаваемому образу внешнего врага и неустанно разжигать эти чувства»[5].

Выводы ученого помогают лучше понять психологические факторы, на которые опираются сторонники «холодной войны» и противники разрядки. «...Более примирительное настроение в отношении противника, — пишет он,— могло бы нас побудить в случае войны стать на позицию отказа и саботировать атомную войну. И если «психологическая вооруженность» однажды существенно отстанет от технической в силу того, что люди испугаются последствий ядерной войны, то, как учат нас именитые стратеги, прощай тогда устрашение вместе с нашей безопасностью, а в конце концов и мир»[6].

Концепция устрашения имеет много функций: военных, политических, психологических. «Однако главная опасность натовской концепции устрашения, — отмечает известный советский исследователь Д. М. Проэктор, — в том и состоит, что она содержит и признает самые крайние возможности ведения ядерной войны, кладет их в основу военных рассуждений и предлагает их политике. Собственно, именно этим, то есть отсутствием сомнений и признанием реальными крайних вариантов — применения первыми ядерного оружия, ведения ядерной войны,— философия устрашения и стремится «устрашать». А ее ставка на преимущество, прежде всего, в качестве оружия служит как бы постоянным доказательством этой "решимости"»[7].

Мы вновь и вновь возвращаемся к вопросу о философии устрашения именно потому, что она является антитезой философии выживания. Устрашение — это суть старого мышления категориями силы, превосходства, гонки вооружений, военных интервенций вплоть до угрозы «ограниченной» или «затяжной» ядерной войны. Трезвомыслящие политики понимают, что эта политика устрашения с помощью новых видов оружия массового уничтожения и ради достижения превосходства чревата самой серьезной опасностью, которая все более возрастает с каждым витком гонки вооружений.

И хотя нам порой может казаться, что об этом уже знает каждый школьник в любой стране, к сожалению, это не так. Воспитанная в духе самонадеянности силы, весьма значительная часть политической и военной элиты США верит в возможность выиграть ядерную войну. Об этом с тревогой писали в своей книге сенаторы Эдвард Кеннеди и Марк Хэтфилд: «Представление о том, что нация может выиграть ядерную войну и каким-то осмысленным образом выжить, приобрело опасную популярность как среди экспертов определенной стратегической школы, так и среди некоторых членов наших правительств, как при Картере, так и при Рейгане эти специалисты решительно отвергают замораживание. С одной стороны, они считают необходимым еще быстрее развивать гонку ядерных вооружений; с другой стороны, они верят в то, что можно успешно вести ядерную войну»[8].

В начале 80-х годов наметилась еще одна опасная тенденция: упор на развитие так называемых обычных вооружений, которые якобы позволят укрепить безопасность и в то же время отодвинуть вероятность применения ядерного оружия. Обращает на себя внимание тот факт, что эти планы стали выдвигаться после того, как уже была принята долгосрочная программа модернизации стратегических и евро-стратегических вооружений. Следовательно, наряду с ядерной гонкой хотят начать гонку обычных вооружений, чтобы «не обделить» и эту часть военно-промышленного комплекса. Это во-первых. Во-вторых, упор на обычные вооружения должен, по расчетам натовских стратегов, притупить острие антиядерного движения общественности. Но ведь и в этих новых

доктринах речь идет о возможности ведения контролируемых войн с «дозированным» применением ядерного оружия.

Война даже с применением только обычного оружия страшна своей непредсказуемостью. В условиях войны — как свидетельствует опыт истории — все интеллектуальные и физические силы наций, вовлеченных в конфликт, концентрируются на одной цели — сокрушении врага.

И эта предельная концентрация усилий ведет к появлению новых видов вооружений. Первая мировая война начиналась винтовками и пушками, а закончилась танками и газами. Вторая мировая война была начата танками и самолетами, а заканчивалась управляемыми ракетами и атомной бомбой.

Даже региональные войны в послевоенное время привели к тому, что были изобретены и взяты на вооружение такие виды обычных вооружений, которые являются опаснейшим оружием массового поражения. В войне во Вьетнаме США применили новые виды химического оружия, от которых пострадали более 2 млн. человек. В 1982 году во время агрессии Израиля в Ливане впервые была применена американская авиабомба «избыточного давления», или «вакуумная», которая в 4—6 раз, а в перспективе может стать в 10-20 раз, мощнее, чем равная ей по весу фугасная бомба.

На испытательных полигонах и во время учений отрабатываются способы применения новых видов обычного оружия, основанного на сочетании высокоточных боеприпасов, поражающих наиболее важные цели, и боеприпасов с большим радиусом поражения. Некоторые западные стратеги (например, Б. Роджерс) оправдывают подобное развитие *чуть* ли не соображениями гуманности, стремлением избежать применения ядерного оружия в случае конфликта. На деле же оно не повышает, а снижает порог вероятности ядерной войны, еще более дестабилизирует положение в Европе. Сам факт появления у границ Советского Союза сверхточного оружия (типа ракет «Першинг-2»), способного нести и ядерные, и обычные боеголовки, повышает степень неопределенности для другой стороны. Наличие подобных обычных средств снимает (или хотя бы уменьшает) груз моральной ответственности, сопутствующей решению о применении ядерного оружия, и увеличивает искушение нанести превентивный удар. В то же время большинство военных и политиков Запада недооценивают влияние стрессовых ситуаций на их поведение в случае военного конфликта.

Выступая на Всесоюзной конференции ученых за избавление человечества от угрозы ядерной войны, за разоружение и мир в мае 1983 года в Москве, член Национальной академии наук США Д. Гамбург привел выводы биологических исследований о воздействии стрессовых ситуаций на высшую нервную деятельность. По его словам, при острых стрессовых ситуациях нарушается восприятие и сильно страдает острота анализа ситуации и перспективы, развивается тенденция к снижению гибкости мышления, меняются представления о времени и пространстве: понятия «здесь» и «сейчас» выходят на первый план. В условиях стресса появляется тенденция свалить вину на другого, на оппонента[9].

Практика почти всех кризисных ситуаций, не говоря уж об открытых конфликтах, подтверждает эти выводы. Более того, если сравнить весь период разрядки 70-х годов с предшествующим периодом «холодной войны» 50-х годов или периодом нового обострения международной обстановки в конце 70-х и первой половине 80-х годов, то можно сказать, что разрядка заметно снизила негативное воздействие стрессовых ситуаций на оценки и принятие соответствующих решений. В то же время в период обострения конфронтации резко возрастает недоверие, подозрительность и страх, которые, увеличивая стрессовые нагрузки, содействуют усилению конфронтации.

Несостоятельность философии и стратегии устрашения, допускающей возможность ограниченных ядерных ударов и контроля за эскалацией войны, заключается в том, что при этом *игнорируется фактор психологического воздействия,* связанный с предполагаемыми последствиями ядерной войны, изначально неприемлемыми для каждой стороны. Этот фактор в случае конфликта может стать доминирующим в определении поведения одного из противников, ибо создает максимально стрессовую ситуацию, которая затруднит, если не парализует, принятие логически правильных решений.

«Применение ядерного оружия, — считает вице-президент АН СССР Е. П. Велихов, — не может расцениваться как своеобразный демарш в кризисной обстановке. Оно стало бы переходом Рубикона и вызвало бы цепь необратимых событий. Использование ядерного оружия поставит под угрозу жизненные интересы другой стороны и скорее всего вызовет ее ответный удар, рассчитанный на максимальное поражение противника. Ядерная война — это не совместное предприятие, не игра с

заранее известными правилами и ограничениями, а в силу самих физических свойств ядерного оружия и последствий его применения величайшая в истории человечества катастрофа»[10].

Не равная ответственность, а ответственность за равенство

В ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ БЕСЕДАХ с политическими и общественными деятелями Запада, на закрытых конференциях специалистов Востока и Запада, на публичных митингах и дискуссиях в последние годы мы сталкивались с характерным явлением. В закрытой аудитории представители западных стран дают достаточно трезвый анализ международной обстановки и резко критикуют доктрины и политику последних американских администраций, взявших курс на ядерную гонку. Но стоит им выступать публично, они снижают резкость своих критических оценок в адрес вашингтонских «ястребов» и все чаще прибегают к тезису «равной ответственности».

В беседах со специалистами по исследованию общественного мнения на Западе мы не раз слышали от них, что вскоре после подъема антивоенного движения в 1980—1981 годах перед ними встала задача определить, кто, по мнению большинства населения, виновен в гонке вооружений и какие факторы влияют на позицию людей по этому вопросу. Закрытые исследования показали, что большинство опрошенных в ФРГ, Голландии, Бельгии, Англии, Италии были настроены против размещения американских ракет и считали, что эти ракеты не усилят, а ослабят их безопасность и подстегнут гонку ядерных вооружений. Еще более интересен следующий вывод: при анонимных опросах большинство винило в ядерной эскалации Пентагон, но если речь заходила об открытом выражении своего мнения, то на это решался едва ли каждый второй. Если же в графе опроса была формула «обе стороны виновны в гонке вооружений», то многие отдавали ей предпочтение, в особенности если ответ нужно было дать при свидетелях.

Понятно, что иным западноевропейцам трудно выступать только против США, которые являются их союзником по НАТО. Другие опасаются ярлыка «агентов Москвы». Третьим кажется, что можно скорее добиться успеха, если выдвигать равные претензии и требования к обеим сторонам.

Так, в статье Дж. Кеннана «Размышления», в которой он выступает за необходимость и возможность мирного сотрудничества между СССР и США, признается, что «советское руководство, какими бы сложными ни были его отношения с Западом, не стремится к развязыванию большой войны, что оно серьезно заинтересовано в предотвращении такой войны и что, если ему представится такая возможность, оно вместе с нами пойдет достаточно далеко, чтобы ее избежать»[11].

В то же время в своей статье Дж. Кеннан прибегает к таким выражениям, как «при попустительстве обеих сторон», «реакция каждой из сторон проникнута враждебностью, подозрительностью и цинизмом» и т. д.

Э. Кеннеди и М. Хэтфилд в своей уже упоминавшейся книге также нередко ставят СССР и США на одну доску: «Военные истэблишмента обеих сторон официально выдвинули доктрины, которые предусматривают применение ядерного оружия не только для устрашения против большой войны, но и для других целей»[12]. И так далее и так далее…

Особенно любопытный документ в этом отношении представляет письмо главного редактора влиятельного западногерманского еженедельника «Ди цайт» Тео Зоммера министру обороны США Каспару Уайнбергеру от 3 сентября 1982 г.[13] Это был ответ на письмо шефа Пентагона, которое он перед этим разослал в крупнейшие газеты и журналы западных стран и где он пытался привести аргументы в оправдание военных доктрин и планов США.

Приводим это письмо с небольшими сокращениями.

«Господин министр!— писал Тео Зоммер.— У многих европейцев растущую озабоченность вызвали различные исходящие от Пентагона или близких к нему лиц высказывания, от которых волосы встают дыбом. Поэтому спасибо за ваше циркулярное письмо.

Тем не менее, извините, ваше письмо не убеждает.

...Вы отмечаете в своем письме, что не имеют основания утверждения о том, что Америка планирует вести затяжную ядерную войну и создает потенциал для ведения такой ядерной войны. Но несколькими абзацами ниже говорится о том, что Америка должна располагать «способностью, обеспечивающей выживание и продолжительное ответное действие», и снова о «продолжительном периоде». Значит, речь все же идет о затяжной ядерной войне и потенциале для ведения ядерной войны? Противоречие остается.

Наконец, вы пишите, что в ядерной войне не может быть победителей. Но разве вы не делаете ставку на победу? Недавно вы говорили, что Америка должна «одержать верх» в результате

продолжительного обмена ядерными Ударами...

Но одновременно мы знаем: возможность не должна перерастать в политическую готовность, запланированное намерение вести войну, особенно с применением ядерных вооружений. Тем более отсюда не должны произрастать безумные идеи о том, что ядерную войну можно «выиграть», что можно «одержать верх» в ней и что нужно планировать «победу» в такой войне.

Эти оба пункта подвергаются критике в Европе, и я имею в виду серьезную критику людей, которые оборону и Устрашение считают необходимыми. Она была сформулирована наиболее четко в солидных и скорее консервативных изданиях, и ее нельзя отвергать просто как порождение пацифистских или пораженческих настроений. Эхо этой критики прокатывается и по коридорам министерств обороны европейских стран.

В отношении первого пункта озабоченности, который касается перерастания возможности ведения войны в намерение вести войну, лондонская «Тайме», например, предостерегала: «Опасность состоит в том, что американский президент, который принялся убеждать русских, что он считает мыслимым и ядерную войну, и возможность выиграть в ней, в итоге убедит сам себя в этом, особенно если он и без того глубоко враждебно относится к Советскому Союзу. Это могло бы ввести его в искушение пойти на риск, которого в противном случае он избегал бы.

Второй аспект озабоченности относится к представлению о том, что ядерную войну можно контролировать, а ее течение и последствия — рассчитать. Очевидно, вы знакомы с исследованием Дж. Болла на тему «Может ли ядерная война быть контролируемой?», опубликованную лондонским Международным институтом стратегических исследований. В ней убедительно и подробно доказывается, что дозированная эскалация в реальном мире почти невозможна. Если даже вы добьетесь, чтобы система связи, передача приказов и командные пункты соответствовали самому современному уровню техники (для этих целей в своем колоссальном бюджете вы ведь предусмотрели около 20 млрд. долл.), то во время ядерного конфликта не только инструментарий контроля был бы скоро выведен из строя, но и люди, на которых возложен этот контроль, также скоро были бы недееспособными. Техника не пережила бы обмена ядерными ударами, а люди, которые должны были бы выполнять ответственные задачи, как отмечалось в передовице газеты «Гардиан», «были бы убиты, а если и нет, то война застала бы их в пижамах, на расстоянии в несколько решающих секунд от ядерной кнопки».

Изобилует пробелами также и ваше изложение данных о советских арсеналах и намерениях. Оно касается — как и большинство документов, исходящих от вашего министерства,— лишь одной части уравнения: вооружений Советского Союза. Если к этому добавить и американскую часть, то факты и цифры дают не такую уж тревожную картину.

Возьмем сначала цифры. Вы пишете, что Советский Союз располагает 5 тыс. ядерных боеголовок на межконтинентальных ракетах (еще 2 тыс. боеголовок установлены на ракетах, которыми оснащены подводные лодки, или на бомбардировщиках дальнего радиуса действия); 5 лет тому назад, согласно вашим утверждениям, СССР имел лишь 2 тыс. боеголовок. Но вы забыли упомянуть о двух моментах: во-первых, о том, что Соединенные Штаты, располагая 9 тыс. единиц стратегического ядерного оружия, все еще имеют солидное превосходство, которое увеличится в результате реализации новых программ вооружений, и, во-вторых, о том, что число стратегических боеголовок в арсенале США за прошедшие 10 или 12 лет, с момента введения кассетных боеголовок индивидуального наведения, увеличилось в 3 раза.

Почему же Советы не должны иметь права подтянуть уровень своих вооружений, как всегда они поступали в тех случаях, когда Америка была впереди их,— в последний раз по кассетным боеголовкам индивидуального наведения и в скором будущем, видимо, по крылатым ракетам, тысячи из которых вы сейчас хотите принять на вооружение? Американцы делают первый шаг, восточная сверхдержава следует за ними — и разве правомочно обвинять только ее в злых намерениях? Вы не размышляли над тем, что ваш советский коллега, министр обороны Устинов, мог бы ваши собственные слова отнести к стратегическим вооружениям США: «Они постоянно создавали ядерные вооружения в таком количестве, которое намного превосходит потребности устрашения?».

На это вы, очевидно, ответите, насколько можно судить по вашему письму, ссылкой на «окно уязвимости», образовавшееся якобы над Америкой: жуткая возможность того, что одним-единственным уничтожающим ударом Советы разрушат все 1052 межконтинентальные ракеты наземного базирования США и будут все еще располагать Достаточными наступательными вооружениями для подавления американского удара возмездия из глубин мирового океана. Это «окно уязвимости» относится к такой же категории феноменов, как и чудовище Лох-Несса или как в

военной области — нашумевшая и никогда не существовавшая «ракетная брешь» конца 50-х годов. Представление об обезоруживающем ударе подобного рода относится к разряду несбыточной академической теории.

Дальше вы приводите следующие аргументы: русские сами, мол, придерживаются доктрины затяжной войны и возможности одержать в ней победу и в ядерную эру они могут осуществлять несколько запусков ракет из одной шахты, располагают хитроумными планами гражданской обороны, обеспечивающими населению иммунитет по отношению к американскому удару возмездия. Два замечания по этому поводу.

Во-первых, ни одно из этих утверждений не подкреплено достоверными данными. С помощью давно устаревших цитат можно, несомненно, привести доказательства в пользу доктрины затяжной войны. Но тогда нужно сказать, что, по мнению экспертов по Востоку, таких как Р. Гартхоф, в новейшей советской военной литературе на эту доктрину делается гораздо меньший упор (и почему, собственно говоря, Советы должны отказываться от нее, если американские специалисты постоянно все громче и громче говорят об этой доктрине?). Что же касается способности многократного пуска ракет из одной шахты, что запрещено Договором ОСВ-2, которого Советы, согласно неоднократным заявлениям их правительства, придерживаются несмотря на то, что он не был ратифицирован сенатом США, то, даже по мнению специалистов Пентагона, таких как заместитель начальника штаба военно-воздушных сил США генерал К. Берк, в обозримом будущем данная технология не будет пока иметь никакого практического значения. То же самое относится и к советской гражданской обороне...

Ваше письмо, г-н министр, дало много материала для размышлений. Но есть еще много других вопросов, над которыми стоит подумать. Как обстоит дело с американским ядерным зонтиком над Европой? Как далеко вы хотите пойти с целью сделать все более утонченной свою ядерную стратегию — или, другими словами, имеет ли смысл добавлять к топору булавку? Что в действительности кроется за словами президента Рейгана о том, что он считает мыслимой ограниченную Европой ядерную войну? Каким образом и какой продолжительности вы представляете себе, собственно говоря, возможную войну с использованием обычных войск? Где в случае такой войны, сопровождающейся вооруженными конфликтами в других частях света, находились бы обещанные американские войска, предназначенные для усиления НАТО? Что означает конкретно понятие «распределение бремени»? И наконец, не разрушает ли ваша программа массированного вооружения в вашей стране и в Европе экономические и социальные основы нашей безопасности?

Вы видите, что материала достаточно для продолжения нашей переписки. Тем более, что пришло время перенести дискуссию из бедной кислородом атмосферы секретных брюссельских комитетов в широкие круги общественности, которая должна по-новому определить нужды обороны и устрашения. Хорошо, что вы положили начало этому процессу.

Мы все проявляем обеспокоенность по поводу НАТО. Но просьба не забывать, что эта озабоченность, во всяком случае со стороны европейцев, во многом является результатом вашей собственной политики...

С уважением ваш Тео Зоммер».

Мы позволили себе столь пространно процитировать письмо Тео Зоммера Каспару Уайнбергеру по нескольким причинам. Во-первых, оно в концентрированной форме содержит в себе ту тревогу и критику, которую вызывают у западноевропейцев ядерные амбиции США. Мы сами не раз были свидетелями подобных и еще более резких высказываний. Во-вторых, изложенные здесь аргументы тем более весомы, что они исходят от специалиста, близкого к военно-политической элите ФРГ и США и разделяющего философию НАТО. В-третьих, выводы автора письма не оставляют сомнения в том, что гонка вооружений в США и Европе становится уже невыносимой ношей даже для промышленно развитых стран Запада, ибо подрывает экономические и социальные основы безопасности западного мира.

Так из опасений перед ядерным апокалипсисом, из нежелания быть погребенным под вавилонской башней собственных вооружений рождается тяга к поиску новых ориентиров в стратегии выживания.

В то же время мы не можем пройти мимо тезиса о «равной ответственности», который присутствует в аргументации Тео Зоммера. Тем более, что этот тезис достаточно широко распространен в мире. Он имеет хождение не только в натовских военно-политических кругах, но и среди некоторых общественных организаций и политических партий на Западе, принимающих

активное участие в антивоенном движении.

Все это требует его критической оценки, и не только ради самой истины, но и ради понимания действительных причин напряженности в мире и движущих сил гонки вооружений.

Стоит сравнить две философии, две политики, чтобы понять: тезис о равной ответственности СССР и США лишен всяких оснований. Советский Союз выступает за равенство и одинаковую безопасность, за паритет на возможно более низком уровне. Но наша страна против того, чтобы ее ставили на одну доску с Америкой, потому что у СССР и у США совершенно разное отношение к войне и гонке вооружений.

О какой равной ответственности СССР и США за растущую ядерную угрозу может идти речь, если Москва уже в который раз предлагает полностью освободить Европу от ядерного оружия — и средней дальности, и тактического, а США и НАТО не согласны пойти на это? Москва считает ядерную войну безумием, а победу в ней невозможной, она отказалась в одностороннем порядке от применения ядерного оружия первым, вместе с союзниками предлагает заключить договор о неприменении военной силы между странами НАТО и Организацией Варшавского Договора.

Вашингтон же официально выдвинул доктрины «затяжной» и «ограниченной» ядерной войны, считает победу в таких войнах возможной, отказывается брать на себя обязательство по неприменению ядерного оружия первым, отклоняет практически все предложения стран ОВД по укреплению безопасности в Европе и мире, игнорирует принцип равенства, стремясь к обеспечению военного превосходства над СССР.

Спрашивается, о какой же равной ответственности двух держав может идти речь, если Москва за равенство, а Вашингтон против него? Учитывая все это, можно сделать вывод о том, что тезис о «равной ответственности» призван исказить истину, ввести людей в заблуждение и оправдать наращивание странами Запада военных потенциалов.

Критерий истины — практика. Чтобы ответить на вопрос, в чем причина гонки вооружений, кто действительно несет ответственность за то, что она до сих пор не остановлена, следует сопоставить подход и позиции сторон. Не ставить их на одну доску, а взвешивать их политику. Только тогда станет ясен водораздел между теми, кто угрожает цивилизации, и теми, кто хочет спасти планету от ядерного пожара.

Мы долго размышляли над истоками политического мышления философов устрашения, теоретиков и практиков доктрин «ограниченной» и «затяжной» ядерной войны, сторонников стратегии первого ядерного удара и победы в ядерной войне. Конечно, здесь дело не в одном, а во многих факторах исторического, экономического и психологического свойства. Здесь и сужение экономического и политического влияния США в мире, и высокомерие американского мессианства, и самонадеянность силы, и отсутствие глубоких исторических и культурных традиций у своеобразно возникшей и еще относительно молодой нации, и отсутствие трагического опыта мировых войн на своей территории, и пропаганда идеи «паке американа». И еще многое другое, что не всегда даже поддается точному определению и классификации, но взятое во взаимодействии с перечисленными факторами создает противоречивый и не всегда предсказуемый феномен Америки.

Изучая и анализируя все эти явления, споря с американскими политиками и учеными, мы искали ответ на главный вопрос: почему значительная часть американской элиты открыто выступает за «ограниченную» или «затяжную» ядерную войну, хотя эти люди не могут не знать катастрофических последствий ядерного конфликта? Вряд ли на столь сложный вопрос есть однозначный ответ. Прежде всего потому, что у различных элитарных групп есть свои особые соображения и интересы. Но, на наш взгляд, нельзя исключить следующего: наиболее влиятельные деятели на верхнем этаже военно-промышленного комплекса вполне сознательно внедряют в общественное мнение Америки и всего остального мира *взгляд на мир через призму ядерного устрашения,* добиваясь при этом одновременно нескольких целей:

— приостановить процесс неуклонного сужения экономического и политического влияния США в мире путем втягивания и союзников, и противников в засасывающую воронку гонки вооружений и запугивания возможностью ядерного конфликта, перед которым-де США не остановятся, если почувствуют угрозу своим «жизненным интересам»;

— в отношении социалистического содружества философия и практика устрашения имеют целью навязать гонку вооружений, замедляющую темпы его экономического и социального развития, в результате чего не так быстро повышается доля социалистических стран в мировом валовом национальном продукте и тем самым умаляется сила примера для развивающихся стран, стоящих перед выбором пути ориентации; помимо этого, в условиях устрашения и ужесточения

конфронтации создаются более широкие возможности для развертывания психологической войны против социализма и разжигания антикоммунизма по всему миру;

— в отношении развивающихся стран философия и практика устрашения преследуют цель запугивания и сдерживания национально-освободительного движения, втягивания освободившихся стран в гонку вооружений, которая выматывает их силы, вовлекает в междоусобные и региональные конфликты, делает их еще более зависимыми от США и других западных стран в экономическом и военном отношении;

— втягивание западноевропейских стран в гонку вооружений, в том числе ядерных, с упором на возможность их применения в «ограниченной» или «затяжной» ядерной войне должно, по расчетам Вашингтона, укрепить военно-политический альянс Запада при несомненной лидирующей роли США, увеличить военные расходы союзников, в том числе на закупки американского оружия, и, ограничив их экономическое сотрудничество со странами Востока, ослабить их конкурентоспособность на мировых рынках;

— философия и практика устрашения призваны также породить всеобщее настроение «конца света», а следовательно, страх, подозрительность, общественную апатию, снижение социальной и экономической активности широких масс населения. Характерно, что, широко экспортируя всевозможные доктрины ядерной войны во внешний мир, те же самые правые силы в США всячески затушевывают гибельные последствия ядерного конфликта для самих американцев и всячески поощряют проповедников допустимости ядерной войны типа Э. Теллера, Г. Кана и др.

В свете этих соображений многое становится на свои места. Кажущаяся недальновидность и чуть ли не недомыслие Вашингтона обретают совсем иной смысл и объяснение. Негативная реакция в мире на безответственные заявления и действия политиков «устрашения вплоть до ядерной войны» и связанные с нею известное падение американского престижа, волна антиамериканизма и противоречия с союзниками, прежде всего в Западной Европе,— все это является как бы издержками вполне осознанной целенаправленной линии на достижение Соединенными Штатами Америки военного превосходства в мире и реализацию ими своих имперских притязаний. А в качестве оправдания своего курса на конфронтацию и гонку вооружений сторонники этой политики эксплуатируют старый тезис о «коммунистической экспансии».

Любопытно, что определенная часть американских и многих западноевропейских политиков, ученых, журналистов разделяют или близки к такой точке зрения относительно побудительных причин политики конфронтации и устрашения. Нам доводилось самим не раз слышать это на конференциях Международного института политики и экономики в Гамбурге, на заседаниях Политического клуба Западного Берлина, на других международных встречах. Довольно интересны в этом отношении наблюдения известного американского историка Артура Шлезингера, которыми он поделился на страницах «Уоллстрит джорнэл»[14] после участия в конференции, организованной Институтом Аспена в Западном Берлине. В этой конференции на тему «Куда идут Соединенные Штаты?», проходившей в конце февраля 1984 года, участвовали парламентарии, журналисты и ученые шести западноевропейских стран и США — от крайне правых до левых либералов.

А. Шлезингер замечает, что западноевропейцы, участвовавшие в дискуссиях, предсказывали неизбежное ослабление влияния Америки в мире. По их мнению, США господствовали после второй мировой войны благодаря тому, что производили половину мирового валового национального продукта. В настоящее время их доля значительно сократилась*.

В таком контексте политика Рейгана представляется западноевропейцам как попытка восстановить прежние позиции, вновь добиться господствующего положения Америки в мире. Подобный курс порождает, как выразился один итальянский журналист, «односторонний глобализм»,

* В 1982 году на долю США приходилось только 35,1% промышленной продукции среди развитых капиталистических стран; примерно столько же— 35,4% производили страны ЕЭС и 16,3% — Япония.

то есть агрессивное обеспечение *мнимых* американских интересов во всем мире без учета интересов союзников США. Как считает А. Шлезингер, «односторонний глобализм» привел к тому, что *Вашингтон проводит политику, которую многие считают опасно националистической, милитаристской, эгоистической и ведущей к конфронтации.*

Среди более 20 представителей западноевропейских стран, собравшихся в Западном Берлине, не было ни одного сторонника курса Рейгана, подчеркивает Артур Шлезингер, отметив при этом, что представители американской администрации, посещая Западную Европу, предпочитают встречаться

только с теми, кто поддерживает реигановцев, а это создает в Вашингтоне искаженное представление о мнении западноевропейцев в целом.

Западноевропейские страны, по мнению А. Шлезингера, не могут всерьез воспринимать убежденность сторонников Рейгана в том, что Москва отдаст приказ о вторжении в Центральную Европу или об уничтожении ракет «Минитмен» в США. В Западной Европе, говорится далее в статье, многие сомневаются в искренности стремления Вашингтона к контролю над вооружениями; американцы не понимают, что для европейцев разрядка — необходимость, доказывающая общую заинтересованность в том, чтобы не допустить гибели человечества.

В этих условиях, считает А. Шлезингер, западноевропейцы ищут собственную альтернативу — вплоть до выхода из НАТО. В подтверждение он приводит слова обозревателя лондонской газеты «Санди телеграф» консерватора Перегрина Уорсторна, который считает, что США хотят втянуть западноевропейцев в глобальное сражение против СССР, а это не соответствует интересам стран Западной Европы и лишь поощряет настроения в пользу выхода из НАТО. Но западноевропейцам, несмотря на все упреки в адрес Вашингтона, по-прежнему не хватает воли к подлинной независимости от США.

Как показывает эта статья, А. Шлезингер приходит в основном к тем же выводам, что и мы. В связи с этим возникает весьма важный вопрос: если западные сторонники здравого политического подхода к реальностям нашего времени видят зловредность и опасность внешнеполитических установок Вашингтона, то почему они не оказывают достаточно сильного сопротивления этому безответственному курсу?

Ведь не получая должного отпора внутри самих США и со стороны западноевропейских союзников, сторонники политики устрашения и превосходства наносят, в конечном счете, ущерб подлинным жизненно важным интересам Америки и всего Запада, подводят все человечество к опасной грани ядерной катастрофы. И разве не обязаны в такой ситуации все трезвомыслящие политики, исполненные ответственности общественные силы сделать все от них зависящее, чтобы преодолеть блоковый конформизм и дать отпор этой, по словам Артура Шлезингера, «опасно националистической, милитаристской, эгоистической и ведущей к конфронтации политике»?

Когда мы говорим: «Всем нам жить на одной Земле», мы имеем в виду простую истину. Как бы мы ни расходились во взглядах на понятия добра и справедливости, на пути, ведущие к свободе, равенству и счастью людей, мы не можем перекрестить друг друга в свою веру атомным мечом. Потому что этот дамоклов меч, нависший над всем человечеством, стоит ему обрушиться, поразит всех.

Одним из важных элементов философии выживания является умение высказывать свое мнение, не задевая национального и человеческого достоинства другого, с кем несогласен, не возбуждая в себе и в других страха и ненависти к инакомыслящим. И здесь опять особая ответственность лежит на тех, кто обладает сокрушающим ядерным потенциалом, в первую очередь на США и Советском Союзе. Иным американцам у нас многое не нравится, точно так же как нам в Соединенных Штатах. И каждый волен высказывать свое мнение. Но непременно должны присутствовать сдержанность, определенные нормы международного общения.

Сколько бы нас ни критиковали американцы, они никогда не смогут привести ни одного примера, когда советский политический или общественный деятель, писатель или журналист, любой советский человек высказался бы в печати, по радио или телевидению, с общественной трибуны со словами уничижения, не говоря уже о ненависти, в адрес американцев или их страны. Критикуя американский империализм как социально-политическое зло — что, впрочем, делают в гораздо более резких выражениях сами американцы,— никто из советских людей, тем более государственные деятели, не квалифицирует Америку как «исчадие зла» и не призывает к «крестовому походу» против нее.

Даже в годы самого резкого ухудшения советско-американских отношений общественное мнение в СССР никогда и никем не настраивалось против американского народа. Если бы в США кто-то задумал провести исследование на эту тему, он обнаружил бы, что при всей обоснованной резкости партийных оценок и правительственных заявлений по поводу политики США одновременно всегда высказывалось искреннее желание нашей страны и нашего народа к улучшению этих отношений во имя интересов обеих стран и всего человечества.

Так, в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, в частности, говорилось:

«Общепризнано, что международная обстановка во многом зависит от политики СССР и США. Состояние отношений между ними в настоящее время и острота международных проблем,

требующих решения, по нашему мнению, диктуют необходимость диалога на всех уровнях, и притом активного. Мы к диалогу готовы...

СССР хочет нормальных отношений с США. С точки зрения интересов как народов обеих наших стран, так и человечества в целом, другого разумного пути просто не дано»[15].

В своем выступлении перед избирателями 27 февраля 1984 г. министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, подвергнув резкой критике политику американской администрации, взявшей на вооружение концепцию «крестового похода» против социализма, подчеркнул необходимость решать все споры только мирным путем.

«Советский Союз неизменно выступает за ровные, нормальные отношения с Соединенными Штатами,— сказал А. А. Громыко.— Они должны основываться на соблюдении принципов равенства и одинаковой безопасности, взаимного учета законных интересов и невмешательства во внутренние дела друг друга. Проявление американской стороной готовности придерживаться этих принципов позволило бы приступить к выправлению отношений между двумя странами»[16].

Мы приводим эти высказывания для того, чтобы еще раз подчеркнуть неизменную и неконъюнктурную заинтересованность Советского Союза в улучшении отношений с США, ответственный подход советских руководителей к этому вопросу. Представим себе, насколько спокойнее было бы жить в мире, если бы в Белом доме и под сводами Капитолия тоже звучали бы выступления, проникнутые искренним стремлением к налаживанию нормальных, а еще лучше — добрых отношений с Советским Союзом.

Но когда считается не только позволительным, но даже хорошим тоном с высшей государственной трибуны поносить другую страну последними словами, обвиняя ее во всех смертных грехах, тогда не стоит удивляться, что вся атмосфера политической и общественной жизни Америки постепенно пронизывается густой прилипчивой ненавистью. Она проникает во все поры общества, день за днем отравляя души американцев, вызывая у многих из них почти подсознательную реакцию страха и враждебности при одном упоминании о русских, о Советском Союзе. На то и расчет. В этом, как мы отмечали, главная функция «холодной войны». В этом и ее главная опасность, причем в равной мере как для всего мира, так и для самих американцев. Достигнув определенной критической фазы, этот страх и враждебность трансформируются в ненависть, которая туманит разум и разражается шовинистическим угаром (только ли Гренада тому разительное доказательство!).

Из многочисленных примеров воспитания у американцев негативного образа советских людей вспоминается и такой. В 1983 году в книжных магазинах ФРГ и Западного Берлина появился фотоальбом, изданный первоначально в США, а потом проданный и в другие страны: Натан Фарб — «Русские». В предисловии к нему автор, американский фотограф, не скрывая своих намерений, а явно бахвалясь ими, рассказал, как он, будучи в числе сопровождавших американскую фотовыставку в Сибири, предлагал советским посетителям сделать снимки на память. При этом он пользовался аппаратом системы «Полароид», который *тут* же выдавал готовые фотографии. Ничего не подозревавшие русские, злорадно похваляется Натан Фарб, забирали с собой фотоснимки, полагая, что они являются их единственными обладателями. На самом же деле предприимчивый фотобизнесмен вмонтировал в свой аппарат устройство, сохранявшее для него негатив. И этот негатив оставался у Фарба без ведома и тем более согласия людей, которых он перед этим уговаривал сфотографироваться на память. Вернувшись в Америку, Фарб выпустил фотоальбом, созданный таким подлым образом.

Мало того, из нескольких тысяч снимков Фарб отобрал только те, которые выставляли людей в неприглядном виде. Выражения лиц, позы, одежда — все было подобрано так, чтобы создать впечатление о русских как о примитивных и угрюмых людях. Фотоальбом имел одну четко поставленную цель: вызвать неприязнь, антипатию не к тем анонимным лицам, которые ничего не говорили зрителю и читателю, а к русским вообще, ко всему народу.

В любом краю может найтись подобный выродок, который ради денег не пощадит и мать родную. Но не укладывается в голове, что эту затею поддержали издательства и торговые фирмы многих стран и фотодиверсию Фарба широко распространили по всему миру, сопровождая ее похвальным словом в газетах и журналах. Когда сталкиваешься с подобными случаями, а их хоть пруд пруди в Америке, да и не только в ней, нельзя не согласиться с писателем Виталием Коротичем, который в своем страстном обличительном и философском романе-размышлении «Лицо ненависти» писал: «Ненависть познается исподволь, не сразу, она как застывающая смола пушкинского дерева анчар, губительная для окружающих, но вызревшая в том же мире, что и вся остальная жизнь»[17]. Это

сказано о той ненависти, которой буквально насыщен воздух Америки и которой пытались отравить многих людей, возбуждая в них злые, жестокие и враждебные чувства к нашей стране и к нашему народу. Но вот что показательно: писатель, с необыкновенной эмоциональной глубиной обнаживший корни этой самоубийственной ненависти к другим народам, прежде всего к советскому, переживает за Америку и желает ей добра: «Я очень хочу, чтобы Америка вышла из своей муки поумнев, облагородившись и поняв, что с ней происходило... Мне верится, что сеятели вражды не будут всевластны в великом народе Америки, что сегодняшние мука и боль станут завтрашним опытом и умом. До свидания, Америка! Я желаю тебе радости. Да прибавится в доме твоем тепла и мира!..»[18].

Насколько же выше уровень ответственности и цивилизованности у тех, кого чужая ненависть не может запачкать, когда она рождает боль, а не ответную враждебность!

Глава 10

ОТ БЛОКОВОГО МЫШЛЕНИЯ К ПЛАНЕТАРНОМУ

ВСЯКАЯ РАЗУМНАЯ ПОЛИТИКА должна опираться на реальности мира, в котором мы живем. Наш мир противоречив, изменчив, но и взаимозависим, и потому единственно разумной формулой взаимоотношений государств с различными социально-экономическими системами является политика мирного сосуществования. Советский Союз выступал и выступает за политику мирного сосуществования со всеми государствами. Эта политика в равной мере выгодна всем членам человеческого сообщества, ибо обеспечивает мир и безопасность, создает предпосылки для экономического и культурного сотрудничества между государствами.

Чем шире и последовательнее применяются принципы мирного сосуществования на практике, тем глубже и многообразнее становятся межгосударственные отношения и человеческие контакты во всех областях: политике, экономике, культуре. В 70-е годы этот процесс, в первую очередь в Европе, достиг качественно новой, более высокой, чем прежде, стадии развития, ставшей известной под названием разрядки.

Мы понимаем разрядку как развитие стабильных ровных отношений между государствами, как возможность расширять границы сотрудничества между ними, не нанося ущерба ни одной из сторон и не требуя от других отступничества от их взглядов.

Осложнение международной обстановки в мире на рубеже 70—80-х годов ни в коей мере не ставит под вопрос оправданность разрядки. Пессимистические оценки вроде таких, как «разрядка дышит на ладан» или даже «разрядка умерла», скоропалительны и неоправданны, если исходить из существа глубинных социально-экономических процессов, а не из конкретных проявлений практической политики.

Да, отношения между странами Востока и Запада в конце 70 — начале 80-х годов усложнились и даже в ряде областей оказались отброшенными назад. И главной причиной этого явилось ухудшение отношений между СССР и США, что, в свою очередь, объясняется переходом Вашингтона к новой политике в отношении Советского Союза, отказом от принципов равенства и одинаковой безопасности и его стремлением к достижению превосходства. Но такая политика бесперспективна, ибо она не может отменить главного фактора международной безопасности — существующего глобально-стратегического равновесия сил, а попытки сломать это равновесие, предпринимаемые ныне США, как уже было показано выше, обречены на провал.

Что же касается самого процесса разрядки, то, несмотря на все усилия ее противников подорвать этот процесс, он развивается дальше, хотя и с большими трудностями, сбоями, остановками и даже отступлениями. Это объясняется тем, что сама разрядка стала возможной и необходимой, когда сложилось примерное равенство сил между Западом и Востоком, как между СССР и США, так и на региональной основе — в Европе.

Отнюдь не случайно Европа в целом, то есть и Западная, и Восточная Европа, сопротивляется линии на подрыв разрядки, линии, которая в начале 80-х годов становится доминирующей в американской политике. Дело в том, что Европа раньше других регионов «созрела» для разрядки, и то, чего удалось достичь в процессе разрядки, оказалось весьма плодотворным для развития межъевропейских отношений. Следовательно, шансы разрядки особенно велики в Европе, и она не должна упустить их, ибо с этим связаны не только лучшие перспективы для ее собственного развития в будущем, но и перспективы международного мира, которые в большой степени зависят от положения дел в Европе.

Можно с уверенностью говорить о том, что европейцы и на западе, и на востоке континента объективно, независимо от их политических взглядов, заинтересованы в разрядке, ибо наступление антиразрядки ведет к разжиганию «холодной войны», которая в условиях дальнейшей гонки ядерных вооружений чревата войной «горячей». Реальность подобной перспективы тем более серьезна, что она подкрепляется установками Вашингтона на ведение так называемой «ограниченной» и «затяжной» ядерной войны.

Тот факт, что ядерная война в Европе не может быть ограниченной и будет означать крах европейской цивилизации (что признает подавляющее большинство специалистов как на Востоке, так и на Западе), делает всех европейцев союзниками в борьбе за мир и разрядку. Конечно, это не значит, что в тех или иных странах в Европе нет противников разрядки, но, во-первых, они составляют меньшинство, во-вторых, даже они, как правило, выступают против какой-то определенной политической линии, исходя из ложной посылки о том, что «разрядка выгодна только

Москве». Это свидетельствует лишь об односторонности их подхода, о неясности или путанице в их представлениях о законах международных отношений, ибо и они, как выясняется, не желают «ограниченной» ядерной войны на Европейском континенте.

Вот почему, несмотря на все раны, нанесенные ей стратегами «холодной войны», разрядка в Европе жива, но она нуждается в защите, развитии и расширении ее основ.

Отнюдь не противопоставляя Европу другим континентам, необходимо в то же время должным образом оценивать существующие здесь реальности, а именно наличие не только *объективной необходимости,* но *и объективных возможностей* для обеспечения на континенте большей безопасности и более прочного мира. Нигде в мире ныне не существует столь близкого и столь плотного (по насыщенности вооруженными силами и вооружениями) противостояния двух военно-политических группировок, как в Европе. В то же время нигде в мире, кроме Европы, не накопился столь обширный и разносторонний опыт (причем как на двусторонней, так и многосторонней основе) достижения взаимоприемлемых договоренностей по сложным и спорным проблемам современности.

Обеспечение большей безопасности и более прочного мира в Европе означало бы большую стабильность не только в этом регионе, но и во всем мире благодаря взаимосвязанности проблем европейской и международной безопасности. Конечно, важные события, происходящие за пределами Европы, особенно когда к ним причастно то или иное государство, подписавшее в Хельсинки Заключительный акт, не могут не влиять на разрядку в Европе. Как говорится в преамбуле Заключительного акта, существует тесная двусторонняя связь между миром и безопасностью в Европе и во всем мире. Однако эта связь не универсальна и не абсолютна. Было бы неверно придерживаться той точки зрения, что любой конфликт вне Европы автоматически должен вызывать кризис европейской разрядки. Если бы существовало подобное автоматическое сцепление проблем, разрядка была бы вообще невозможна. Стоит вспомнить, что ее основы были заложены в начале 70-х годов, в самый разгар войны в Индокитае. В то же время налицо более активная обратная связь: разрядка в Европе, разрядка в мире в числе других факторов внесли свой вклад в прекращение войны в Индокитае. Отсюда вывод: в интересах всего мирового сообщества сделать разрядку важнейшим приоритетом во внешней политике государств и на Востоке, и на Западе.

Нередко возникает в этой связи спор на тему: делима или не делима разрядка? На наш взгляд, ответ зависит от того, какое содержание вкладывается в этот вопрос. Разрядка неделима в том смысле, что неделим Заключительный акт, все положения которого строго взвешены и взаимосвязаны друг с другом. И нельзя по собственному усмотрению и к собственной выгоде вытаскивать и абсолютизировать отдельные «корзины» в ущерб другим, а следовательно, и всему Заключительному акту.

Но разрядка делима, если речь идет о мировом процессе, о развитии международных событий, и кризис в одной части света не должен автоматически вызывать цепную реакцию кризисов в других частях света. Будь это так, любое государство обладало бы уникальным правом вето на разрядку и могло бы злоупотреблять этим правом.

История разрядки дает тому немало примеров.

Противники разрядки, к числу которых относятся военно-промышленный комплекс и связанные с ним групповыми интересами определенные политики, общественные деятели и представители средств массовой информации, уже в ходе обсуждения хельсинкских договоренностей с самого начала стали ставить палки в колеса разрядки. Уже тогда в качестве средства давления на страны Востока была избрана «третья корзина», то есть гуманитарные вопросы. Влиятельные силы на Западе соглашались признать территориальный и политический статус-кво в Европе, надеясь использовать договоренности по «третьей корзине» для вмешательства в дела стран Варшавского Договора.

Когда надежды на «либерализацию в странах Востока», под которой понималась эрозия социализма изнутри, не оправдались, противники разрядки развернули кампанию под лозунгом: разрядка выгодна только Москве, которая получает от Запада передовую технологию, помогающую ей развивать свою оборонную промышленность. Не говоря уже о полной надуманности этого тезиса, отметим, что одновременно органы массовой информации на Западе упорно замалчивали, что развитие экономических связей с Востоком выгодно западным странам, что оно содействует решению таких острых проблем капиталистического мира, как энергетическая, проблема занятости и т. д. Замалчивался и факт непрерывной модернизации вооружений в НАТО, в том числе ядерных.

Не довольствуясь этим, противники разрядки развернули широкую кампанию о «советской

военной угрозе», для чего использовались различные события в разных районах Земли. Этапы этой кампании: португальская революция в апреле 1974 года, которую старались преподнести как попытку со стороны социалистических стран изменить соотношение сил в Европе; на деле силы НАТО в конечном итоге добились сдвига вправо. На очереди была Ангола (осень-зима 1975 г.), затем Эфиопия, Заир, Кампучия. События в этих странах преподносились как доказательства «новой», «мировой», «глобальной» стратегии СССР, который якобы односторонне пользовался преимуществами разрядки, хотя в действительности речь шла о естественных процессах социальной и национально-освободительной борьбы.

Основанное на догмах старого мышления стремление объяснить происходящие в мире социальные перемены не объективными причинами, а субъективным фактором «вмешательства социалистических стран»— это, пожалуй, одна из самых серьезных опасностей современного мира. Разве можно серьезно анализировать события в мире, если подходить с такой меркой, которую не раз демонстрировал Рональд Рейган? Еще в период своей предвыборной кампании в 1980 году он заявил: «Не будем обманываться. За всеми беспорядками, которые происходят в мире, стоит Советский Союз. Если бы он не участвовал в этой игре в домино, в мире не было бы горячих точек»[1].

Став президентом, он продолжил не только высказывания в том же духе, но и проводил соответствующую им практическую политику. Критикуя такой подход, бывший сенатор Фрэнк Черч, возглавлявший в свое время сенатскую комиссию по иностранным делам, отмечал в 1981 году: «Если все сдвиги, которые, несомненно, будут и впредь происходить в слаборазвитых странах, будут толковаться как инспирированный извне подрыв в остальном приемлемой социальной и экономической системы, у нового правительства возникнет соблазн повсюду, где только возможно, вмешиваться во внутренние конфликты за границей». Ф. Черч подчеркивал, что неспособность Америки мириться с революционными переменами в развивающихся странах «породила наши самые серьезные международные проблемы в послевоенную эпоху». С горькой иронией он добавлял: «Нам везде мерещился коммунизм, а фактически мы сталкивались с революционным национализмом третьего мира», с движениями, которые «пытаются добиваться целей, поставленных нашей революцией два столетия назад».

Ф. Черч вспоминает о Вьетнаме как о «величайшей трагедии американской дипломатии». В том же духе проводилась и проводится политика в Гватемале и Чили, Сальвадоре и Никарагуа. «Мы,— заявляет он,— ничему не научились и просто цепляемся за дискредитировавшие себя нормы поведения, повторяя старые ошибки, как будто их никогда не было в прошлом». Главный вывод Ф. Черча: «США должны научиться сосуществовать с революциями»[2].

Однако проблема заключается в том, что в США тон задают именно сторонники мышления категориями конфронтации, силы и устрашения. И они используют любой предлог — а если его нет, то создают его сами — для нагнетания антикоммунистической истерии, для раскручивания маховика гонки вооружений.

Как уже отмечалось, под аккомпанемент шумной кампании о «советской угрозе» в 1978 году была принята долгосрочная программа перевооружения НАТО с ежегодным увеличением военных расходов на 3% в реальном исчислении.

В то же самое время под предлогом введения на вооружение в СССР ракет СС-20, представлявших собой не более чем модернизированный вариант устаревших систем, в декабре 1979 года было принято решение НАТО о производстве и размещении 572 новых американских ракет в Западной Европе.

Когда же произошли иранская и афганская революции, на Западе сразу же заговорили о дестабилизации Среднего Востока, об «экспансии СССР в сторону Персидского залива». Все это было использовано как предлог для отказа ратифицировать Договор ОСВ-2 и вести переговоры о ядерных вооружениях в Европе вплоть до ноября 1981 года. Это лишь некоторые примеры «политики увязок», которая использовалась Западом, чтобы тормозить разрядку в Европе.

Особо следует сказать о событиях в Польше. Слишком многие факты свидетельствуют о том, что определенные влиятельные силы на Западе, а именно те, что делали и делают ставку на эрозию социализма изнутри, содействовали, используя различные средства давления (финансовые, политические, пропагандистские и т. д.), углублению кризиса в стране и, таким образом, осуществляли вмешательство (не отказываясь от этого и до сих пор) во внутренние дела Польши. Опубликованные секретные документы НАТО, а также принятие странами НАТО экономических санкций против Польши и СССР подтверждают существование общей стратегии и конкретных планов подрывных акций против Польши и других социалистических стран. Расчет при этом

делается на то, что другой стороне придется принимать контрмеры, которые, в свою очередь, будут интерпретироваться на Западе как проявление агрессии и подрыв разрядки. Именно под этим предлогом (со ссылкой на события в Афганистане и в Польше) некоторые представители Запада пытались затянуть и осложнить работу мадридской встречи государств — участников общеевропейского совещания.

Если же подойти к анализу событий в Европе и мире не предвзято, а с верой и заинтересованностью в разрядке, то можно придти к выводу, что причины напряженности коренятся не в локальных кризисах, а в установке на достижение превосходства, в политике тех сил, которые извлекают из гонки вооружений прибыль и потому заинтересованы в конфронтации, а не в согласии.

Главный вывод из всей послевоенной истории Европы заключается в следующем: европейскую безопасность можно обеспечить лишь совместными усилиями, а не усилиями против кого-то. Безопасность, национальная и коллективная, основывается на стабильности, а стабильность — на равновесии сил, на политике равенства и ненанесения ущерба ни одной из сторон. Развитие взаимовыгодного политического, экономического и культурного сотрудничества между странами Восточной и Западной Европы, в свою очередь, расширяет базу взаимопонимания и доверия, содействуя укреплению стабильности, а следовательно, миру и безопасности народов. Советский Союз выступает за такую политику, рассматривая свод принципов Заключительного акта Хельсинки как основные устои, на которых может быть построено здание новой Европы, Европы доверия и сотрудничества.

В то же время имеется достаточно официальных заявлений военных и политических деятелей Запада, открыто провозглашающих, что «в паритете с Советским Союзом нужды нет», что Запад должен быть в состоянии «нанести противнику смертельный урон в любое время и при любых обстоятельствах», что Атлантический союз должен увеличить свою способность наносить «уничтожающие удары».

Разве подобная постановка вопроса свидетельствует о заинтересованности в договоренности с другой стороной на основе равенства и одинаковой безопасности? Скорее наоборот.

Для преодоления политики конфронтации и обеспечения прогресса разрядки необходимо сочетание усилий опытных политических деятелей, приверженных делу мира, различных общественных организаций и движений, выступающих в поддержку разрядки. Иногда вопрос ставят так: где делается политика, в тиши кабинетов или на улицах? Это противопоставление искусственно. Для достижения взаимоприемлемых договоренностей и решения сложных международных проблем необходимы переговоры экспертов и опытных государственных деятелей. Но прежде всего необходима политическая воля обеих сторон, основанная на взаимном стремлении к миру и безопасности на основе равенства, уважения и учета интересов друг друга.

Несомненно, особую роль здесь играют переговоры на высшем уровне как завершающая фаза долгих и кропотливых поисков взаимоприемлемых договоренностей и как выражение государственной воли обеих сторон на самом высоком уровне, когда обе стороны сознательно демонстрируют свою искреннюю заинтересованность в согласии. С этой же точки зрения важна скорейшая ратификация подобных договоренностей, чтобы придать им силу закона. История заключения, подписания и последующей нератификации Вашингтоном Договора ОСВ-2 убедительно показывает справедливость этого положения.

В то же время вступление держав в ядерный век, продолжающаяся бессмысленная гонка вооружений, которая не только растрачивает средства, но и ведет к опасности ядерного столкновения, по-новому ставят вопрос об ответственности людей за ход переговоров и вовлекают в непосредственную политику широкие слои населения. «Человек с улицы» в ядерный век становится реальным объектом возможного уничтожения, и посему он получает право быть непосредственным участником борьбы за разоружение в целях сохранения своего главного права — права на жизнь. Вот почему участие в антивоенном движении, в движении за замораживание и последующее сокращение ракетно-ядерных потенциалов — это естественное и законное право каждого гражданина, это манифестация его воли, о которой он заявляет политическим и государственным деятелям. В одних случаях это происходит, потому что он поддерживает те или иные предложения, в других случаях — потому что он отвергает те или иные планы.

В связи с этим встает вопрос о месте и роли общественных организаций в борьбе за обеспечение прочного мира. На наш взгляд, общественные организации, особенно такие массовые, как профсоюзы, дают возможность людям, объединенным в их рядах, играть более активную роль в поиске путей построения более прочного и справедливого мира. При этом было бы неправомерно

оценивать искренность и подлинность того или иного общественного движения по тому, выступает ли он в поддержку предложений своего правительства или против.

Тот факт, что советские участники движения за мир выступают в поддержку предложений своего правительства за замораживание ядерных потенциалов и постепенное сокращение их вплоть до полного уничтожения, не дает никому оснований говорить об отсутствии подлинного и своеобразного антивоенного движения в СССР. Хорошо известно, что в Советском Союзе нет ни классов, ни социальных групп, которые были бы заинтересованы в подготовке или ведении войны, получали бы личную прибыль от военных заказов. И во главе Советского правительства, так же как и во главе советских общественных организаций, в большинстве своем стоят люди, которые вынесли на себе всю тяжесть войны против фашизма, на своем опыте и трагедии своего народа, потерявшего 20 миллионов своих соотечественников, знают, что такое война, и не хотели бы ее повторения. Это не значит, что советские люди подозревают другие народы в агрессивности или сомневаются в их миролюбии. Это значит лишь, что они решительно отвергают планы довооружения, саму идею гонки вооружений и считают, что необходимо остановиться и прекратить нагромождать горы оружия.

Советский народ убежден, что в борьбе за осуществление прочного мира нет малых и великих, а есть всеобщая великая ответственность. И в этом деле каждая страна, независимо от ее величины, может внести свой позитивный вклад.

Имеются разные меры, которые могли бы приблизить Европу к желанной цели мира и безопасности, в том числе создание зон, свободных от ядерного оружия. Еще в 1957 году Советский Союз поддержал инициативу Польши о создании безъядерной зоны в Центральной Европе, куда предлагалось включить четыре государства — ПНР, ЧССР, ГДР и ФРГ. Советский Союз призвал тогда ядерные державы взять на себя обязательство не применять ядерного оружия против государств этой зоны.

СССР поддерживает и предложение, выдвинутое еще в 1963 году Финляндией, о создании безъядерной зоны на севере Европы. Со своей стороны он выражал готовность заключить многостороннее соглашение со странами-участницами зоны или соглашения с каждой из них в отдельности о неприменении против них ядерного оружия. При этом СССР не обусловливает свои обязательства согласием других ядерных держав на это.

Более того, Советский Союз готов в контексте создания североевропейской безъядерной зоны осуществить некоторые, причем существенные, меры на своей собственной территории, прилегающей к зоне, которые способствовали бы укреплению ее безъядерного статуса.

Существует идея Болгарии о создании безъядерной зоны на Балканах.

Если бы были осуществлены указанные проекты, то безъядерные зоны упростили бы превращение всей Европы в зону, свободную от ядерного оружия. Эффективным способом укрепления гарантий безопасности неядерных государств было бы заключение международной конвенции, которая предоставила бы такие гарантии государствам, отказывающимся от производства и приобретения ядерного оружия и не допускающим его размещения на своей территории. Предложение на этот счет внес СССР в 1978 году на XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Советский Союз заявил о своей готовности заключить специальные соглашения о неприменении ядерного оружия с любой из стран, которые не обладают ядерным оружием и не имеют его на своей территории. В 1982 году Советский Союз взял на себя одностороннее обязательство не применять первым ядерное оружие. Тем самым он проявил политическую волю и готовность не использовать ядерное оружие как средство шантажа и запугивания.

Реализация идей о создании зон, свободных от ядерного оружия, дала бы возможность неядерным странам внести свой вклад в дело ядерного разоружения. Чем больше будет государств, отказывающихся предоставить свою территорию для размещения ядерного оружия, чем больше будет юридических препятствий для его использования, тем меньше станет риск ядерного апокалипсиса в Европе.

Обеспечение прочного мира и безопасности в Европе должно базироваться на принципах равенства и взаимовыгодного сотрудничества, принципах Хельсинки.

Шаги в этом направлении были предприняты в конце 60-х и в 70-х годах. Причем усилия государств были направлены на развитие как двусторонних, так и многосторонних отношений. Здесь следует еще раз подчеркнуть значение Заключительного акта Хельсинки, ценность которого как раз и заключается в том, что он содержит согласованные и взаимоприемлемые принципы международного общения и представляет в силу этого своего рода хартию разрядки. Заключительный акт можно также рассматривать как первый значительный шаг по преодолению блокового мышления.

Строительство новой Европы, основанной на доверии и сотрудничестве, несомненно затруднено существованием двух военных блоков. Советский Союз был всегда и остается противником блоковой системы; не стоит упускать из виду, что Варшавский Договор был подписан в 1955 году, через шесть лет после создания НАТО (1949 г.) и страны Варшавского Договора неоднократно выдвигали предложение об одновременном роспуске обоих военных союзов.

Учитывая отказ западной стороны от этого предложения, Советский Союз вынужден считаться с тем, что в течение определенного периода существование военных союзов будет представлять политическую реальность. Это затрудняет строительство новой Европы, но не исключает такой возможности. Именно в 70-е годы, которые проходили в Европе в целом под знаком разрядки, политические и экономические отношения между странами Восточной и Западной Европы поднялись на более высокую ступень. Более частые встречи на высшем уровне и практика регулярных консультаций на уровнях министров иностранных дел означает расширение возможностей непосредственного общения государственных деятелей, в процессе которого накапливается опыт поиска взаимоприемлемых договоренностей. Задача заключается в том, чтобы расширять достигнутую базу политического согласия и доверия в сферах взаимного интереса, а также стремиться к выработке общего подхода к решению актуальных проблем.

Интересам как Западной, так и Восточной Европы служит расширение взаимовыгодного экономического и торгового сотрудничества. После совещания в Хельсинки объем торговли между Восточной и Западной Европой вырос в несколько раз. Торгово-экономические связи изменились не только количественно, но и качественно, они приобрели долгосрочный и крупномасштабный характер и тем самым способствовали созданию атмосферы доверия в Европе.

Большую роль в строительстве новой Европы могут сыграть общеевропейские проекты в области освоения энергоресурсов, решения транспортных проблем и охраны окружающей среды. История разработки совместного проекта «газ-трубы» и его защиты от санкций Вашингтона свидетельствует о том, что страны Западной Европы несогласны отказываться от благотворных плодов разрядки.

На примере санкций администрации Рейгана против проекта «газ-трубы» видно и отношение Вашингтона на данном историческом этапе к экономическому сотрудничеству Востока и Запада. Мало того, что Вашингтон нанес ущерб собственным фирмам. Если бы советско-американский проект совместной разработки газовых месторождений в Западной Сибири был осуществлен, то в 1982 году это могло бы обеспечить 10% общей потребности США в природном газе и создать как минимум 250 тыс. новых рабочих мест. После принятия конгрессом США пресловутых поправок Джексона-Вэника и Стивенсона (увязка кредитов с политическими требованиями) проект оказался неосуществимым. В 1982 году Вашингтон попытался применить экономические санкции уже против своих союзников в Европе, нанося им тем самым экономический ущерб.

Обе великие державы, СССР и США, имеют свои интересы в Европе. Но между ними, разумеется, есть существенная разница. Для Советского Союза Европа — не просто континент, где находятся его союзники, это — часть Советского государства. Европейская часть СССР связана с остальной Европой исторически, экономически, общей культурой и духовными ценностями. И когда мы говорим, что Европа всей своей историей кровавых войн выстрадала разрядку, это значит, что разрядку выстрадали все европейцы, в том числе и советские люди. И они кровно заинтересованы в ней, в строительстве новой мирной и безопасной Европы.

Для США Европа при всех тесных связях с ней — другой континент, а часто и конкурент на мировых рынках. По мнению многих западных специалистов, Соединенные Штаты Америки по целому ряду соображений заинтересованы скорее в разделенной Европе, в Европе без разрядки, что обеспечило бы им прочное лидерство в западном мире. Отсюда их настойчивое желание усилить конфронтацию в мире, в том числе и в Европе, навязать Советскому Союзу гонку стратегических вооружений и ядерных средств средней дальности в Европе.

Мы говорим о разрядке в Европе как о притягательном примере таких международных отношений, которые соответствуют жизненно важным интересам людей на Востоке и Западе в отличие от отношений конфронтации и «холодной войны». Помимо политических, экономических и культурных плодов разрядка несет с собой нечто не менее важное — изменение психологического климата человеческого общения, устранение многочисленных видимых и невидимых табу, предрассудков и предубеждений.

Интернационализация многообразных связей рождает интернационализацию мышления в том, что касается совместных поисков путей решения глобальных проблем современности.

Взаимосвязь и взаимозависимость мира, уязвимость которого растет, требуют от всех членов международного сообщества гораздо более широкого и активного партнерства. Так возникает объективная необходимость нового мышления, соответствующего реалиям ядерного века и обостряющихся глобальных проблем. *Новое мышление — это планетарное мышление, пронизанное сознанием общей ответственности за судьбу человечества.*

Как обуздать гонку вооружений

Возможно ли прекращение гонки вооружений и сокращение расходов на вооружение?

Как свидетельствуют многие исследования международных институтов, видных советских, американских и английских ученых, в настоящее время существует реальная возможность для этого. Именно потому, что в 70-е годы сложился примерный паритет в военно-стратегической области между ведущими державами двух противостоящих блоков, СССР и США, необходимо использовать этот исторический шанс. Паритет, существующий до сих пор, несмотря на некоторые диспропорции в различных видах вооружений, означает, что ни одна из держав не может начать войну без риска встретить уничтожающий ответный удар. Паритет позволяет прекратить гонку вооружений, договорившись о *взаимном замораживании испытаний, производства и развертывания ядерного оружия и его носителей.*

Опыт последних десятилетий доказал: большее количество оружия не означает большую безопасность. Безопасность можно обеспечить и упрочить только на основе равенства и одинаковой безопасности.

Гонка вооружений с целью достижения превосходства, как свидетельствует большинство специалистов, бессмысленна, поскольку на нынешнем уровне развития техники ни одна из двух держав не может добиться превосходства над другой. Гонка вооружений имеет лишь два реально возможных конца: либо катастрофа, либо избавление от нее в результате достигнутых договоренностей. Опасность гонки вооружений еще и в том, что она подхлестывает сама себя и противодействует политическому решению проблемы.

Новое мышление должно заключаться в том, чтобы заменить доктрину сдерживания доктриной взаимной безопасности. *Международная безопасность должна основываться на простой формуле: выжить можно лишь друг с другом, а не друг против друга.*

Следует прежде всего признать, что в ядерной войне не может быть победителей, в ней невозможно уцелеть, она грозит катастрофой для цивилизации, а потому применение ядерного оружия является тягчайшим преступлением против человечества и не может иметь оправданий. Отсюда необходимость отказа государств от применения ядерного оружия первыми. СССР сделал это в одностороннем порядке.

Первый шаг на пути выхода человечества из замкнутого дьявольского круга ядерной гонки — это замораживание ядерных вооружений. Советский Союз предложил его и готов на взаимной основе заморозить свои потенциалы.

Второй шаг — отказ от разработки и производства новых видов и систем оружия массового уничтожения. СССР предложил заключить договор и об этом.

Третий шаг — достижение договоренностей о поэтапном сокращении ядерных и обычных вооружений на основе равенства и одинаковой безопасности. Такие предложения также неоднократно выдвигались нашей страной.

Уже начиная с первого шага — замораживания — перестали бы расти военные бюджеты. Второй и третий шаги позволили бы сэкономить огромные средства, часть из которых пошла бы на решение двух других острейших проблем современности: увеличение помощи развивающимся странам, реализация программ охраны окружающей среды.

Итак, выключив часовой механизм первой бомбы, можно было бы приступить к тому, чтобы постепенно разрядить и первую, и вторую, и третью.

Здравый смысл требует немедленных действий против продолжения разорительной и гибельной гонки вооружений. Размещение нового ядерного оружия в Европе вызовет лишь эскалацию и появление новых ракет и на Западе, и на Востоке. В результате безопасность Европы не возрастет, а уменьшится.

Необходимо предотвратить превращение космоса в новую арену ядерной гонки. В «звездных войнах» не будет победителя, они могут грозить лишь катастрофой на Земле. Советский Союз предложил запретить применение силы как в космосе, так и из космоса в отношении Земли, с тем чтобы возвести надежный заслон на пути планов милитаризации космического пространства.

Спасение человечества — в осознании людьми новых реальностей нашей эпохи. Главная из них: мы все живем во взаимозависимом мире и наш единственный шанс — не сила, а разум.

Для нас, советских людей, новое мышление в ядерный век соответственно и логично вытекает из нашего отношения, отношения партии, государства и народа к решению тех проблем, которые приобретают сейчас характер особо взрывоопасных проблем современности. Вера в необходимость избавить народы от бедствий гонки вооружений и разорительных войн пронизывала уже работы классиков марксизма-ленинизма. Достаточно назвать серию статей Фридриха Энгельса, написанную в 1893 году под общим названием «Может ли Европа разоружиться?». Когда шовинистическая волна подхватила Европу и понесла в пучину мировой войны, Фридрих Энгельс писал: «...Неужели нет другого выхода из этого тупика, кроме опустошительной войны, какой еще не видел мир?

Я утверждаю: разоружение, а тем самым и гарантия мира, возможно...».

Основатель нашего государства В. И. Ленин подчеркивал, что «разоружение есть идеал социализма»[4] и что оно требует «величайшего напряжения сил»[5] для того, чтобы преодолеть сопротивление милитаристских кругов. Ленинский Декрет о мире, принятый в первый день жизни Страны Советов, в котором Советское правительство обратилось к воюющим сторонам с призывом вступить в переговоры о заключении мира между народами, по существу, был проявлением нового мышления в условиях существовавших тогда международных отношений. А как реагировали на это другие страны, в частности Англия, Франция, США? Они заявили о том, что возникла «большевистская угроза», «советская опасность», которую вскоре попытались ликвидировать силой, организовав интервенцию 14 государств.

В ответ на Декрет о мире президент США Вудро Вильсон выдвинул свои «14 пунктов». И что характерно: свою враждебность к политике Советской России администрация США объяснила тем, что представления Советского правительства о международных отношениях противоречат представлениям администрации США. Мотивировка, в основном сохранившаяся до наших дней.

На всех последующих этапах новейшей истории Советский Союз зарекомендовал себя как последовательный инициатор стратегии разоружения. На Генуэзской конференции в апреле 1922 года советская делегация представила план всеобщего сокращения вооружений. В феврале 1928 года Советский Союз представил на рассмотрение созванной Лигой наций подготовительной комиссии конференции по разоружению проект конвенции о немедленном, полном и всеобщем разоружении как наилучшей гарантии безопасности для всех народов.

Присоединившись первым в 1928 году к пакту Бриана-Келлога о запрещении войны как орудия национальной политики, Советский Союз затем предложил на всеобщей конференции по разоружению в Женеве (1932—1934 гг.) принять декларацию об определении агрессии и нападающей стороны[6]. Однако и это предложение, и советское предложение на конференции заключить конвенцию о всеобщем и полном разоружении, а также другие — были отклонены, не получив поддержки у большинства капиталистических государств. Европа шла навстречу второй мировой войне.

Атомные молнии в августе 1945 года в Хиросиме и Нагасаки адской вспышкой осветили картину ядерного апокалипсиса, который ожидает человечество, если оно не сумеет по-новому осмыслить реальности ядерного века.

Когда мы говорим сейчас с особой встревоженностью о необходимости нового мышления в ядерную эпоху, мы имеем в виду необходимость принципиального изменения основных критериев в подходе к решению глобальных проблем современности со стороны *всего* человеческого сообщества, со стороны *всех* государственных деятелей. Ведь для того, чтобы решить эти проблемы, и прежде всего устранить наиболее опасную и непосредственную угрозу для жизни на Земле, необходимы *совместные усилия* всех членов сообщества, а для того, чтобы противодействовать этому, достаточно несогласия и одной стороны. Нельзя упускать из виду, что существуют влиятельные силы, придерживающиеся философии и практики устрашения, намеренные добиваться военного превосходства над другой стороной. Вот почему вопрос об утверждении нового мышления приобретает столь актуальное и первостепенное значение для человечества.

Кодекс мира в ядерный век

САМ ЯДЕРНЫЙ ВЕК несет с собой своеобразную философию отрицания, когда многие понятия, с помощью которых человек осмысливал окружающий мир и выражал свое отношение к нему, утратили смысл и все чаще употребляются с отрицательной частицей «не», что свидетельствует о неспособности разума оперировать привычными категориями в условиях ядерной

конфронтации. *Непредставляемое, непредсказуемое, немыслимое, непостижимое...*

У иных людей эта философия отрицания порождает апатию, тревогу, страх, чувства безысходности, деморализующие психику и волю. Вот почему именно в ядерный век в интересах всего человечества необходимо, чтобы умами людей овладевала философия жизнеутверждения. Осознавая невиданную в истории цивилизации опасность, мы должны быть полны решимости ее преодолеть.

Одно из доказательств приверженности социалистических стран не к блоковому, а к планетарному мышлению — в том, что социализм выступает первым и последовательным защитником не просто своего строя, а всей цивилизации. Это не звучит самонадеянно и претенциозно, если вспомнить, сколько планов ядерной войны было разработано против СССР и его союзников и как всякий раз они срывались, по признанию их собственных инициаторов, только потому, что Советский Союз вовремя создавал ответный потенциал возмездия.

Вклад СССР в защиту мира — это достигнутый ценой огромного напряжения сил всего народа глобально-стратегический паритет, основа международной безопасности. В ядерный век важнейшим фактором международной стабильности является последовательный миролюбивый курс руководства СССР. С первых дней существования Советского государства КПСС и Советское правительство проводят в жизнь неизменную ленинскую политику мира и мирного сосуществования. Ни один серьезный политический деятель, который знаком с историей Советского государства, его героической борьбой против фашизма и жертвами, которые понесла в ней наша страна, с характером и психологией советского человека, не может сомневаться в том, что миролюбие органически присуще советскому народу и оно последовательно реализуется в политике Советского Союза. Однако дело обеспечения мира на Земле зависит не только от нашей страны.

«Диалектика войны и мира в нашу эпоху заключается в том, что империализм уже не может сам решать проблему войны, а социализм еще не может решать сам проблему мира,— отмечает советский исследователь профессор ф. Бурлацкий.— К сожалению, решение проблемы предотвращения мировой термоядерной войны зависит не только от нас, то есть от государств социалистического содружества, от всех миролюбивых сил. Но мы не можем отложить его до того времени, пока на земле победит социализм. Эту проблему нужно решать в нынешних условиях — в условиях противоборства и сотрудничества двух мировых систем, используя сложившееся равновесие сил как фактор мира и мирного сосуществования»[7].

Основываясь на диалектическом анализе усложняющейся системы международных отношений, XXVI съезд КПСС предложил широкую программу международного сотрудничества. «Не подготовка к войне, обрекающая народы на бессмысленную растрату своих материальных и духовных богатств, а упрочение мира — вот путеводная нить в завтрашний день»[8],— отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии. Внешнеполитические программные установки XXVI съезда КПСС нашли свое дальнейшее развитие в решениях последующих пленумов, в выступлениях товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко.

Международная общественность и все трезвомыслящие политические деятели в мире с большим интересом встретили новые советские мирные предложения, в том числе инициативу Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко о необходимости совместного признания ядерными державами норм отношений между ними, о придании им обязательного характера[9]. Принятие таких норм, по существу, гарантировало бы предотвращение атомной войны.

Каковы же нормы поведения ядерных государств, предложенные Советским Союзом?

Первое. Рассматривать предотвращение ядерной войны как главную цель своей внешней политики. Не допускать ситуаций, чреватых ядерным конфликтом. А в случае возникновения такой опасности проводить срочные консультации, чтобы не дать вспыхнуть ядерному пожару.

Второе. Отказаться от пропаганды ядерной войны в любом ее варианте — глобальном либо ограниченном.

Третье. Взять обязательство не применять первым ядерное оружие.

Четвертое. Ни при каких обстоятельствах не применять ядерного оружия против неядерных стран, на территории которых такого оружия нет. Уважать статус уже созданной и поощрять образование новых безъядерных зон в различных районах мира.

Пятое. Не допускать распространения ядерного оружия в любой форме: не передавать кому бы то ни было этого оружия или контроля над ним; не размещать его на территориях стран, где его нет; не переносить гонку ядерных вооружений в новые сферы, включая космос.

Шестое. Шаг за шагом, на основании принципа одинаковой безопасности добиваться

прекращения производства ядерных вооружений вплоть до их полной ликвидации во всех разновидностях.

Советский Союз не только выдвинул эти предложения. Он положил их в основу своей политики. На основе взаимности он готов в любое время договориться с другими ядерными державами о совместном признании норм такого рода и придании им обязательного характера.

Предложенный Советским Союзом кодекс поведения — свидетельство высокого *чувства* ответственности нашей страны за судьбы цивилизации, пример нового мышления в ядерный век. КПСС считает, что ядерная война должна быть исключена как катастрофа, гибельная для всех. Из самой равнозначности для всех гибельных последствий ядерного конфликта вытекает *объективная необходимость строить международные отношения на основе принципа равенства и одинаковой безопасности.*

И надо обладать близорукостью, граничащей с потерей инстинкта самосохранения, чтобы отрицать такой подход и в пику ему стремиться к превосходству, не соглашаться на взаимный отказ от применения ядерного оружия первым. Насколько бы выиграло дело мира, если бы политики устрашения прислушались к предостережениям своих собственных ученых, которые сбросили с себя оковы старого мышления.

Американский ученый-химик, лауреат Нобелевской премии Лайнус Полинг писал: «Мы должны все больше стремиться к такому миру, который управляется справедливостью и международным правом, а не силой. Мы все, включая дипломатов и государственных деятелей, должны изменить наш способ видения. Мы должны признать, что экстремальный национализм принадлежит прошлому. Следует отказаться от воззрения, что правильным является нанесение ущерба другим нациям, коль скоро это сулит преимущество собственной. Мы все должны начать работать ради всего мира как такового, ради человечества»[10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

РАЗУМ — НАША ЗАДАЧА

НЕ ДОВОДИЛОСЬ ЛИ ВАМ, читатель, услышать от своего собеседника, человека простого, не искушенного премудростями науки и политики, вдруг резкое и категоричное: «Все зло от ученых, которые придумали атомную бомбу, отвертеть бы им всем головы за это...».

Не знаем, как вы, а мы не раз слышали эти горькие жестокие слова, когда праведный гнев обычного человека, вызванный варварским оружием и людоедскими рассуждениями о допустимости его применения, обращался вдруг огульно и несправедливо против самой науки. И в этой вспышке гнева, ослепляющей человека, отказывающегося охватить умом и сердцем немыслимое, смещались понятия. И отступали на задний план гуманность и величие науки, победившей оспу, чуму и иные гибельные в прошлом эпидемии, науки, зажегшей светоч прогресса в царстве тьмы, бедности и невежества,— все это заволакивало жутким грибовидным облаком, последним видением Судного дня.

Но сейчас не до дебатов о справедливых и несправедливых взглядах и оценках. Речь должна идти об ответственности перед судьбами мира. Вот почему ученые, выпустившие ядерного джинна и не вольные уже распоряжаться им, именно они, знающие как никто другой последствия ядерной войны, должны первыми восстать против философии и практики ядерного устрашения. Политики, ученые, общественные деятели, все, кем движет *чувство* ответственности за судьбу нашей единственной и неповторимой Земли людей, должны объединить усилия всего антивоенного движения, чтобы прекратить милитаристский амок.

Вспомните новеллу Стефана Цвейга «Амок» или фильм с тем же названием марокканского режиссера Сухейля Бен-Барки. Это малайское слово, вошедшее в языки всего мира, означает внезапно возникающее психическое расстройство, которое сопровождается проявлениями агрессии и бессмысленными убийствами; состояние тех, кто теряет рассудок и в припадке бешенства разрушает все и вся на своем пути. Амок — также разновидность сумеречного состояния, когда помрачается сознание, нарушается ориентировка в окружающем мире, а в худшем случае теряется всякая память о прошлом.

Виновные в гонке ядерных вооружений, словно гонимые амоком, могут увлечь за собой всех в бездну всеобщей погибели.

Неужели само развитие науки, высшие достижения разума уготовили подобную судьбу человечеству, подведя его к черте самоуничтожения? Далеко не все в мире разделяют саму постановку этого вопроса. Одни гонят эти мысли прочь от себя и от других, полагая, что они лишь вселяют пессимизм и парализуют волю. Другие, подобно Эдварду Теллеру и его единомышленникам, преуменьшают опасность ядерной войны, утешая своих сограждан выкладками о вполне терпимых, на их взгляд, потерях.

Острота ситуации исключает оба подхода. Единственно верный подход заключается в том, что *люди должны осознавать всю опасность, но быть полны решимости ее преодолеть.* Это непросто, ибо здесь заключено противоречие: на иных людей информация о накопленном арсенале ужаса и о безостановочной гонке вооружений действует и впрямь удручающе. Антонио Грамши в свое время говорил о «пессимизме интеллекта и оптимизме воли», свойственных человеку. Осознание глобальных опасностей, которые грозят миру, должно, однако, не подавлять, а напротив — укреплять оптимизм нашей воли. И это демонстрирует на практике лучшая часть человечества, которую не отравил угар национализма, самовлюбленности и презрения к инакомыслящим, которая ощущает жизненную взаимозависимость и взаимную ответственность за мир. По мере роста ядерной угрозы ширятся ряды антивоенного движения, в которое вливаются новые потоки — религиозные и военные деятели, врачи, деятели искусства, ученые, в первую очередь те из них, кто глубоко занимается изучением проблем войны и мира. Преисполненные возмущения против бесчеловечности гонки вооружений, голода и нищеты в «третьем мире», бездушного, варварского отношения к природе, они помогают себе и другим преодолеть пессимизм интеллекта и мобилизовать волю к борьбе.

Это движение, начатое еще А. Эйнштейном, Б. Расселом и Ф. Жолио-Кюри, которые выступили в 50-е годы с манифестом, ставшим программным документом Пагуошского движения за мир, сегодня объединяет тысячи и тысячи ученых в разных странах.

Президент Академии наук СССР академик А. П. Александров так определил позицию ученых

в борьбе против ядерного оружия: «Ответ на этот вопрос дали еще А. Эйнштейн и Б. Рассел: *надо учиться думать по-новому* (курсив наш.— *Авт.),* надо перестать искать военное решение проблем человечества. И человечество созрело для этого»[1]. Есть ли надежда, что новое мышление восторжествует до того, как наступит тотальная катастрофа? Мы думаем, что есть. И это не голубой идеализм и не слепое фанатичное «верую!». Это оптимизм воли, преобразующий пессимизм разума в надежду и уверенность на основе законов исторического развития и веры в жизненные силы цивилизации.

Наша уверенность подкрепляется в первую очередь последовательным миролюбием Советского Союза и других социалистических стран, которые рассматривают свою политику поддержания военно-стратегического паритета как гарантию национальной и международной безопасности, гарантию сохранения мира на Земле.

Вторым фактором нашей уверенности является растущее прозрение мировой общественности в отношении глобальных угроз, надвигающихся на человечество, и возможности их решения на путях прекращения гонки вооружений. Новый феномен нарастающего движения за мир, против ядерной войны заключается в том, что все новые слои населения на Западе, не надеясь более исключительно на политиков и специалистов, включаются в активные антивоенные действия.

И третий фактор — осознание все большим числом трезвомыслящих политиков в капиталистических и развивающихся странах новых реальностей ядерного века, прежде всего главной из них: необходимости покончить с гонкой вооружений, пока она не покончила с нами.

Формула Антонио Грамши о пессимизме интеллекта и оптимизме воли диалектична не только в своем противоречии, но и в своей сути. Первая часть, напоминая о библейской истине «во многой мудрости много печали», не означает бессилия разума, а лишь признает печальный факт ограниченности разумного в мире.

Чем старше и мудрее мы становимся (процесс отнюдь не у всех одновременный), тем с большим прискорбием мы осознаем неустроенность, несправедливость и неразумность многого, что совершается в мире. Но наша возросшая мудрость, при всей ее печали, будучи помноженной на оптимизм нашей воли, вселяет веру в необходимость наших ежедневных усилий во имя разумного начала жизни на Земле. В этом и заключены неистребимые истоки человеческого жизнелюбия.

Согласно притче о святом Августине, у него как-то спросили: «Вот, допустим, вы стрижете овец. И в эту минуту настает Судный день. Как вы поступите?»

Святой Августин ответил: «Буду стричь овец».

И, думается, правильно ответил. Стричь овец, делать свое дело, не взирая на все тревоги и трудности. Тем более, что мы не только отвергаем неизбежность ядерного апокалипсиса, но и делаем все, чтобы предотвратить его.

Когда раздумываешь о возможностях и пределах разумного, вспоминается знаменитый афоризм Гегеля: «Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно». Уже у современников философа он вызывал возражения, которые могут лишь усилиться в наше время, если воспринимать эту формулу буквально. И в самом деле, разве наличие ядерного «сверхубийства» разумно?

Диалектический смысл данного афоризма, который, по Энгельсу, заключается в том, что все разумное в человеческих головах «предназначено к тому, чтобы стать действительным»[2], раскрыл в своих лекциях сам Гегель, который в курсе по философии права утверждал: «Все, что разумно, то неизбежно»[3].

В этом утверждении заключена вера в неизбежность победы разума. Это было и остается одним из главных устоев марксистско-ленинского учения. «...Разум в мировой истории все же побеждает»[4],— утверждал Карл Маркс.

Верой в силы разума, которые противостоят силам безумия и войны, проникнут весь подход КПСС и международного коммунистического движения к решению глобальных проблем современности, в том числе самой острой из них — предотвращению ядерной катастрофы.

К этому неутомимо и настойчиво призывают социалистические страны. В Декларации стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи, принятой 14 июня 1984 г. в Москве на Экономическом совещании на высшем уровне, подчеркивалось: «Руководители коммунистических и рабочих партий и главы государств и правительств стран — членов СЭВ считают, что необходимо вести дело не к конфронтации между государствами различных социальных систем, не к возведению в отношениях между ними все новых и новых преград, а к поискам конструктивных путей развития мирных, устойчивых международных политических и экономических отношений при учете

существующих в мире реальностей и интересов всех стран. Они твердо убеждены в том, что никакие мировые проблемы, включая исторический спор между социализмом и капитализмом, не могут быть решены военным путем».

Не оружие и сила, а разум и воля народов имеют решающее значение в истории. Достаточно ли велики силы разума, чтобы предотвратить непоправимое? Этот вопрос приобретает особую остроту в наше время еще и потому, что князья ядерной тьмы, философы устрашения, набросив на себя тогу мудрецов атомного века, развивают мысли о немыслимом, преуменьшая опасность, сковывая волю к сопротивлению. В который раз вспоминается предупреждение великого Гойи: «Сон разума рождает чудовищ». Перед нами прошла галерея мрачных фигур с извращенным мышлением атомных маньяков, для которых будущее человечества желаннее всего представлялось бы цивилизацией чапековских саламандр. Это они, философы устрашения, подрывают веру людей в гуманность и созидательную силу разума.

Но ведь во все времена в разуме боролись два начала: пессимистическое и оптимистическое, сомнение и вера. «Сова Минервы вылетает только в сумерки». В этом афоризме Гегеля сквозит нота сожаления о том, что философия всегда запаздывает со своими объяснениями.

Советский философ Арсений Гулыга отметил, что гегелевский пессимизм удручающе действовал на молодых учеников философа, выражавших несогласие с таким подходом. Один из них, Михелет, решил дополнить слова учителя следующим образом: «Но философия — это также предрассветный крик петуха, возвещающий новую молодость мира». Гегель, прочитавший рукопись Михелета, одобрил ее.

Будучи прежде всего диалектиком, Гегель не мог не осознавать противоречивости самой жизни, а значит и философии, стремящейся познать и объяснить ее. В ядерный век все противоречия мирового развития достигают поистине глобальных размеров и еще острее ставят перед философами задачу, сформулированную Марксом: если раньше философы различным образом объясняли мир, то сейчас речь идет о том, чтобы изменить его. Изменить, сделав мир более справедливым и человечным. А это значит прежде всего устранить нависшие над ним глобальные угрозы.

Сейчас на нашей планете сталкиваются два разных подхода к настоящей и будущей истории человечества, два разных образа мышления. Приверженцы старого подхода, мышления категориями силы и устрашения хотели бы остановить социальный прогресс, переустроить мир в соответствии со своими имперскими амбициями, не останавливаясь перед «крестовым походом» против инакомыслящих. Сторонники же нового мышления, веря в человеческий разум и солидарность, выступают за раскрепощение духа человека, за общую ответственность людей перед нынешним и будущими поколениями за судьбу Земли. И здесь не может быть места равнодушию. Ибо в ядерный век — век всеобщей взаимозависимости как никогда верна гуманистическая истина: чужого горя не бывает. Все горе мира, вся боль Земли — это наше, мое и твое горе.

Разве не об этом еще в XVII веке писал английский поэт Джон Донн:

Если море подмывает материки, Суши становится меньше. Если умирает один человек, Человечество становится меньше. Потому не посылай узнать, По ком звонит колокол. Он звонит по тебе.

Колокола Хатыни и Бухенвальда, Хиросимы и Нагасаки звонят, взывая к нам, ко всему человечеству: не допустить трагедии войны! Только пропустив всю боль мира через себя, охватив своим разумом гибельность грозящих Земле бед, человек способен предотвратить их, предотвратить своим мыслящим сердцем, всей страстью разума.

Во времена прежних войн люди знали: когда над страной нависала страшная угроза, призыв «Отечество в опасности!» объединял всех патриотов. В век атомного оружия уже не отдельным странам, а всей нашей планете угрожает термоядерная катастрофа. Вот почему сейчас первейшим лозунгом всех, кто объединен чувством принадлежности к нашей общей родине — Земле, должен стать призыв «Человечество в опасности!»

Это не преувеличение, а трезвая оценка ситуации. И ее осознают все новые и новые слои общественности. Поэтому все чаще встречаются друг с другом люди разных взглядов, профессий и политического опыта. Не соглашаясь во многом, они едины в неприятии философии устрашения, политики гонки вооружений.

С новой силой вздымаются волны антивоенных митингов, демонстраций и массовых маршей. И среди моря людей, протестующих против новых ракет, плывут плакаты: «У динозавров было слишком много брони и слишком мало серого вещества в черепе, поэтому они вымерли раньше других», «Атомная война угрожает нам всем», «Надо действовать! Немедленно! Сейчас!»

Именно так понимает свою личную ответственность за судьбы человечества все большее число людей. Новое мышление в ядерный век означает, что мы, люди разных наций, веры и убеждений, ощущаем себя идущими в одной связке в гору жизни.

«Разум человека сильнее его кулаков»,— писал еще Франсуа Рабле. Но с каким еще трудом многие приходят к осознанию этой истины!

В ядерный век есть лишь одна альтернатива: теперь невозможно разрубить мечом крестоносца гордиев узел запутанных глобальных проблем современности. Ядерный меч поразит и самих людей, желающих такой развязки. Только кропотливо, совместными усилиями распутывая затянутый в узел клубок проблем, можно найти ту нить Ариадны, которая выведет человечество из лабиринта ядерной безысходности в мир разума, доверия и сотрудничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

[1] Цит. по: История внешней политики СССР. 1917—1945, т. 1. М., 1976, с. 98.

[2] Там же.

[3] San Francisko News, 1931, Aug. 13.

[4] The New York Times, 1941, June 26.

[5] См. Коротич В. Лицо ненависти. М., 1983.

[6] Цит. по: Грайнер Б., Штайнгаус К. На пути к третьей мировой войне? Военные планы США против СССР. Документы. М., 1983, с. 18—19.

[7] Арбатов Г., Олтманс В. Вступая в 80-е... М., 1983, с. 54—55.

[8] Rissener Jahrbuch 1983/1984, Hamburg, Haus Rissen, 1984. Internationales Institut fur Politik und Wirtschaft. Internationale Politik, S. 11.

[9] Цит. по: Арбатов Г., Олтманс В. Указ, соч., с. 55.

[10] Там же.

[11] Цит. по: Alperovitz G. Atomic Diplomacy.—In: Compton J. V. (ed.) America and the Origins of the Cold War. N. Y., 1972, p. 50.

[12] см. Kennan G. Memoiren eines Diplomaten, Bd. 2, Munchen, 1971, S. 552 ff.

[13] Foreign Affairs. Vol. 25, 1947, No. 4, p. 566.

[14] Ibid.

[15] Kennan G. Russland, der Western und die Atomwaffe. Frankfurt-am-Meine, 1958, S. 69.

[16] Ibid.

[17] Sulzberger C. The Big Thaw. N. Y., 1955, p. 250.

[18] Truman H. Memoirs, vol. II. N. Y., 1955, p. 290.

[19] См. Петровский В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль. М., 1976, с. 79.

[20] Там же, с. 93.

[21] См. Kissinger H. Problems of National Strategy. N. Y., 1965, p. 477.

[22] см. Theorien der internationalen Beziehungen. Ed by R. Piper. Munchen, 1977, S. 188.

[23] Kissinger H. The Necessity for Choice. Prospects of American Foreign Policy. N.Y., 1960, p. 82—92.

[24] Kintner W. Peace and Strategy Conflict. N. Y., 1967, p. 82.

[25] Nanning N. Essential Equivalence: the End of the Nuclear Deterrent Myth.—International Defence Review, vol. 12, 1979, Apr. 4, p. 179.

[26] Rosecrance R. Strategic Deterrence Reconsidered.—Adelphi Paper, 1975, No. 116, p. 2.

[27] см. Kauffman W. The Requirements of Deterrence, Memorandum No. 27, Center of International Studies, Princeton University, 1954; Schlesinger J. Annual Defence Department Report FY 1975. Wash., 1974.

[28] Rosecrance R. Op. cit., p. 8.

[29] SIPRI Jahrbuch 1981/1982, Hamburg, 1983, S. 54.

[30] Надуманность и опасность концепций Г. Кана подверглись резкой критике в работах многих советских исследователей, например: Петровский В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль. М., 1976, с. 103—105; Трофименко Г. А. Стратегия глобальной войны. М., 1968, с. 135.

Глава 2

[1] Цит. по: Koch P. Wahnsinn Rustung. Hamburg, 1981, S. 13.

[2] Откуда исходит угроза миру. М., 1982, с. 7.

[3] См. The Defence Monitor, 1974, May, p. 2.

[4] Morgentau H. Politics among Nations. N. Y., 1948, p. 90, 324 (см. Петровский В. Ф. Указ, соч., с. 175).

[5] См. „Dropshot". The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957. Ed. by Brown A. N. Y., 1978, p. 45 (далее: „Dropshot" ...).

[6] Ibid.

[7] Containment. Documents on American Policy and Strategy. 1945—1950. Ed. by T. Etzold, Y. Gaddis. N. Y., 1978, p. 431.

[8] „Dropshot" .., p. 20.

[9] Цит. по: Persy S. Schlaglicht Atom. Aus der Geschichte der Kernforschung. Berlin,

1973, S. 193.

10 Откуда исходит угроза миру, с. 8.

11 Петровский В. Ф. Советская концепция разоружения. М., 1983, с. 29.

12 Цит. по: Откуда исходит угроза миру, с. 73.

13 Там же, с. 8.

14 См. Международная жизнь, 1984, № 2, с. 115.

15 Brauch H. G. Ей гор а in der Geiselrolle. — In: Verantwortung fur der Frieden. Naturmissenschafter gegen Atomrustung. Reinbek bei Hamburg. 1983 (далее: Verantwortung fur der Frieden...)

16 Ibid., S. 190.

17 Ibid.

18 Ibid., S. 192.

19 Откуда исходит угроза миру, с. 34.

20 Washington Post, 1983, Dec. 28.

21 Ibid.

22 Brauch H.G. Op. cit., S. 198.

23 см. Dugger R. R. Reagan: The Man and His Presidency. N. Y., 1983.

24 New York Times, 1983, Apr. 14.

25 Ibid.

26 Washington Post, 1983, Apr. 18.

27 Brauch H.G. Op. cit., S. 197.

28 Tatu M. Le Bataille des euromissiles.— Les cahiers de la Fondation pour les Etudes de Defense Nationale, 1983, No 29.

29 см. Brauch H. G. Op. cit., S. 97.

30 см. Lutz D. Weltkrieg wider Willen? Reinbek bei Hamburg, 1981.

31 Brauch H.G. Op. cit., S. 104.

32 Ibid., S. 94.

33 Ibid., S. 199.

34 Цит. по: Правда, 1984, 24 мая.

35 Правда, 1984, 20 мая.

36 Там же.

Глава 3

1 Schlesinger A. Origins of the Cold War.— Foreign Affairs, 1967, Oct., p. 22—23.

2 Ibid., p. 26.

3 Warburg J. P. The United States in the Postwar World. L., 1966, p. 33.

4 Bending A. Dulles on Diplomacy. N. Y., 1965, p. 157.

5 Elliot P., Summerskiel M. A Dictionary of Politics. L., 1957, p. 90.

6 Berding A. Op. cit., p. 30.

7 Ibid., p. 31—32.

8 Ibid., p. 34.

9 Rostow W. W. View from the Seventh Floor. N. Y., 1964.

10 Ibid., p. 35.

11 Ibid., p. 34.

12 Ibid., p. 48.

13 Ibid., p. 34.

14 Ibid., p. 35.

15 Journal of International Affairs, 1963, No. 1, p. 51.

16 Ibid., p. 54.

17 Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 32, с. 99.

18 Straus-Hupe R. The Real Communist Threat.— International Affairs, 1965, Oct., p. 612—622.

19 Gardner R. N. In Persuit of World Order. N. Y., 1966, p. XIII.

20 Cleveland H. The Obligations of Power. N. Y., 1966, p. 15.

21 Kennan G. On Dealing with the Communist World. N. Y., 1964, p. 3, 21.

22 Possony S. T., Pournelle J. E. The Strategy of Technology. Winning the Decisive War. N. Y., 1970.

23 Ibid., p. 3—4.
24 Brzezinski Z. Between Two Ages. N. Y., 1970, p. 74.
25 Holliday F. The Making of the Second Cold War. L., 1983.
26 New York Times, 1982, May 31.
27 Ibid.
28 Ibid.
29 Monde diplomatique, 1983, № 2.
30 Ibid.
31 Ibid.
32 Ibid.
33 Цит. по: Литературная газета, 1983, 1 июня.
34 Там же.
35 Там же.
36 Monde Diplomatique, 1983, № 2.
37 Sm. Close R. Das Ungleichgewicht des Schreckens. Mimchen, 1983.
38 см. Brauch H. G. Der chemische Alptraum Berlin-Bonn, 1982, S. 139.
39 Close R. Op. cit., S. 77.
40 Ibid., S. 56.
41 Цит. по: Как устранить угрозу Европе, М., 1983, с. 33—34.
42 Close R. Op. cit., S. 98.
43 Ibid., S. 132.
44 Ibid., S. 98—99.
45 Ibid., S. 99.
46 Politique internationale, 1980, № 8, p. 34.
47 Close R. Op. cit., S. 327, 246—247.
48 Ibid., S. 246.
49 Encounter, 1983, Sept.— Oct., p. 90—94.
50 Ibid.
51 Schlamm W. S. Am Rande des Burgerkrieges. Berlin, 1970, S. 4.
52 New York Times, 1984, Jan. 3.
53 Ibid.
54 Ibid.
55 Time, 1983, Nov. 14, p. 11.
56 Ibid., p. 23.
57 Ibid.

Глава 4

1 См. Розенталь Э. Власть иллюзии. М., 1978, с. 9.
2 Time, 1983, Nov. 14, p. 22.
3 Ibid.
4 Ibid.
5 Ibid.
6 Ibid.
7 См. Brownstein R., East on N. Reagan's Ruling Class. Wash., 1982, p. 505.
8 Ibid.
9 Ibid.
10 Ibid., p. 510.
11 Ibid., p. 506.
12 Ibid., p. 512.
13 Ibid.
14 Ibid.
15 Ibid., p. 514.
16 Ibid., p. 517.
17 Ibid., p. 519.
18 Ibid., p. 521.
19 Ibid., p. 520.
20 Ibid.

21 Ibid., p. 523.
22 Ibid.
23 International Herald Tribune, 1984, Jan. 14.
24 Brownstein R., Easton N. Op. cit., p. 502.
25 Ibid., p. 503.
26 Ibid., p. 497.
27 Ibid., p. 500.
28 Ibid.
29 Цит. по: Правда, 1984, 16 марта.
30 См. Aorklund C.W. The Department of Defence. N. Y., 1968.
31 См. Петровский В. Ф. Доктрина национальной безопасности в глобальной стратегии США. М., 1980, с. 285.
32 Там же, с. 286—287.
33 Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 27, с. 421.
34 См. Leaders Magazine, 1983, July, Aug., Sept.
35 Leaders Magazine, 1983, Sept., p. 71.
36 Ibid., p. 72.
37 Ibid.
38 Ibid.
39 Ibid.
40 Ibid.
41 Ibid., p. 73.
42 Ibid.
43 Ibid.
44 Ibid.
45 Ibid.
46 Ibid., p. 77.
47 Ibid., p. 81.
48 Ibid., p. 91.
49 Ibid.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Глава 5

1 Правда, 1984, 14 февр.
2 Экономические и социальные последствия гонки вооружений и ее исключительно пагубное воздействие на международный мир и безопасность. Доклад Генерального секретаря ООН Хавьера Переса де Куэльяра. ООН, 27 октября 1982 г.
3 Безопасность для всех. Программа разоружения. Доклад Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности под председательством Улофа Пальме. М., 1982, с. 75 (далее: Безопасность для всех...).
4 См. Кистяковский Дж. В ядерной войне победителей не будет.—Литературная газета, 1982, 9 июня.
5 Progressive, 1983, Sept.
6 Ibid.
7 Ibid.
8 Newsweek, 1983, Nov. 28.
9 Stern, 1983, Nr. 40.
10 Цит. по: Безопасность для всех.., с. 98.
11 Там же.
12 Там же, с. 99.
13 Там же, с. 100—101.
14 Там же, с. 93.
15 Там же, с. 95.
16 Schell J. The Fate of the Earth. N. Y., 1982, p. 65.
17 Ibid., p. 68, 70.
18 см. Aleksandrov V. V., Stenchikov G. L. On the Modelling of the Climatic Consequences of the Nuclear War. The Computing Centre of the USSR. Moscow, 1983.

[19] см. Richter Horst Б. Zur Psychologic des Friedens. Hamburg, 1982, S. 61.
[20] см. Generale fur den Frieden. Interviews von Gerhard Kade. Koln, 1981.
[21] Цит. по: Безопасность для всех.., с. 43.
[22] Там же, с. 204—205.
[23] Там же, с. 205.

Глава 6

[1] Global 2000. Der Bericht an den Prasidenten. Frankfurt-am-Meine, 1980, S. 145 (далее: Global 2000.:.).
[2] Если сравнить, например, производство ВНП на душу населения в Северной Америке, Западной Европе и Бангладеш.
[3] Global 2000.., S. 206.
[4] Guernier M. Tiers-Monde: trois quart du Monde. P., 1980, p. 14.
[5] Ibid., p. 134.
[6] Die okologische Wende. Industrie und Okologie — Feinde fur immer? Herausgegeben von Gunter Kunz. Munchen, 1983, S. 159 (далее: Die okologische Wende...).
[7] Global 2000.., S. 39.
[8] Ibid., S. 44.
[9] Newsweek, 1983, Oct. 31.
[10] см. Monde diplomatique, 1983, № 5.
[11] Ibid.
[12] Ibid.
[13] Panorama, 1980, 15 mai.
[14] Ibid.
[15] Nouvel Observateur, 1981, 17 oct.
[16] Harrison P. L'Empire Nestle. Faits et Mefaits d'une transnational en Amerique Latine. Lausanne, 1983.
[17] Meadows D. H., Meadows D. L., Randers I., Behreus W. The Limits to Growth. N.Y., p. 118.
[18] Загладим В. В., Фролов И. Т. Глобальные проблемы современности. М., 1981, с. 138.
[19] См. Global 2000.., S. 387—388.
[20] Безопасность для всех.., с. 136—137.
[21] Там же, с. 140.
[22] Там же.
[23] См. Sicherheitspolitik am Scheideweg? Bonn, 1982, S. 191, 536.
[24] См. Gromyko Anatolij. Soil Afrika eine Zone der Konfrontation zwischen Ost und West sein? — Rissener Jahrbuch 1982/83. Hamburg, 1983, S. 88.
[25] См. Безопасность для всех.., с. 141.
[26] См. Unabhangige К от mission fur Internationale Entwicklungsfragen. Das Oberleben sichern, Koln, 1980, S. 156, 159.
[27] Mazrui AH A. A World Federation of Cultures. N. Y., 1976; его же: Africa's Nuclear Future.— Survival, 1980, March/April.
[28] Lefevr E. W. Nuclear Arms in the Third World. U. S. Policy Dilema. N.Y., 1980.
[29] Gromyko Anatolij. Innere und ausere Konfliktpotenziale in Sud-Afrika.— Rissener Jahrbuch 1983/84, Hamburg, 1984, S. 80—84.
[30] Sicherheitspolitik am Scheideweg? S. 545.
[31] Cole J. The Poor on the Earth. L,, 1976, p. 3.
[32] Шахназаров Г. X. Социалистическая судьба человечества. М., 1978, с. 421.
[33] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 15.
[34] См. Безопасность для всех.., с. 113.
[35] Там же, с. 249.
[36] Правда, 1984, 6 марта.
[37] Monde diplomatique, 1983, № 5.

Глава 7

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 16.
[2] См. Шахназаров Г. X. Грядущий миропорядок. М., 1981, с. 222—223.
[3] Die Okologische Wende.., S. 165.

4 Ibid.
5 Images of the Future: the Twenty-First Century and Beyond, p. 3.
6 Die Okologische Wende.., S. 161.
7 Ibid., S. 164.
8 Ibid., S. 26—27.
9 Ibid., S. 46—47.
10 Friede durch Zusammenarbeit in Europa. Herausgegeben von Hansjurgen von Kries. Berlin, 1980, S. 291.
1' Wasserman H., Solomon N. e. a. Killing Our Own. The Disaster of America's Experience with Atomic Radiation. N. Y., 1982.
12 Ibid., p. 33.
13 Ibid., p. 56.
14 Ibid., p. 272.
15 Ibid., p. 110.
16 Ibid., p. 275.
17 Ibid., p. 268—269.
18 Kissinger H. Nuclear Testing and the Problem of Peace.— Foreign Affairs, 1958, No. 1, p. 1 — 18.
19 Jacobson H. K., Stein E. Diplomats, Scientists and Politicians. The United States and the Nuclear Test Ban Negotiations. Ann Arbor, 1966.
20 Verantwortung fur der Frieden. Naturwissenschaft gegen Atomrustung, S. 185—186.
21 Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 565.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 8

1 Цит. по: Европа: век XX. М., 1980, с. 98.
2 См. SIPRI. Atomwaffen in Europa, Hamburg, 1982.
3 Laszlo E. and others. Goals for Mankind. N. Y., 1977, p. 412—415.
4 Tinbergen J. and others. Reshaping the International Order. N. Y., 1970, p. 63.
5 см. Kennedy E. M., Hatfield M. O. Stoppt die Atom-Rustung, Reinbek bei Hamburg, April 1982.
6 Ibid., S. 12.
7 Безопасность для всех.., с. 12.
8 Kelly P. K. Urn Hoffnung kampfen. Gottingen, 1983, S. 72.
9 см. Jungk R. Mencheneeben. Der Aufstand gegen das Unertragliche, Munchen, 1983.
10 Правда, 1984, 3 марта.
11 См. Правда, 1984, 9 марта.
12 Nation, 1981, Oct. 10.
13 Stern, 1981, 4. Juni.
14 Blatter fur deutsche und Internationale Politik, 1983, Sept.
15 Alt F. Frieden ist moglich. Die Politik der Bergpredigt. Munchen — Zurich, 1983.
16 The Church and the Bomb. Nuclear Weapons and Christian Conscience. The Report of a Working Party under the Chairmanship of the Bishop of Salisbury. L., 1982.
17 Известия, 1983, 5 апр.
18 Чапек К. Пьесы. М., 1959, с. 364.
19 Origins, 1983, May 19.
20 Verantwortung fur der Frieden.., S. 18—20.
21 Bastian G. Frieden Schaffen: Gedanken zur Sicherheitspolitik, Munchen, 1983, S. 152.
22 Nuclear War. What's in It for You? N. Y., 1982, p. 174.
23 Материалы XXVI съезда КПСС, с. 26.

Глава 9

1 Безопасность для всех.., с. 40.
2 Nyet J. S. Independence and Interdependence.—Foreign Policy, 1976, No. 22, p. 142—143.
3 Entspannung am Ende? Munchen, 1980, S. 25.
4 Royal —das deutsche Wahrmagazin, 1978, Nr. 9, S. 35, 38.
5 Richter H.E. Op. cit., 1982, S. 61, 62.

[6] Ibid.
[7] Проэктор Д. М. Основы мира в Европе (политический и военный аспекты). М., 1983, с. 27.
[8] Kennedy E. M., Hatfield M.O. Op. cit., S. 18.
[9] Вестник Академии наук СССР, 1983, № 9, с. 90.
[10] Там же, с. 24—25.
[11] New Yorker, 1983, Oct. 5.
[12] Kennedy Б. M., Hatfield M. O. Op. cit., S. 72.
[13] Die Zeit, 1982, 3. Oct.
[14] The Wall Street Journal, 1984, March 8.
[15] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 23.
[16] Правда, 1984, 28 февр.
[17] Коротич В. Лицо ненависти, с. 6.
[18] Там же, с. 192.

Глава 10

[1] The Wall Street Journal, 1981, Febr. 23.
[2] Цит. по: Известия, 1984, 22 марта.
[3] Маркс К^ Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 387.
[4] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 30, с. 152.
[5] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 41, с. 55.
[6] См. 50 лет борьбы СССР за разоружение, с. 182.
[7] Бурлацкий Ф. Планируемый всеобщий мир — утопия или реальность? — В кн.: Проблемы мира и социального прогресса в современной философии. М., 1983, с. 97—98.
[8] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 31.
[9] Правда, 1984, 3 марта.
[10] Verantwortung fur den Frieden .., S. 13—14.

Заключение

[1] В мире науки, 1983, № 7, с. 110—111.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч^ т. 21, с. 274—275.
[3] Hegel G. W. Philosophic des Rechts. Die Vorlesung von 1819/20. Frank-furt-am-Meine, 1983, S. 373.
[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 569.

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ГРОМЫКО
ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ ЛОМЕЙКО

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ В ЯДЕРНЫЙ ВЕК

Редактор И. Н. ФОМИЧЕВ
Оформление художника В. П. ГРИГОРЬЕВА
Художественный редактор В. В. СУРКОВ
Технические редакторы: Т. С. ОРЕШКОВА, И. Г. МАКАРОВА
Корректор Ю. Н. ЧЕРУШЕВ

Сдано в набор 22.06.84. Подписано в печать 06.08.84. А 13416. Формат 84 X Ю8^{1}/з2- Бумага офсетная финская № 1. Гарнитура «Тайме». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 16,07. Уч.-изд. л. 15,52. Тираж 103000 экз. Заказ № 629. Цена 1 р. 10 к. Изд. № 14И/84. Издательство «Международные отношения». 107053, Москва, Садовая-Спасская, 20

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

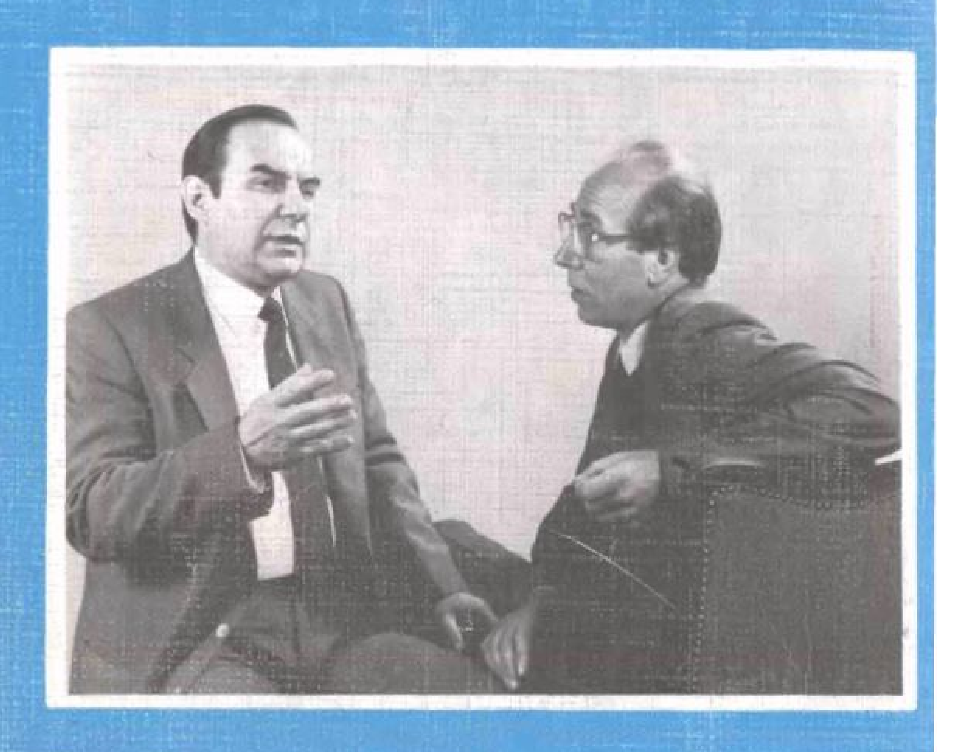
Громыко Анат. А. и Ломейко В. Б.

Г87 Новое мышление в ядерный век.— М.: Междунар. отношения, 1984.—296с.

Может ли человечество найти выход из лабиринта ядерных вооружений? Или же наша цивилизация подвернется смертельной опасности? Насколько неотвратима конфронтация между Востоком и Западом и возможно ли прекращение гонки вооружений, изматывающей человечество? Этим и другим глобальным проблемам современности посвящена книга. Подчеркивается, что советская внешняя политика, в основе которой лежит философия разоружения и доверия, может спасти цивилизацию от ядерного катаклизма.

Для широкого круга читателей.

6-23-1984

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ГРОМЫКО (р. в 1932 г.), выпускник МГИМО, видный ученый-историк, профессор, член-корреспондент АН СССР. В 60—70-е годы находился на дипломатической работе в Великобритании, США, ГДР, с 1976 г.— директор Института Африки АН СССР. Автор многих трудов по проблемам стран Африки, внешней и внутренней политики США, современных международных отношений. Лауреат Государственной премии СССР.

Неоднократно участвовал в международных конференциях и конгрессах в качестве председателя правления Советской ассоциации дружбы с народами Африки, члена Комитета советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы.

ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ ЛОМЕЙКО (р. в 1935 г.), выпускник МГИМО, известный журналист-международник, кандидат исторических наук. Длительное время работал за рубежом, возглавлял корпункт АПН в Бонне, был главным редактором АПН по странам Западной Европы, международным обозревателем «Литературной газеты». Автор ряда книг и большого числа статей по актуальным проблемам современности. Выступает как политический обозреватель в советской и зарубежной прессе.

Будучи членом Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество и Московского комитета защиты мира, принимал участие в многочисленных дискуссиях с зарубежными политическими и общественными деятелями.

1 р. 10 к.